

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:

ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА

Международный научно-аналитический журнал

Том 19, № 3 • 2025

Тема номера:

ЕАЭС — 10 ЛЕТ

Партнеры журнала: Евразийская экономическая комиссия
Координационный совет Евразийского информационно-аналитического консорциума

Решением Межведомственной рабочей группы по формированию и актуализации «Белого списка» научных журналов (от 09.09.2025 № ДС/22-пр) журнал отнесен ко второму уровню Единого государственного перечня научных изданий (доступен по адресу: <https://journalrank.rcsi.science/ru/record-sources/>). Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям:

5.2.1. Экономическая теория (экономические науки), 5.2.3. Региональная и отраслевая экономика (экономические науки), 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки); 5.1.5. Международно-правовые науки (юридические науки); 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки), 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки).

Все статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека).

Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде. Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС УЧРЕДИТЕЛЯ: 119571 Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино, пр. Вернадского, д. 82, стр. 1

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 199004 Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61

АДРЕС ИЗДАТЕЛЯ: 199178 Санкт-Петербург, В.О., Средний пр., д. 57/43

АДРЕС ТИПОГРАФИИ: 199004 Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. www.eijournal.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При перепечатке ссылка на журнал «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025
- © Редакция журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (составитель), 2025
- © Все права защищены

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

THE RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
NORTH-WEST INSTITUTE OF MANAGEMENT

ISSN 2073-2929
DOI 10.22394/2073-2929

EURASIAN INTEGRATION:

ECONOMICS, LAW, POLITICS
International Scientific and Analytical Journal

Vol. 19 No 3 • 2025

Topic of the Issue:
EAEU 10TH ANNIVERSARY

Partner of the journal: Eurasian Economic Commission
Coordinating Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium

FOUNDER: 119571 Moscow, internal territory of the city, municipal district Troparevo-Nikulino, Vernadsky Ave., 82, building 1
EDITORIAL: 199004 St. Petersburg, Vasilievsky Island, 8th Line, 61
PUBLISHER: 199178 St. Petersburg, Vasilievsky Island, Sredny Prospekt, 57/43
PRINTING HOUSE: 199004 St. Petersburg, Vasilievsky Island, 8th Line, 61
Ph.: (812) 335-94-72, 335-42-10. www.eijournal.ru

- © Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2025
- © North-West Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2025
- © Editorial Board of the Journal „Eurasian Integration: economics, law, politics“ (compilation), 2025
- © All rights reserved

It is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ГЛАЗЬЕВ Сергей Юрьевич, Государственный секретарь Союзного государства России и Беларуси, академик Российской академии наук, доктор экономических наук, профессор

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

КЕФЕЛИ Игорь Федорович, директор проекта НИЛ стратегического планирования и евразийской интеграции Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, эксперт РАН

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ СОВЕТ

МЯСНИКОВИЧ Михаил Владимирович, член-корреспондент НАН Беларуси, доктор экономических наук, профессор

ШАМАХОВ Владимир Александрович, научный руководитель международного научного совета, научный руководитель СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса

СЛУЧЕВСКИЙ Вячеслав Владимирович, заместитель научного руководителя международного научного совета, советник научного руководителя Северо-Западного института управления РАНХиГС, кандидат исторических наук

АЛИМБЕКОВ Мусабек Тургынбекович, почетный профессор Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук (Казахстан)

БЕБЕНИН Сергей Михайлович, Председатель Законодательного собрания Ленинградской области

БОНДУРОВСКИЙ Владимир Владимирович, заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, кандидат юридических наук

БОРДЮЖА Николай Николаевич, председатель Координационного совета Евразийского информационно-аналитического консорциума (ЕИАК)

КОГУТ Виктор Григорьевич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального собрания Республики Беларусь в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат политических наук, доцент

КУЧЕРЯВЫЙ Михаил Михайлович, доктор политических наук, доцент

ЛОКЯН Арсен Багдасарович, ректор Академии государственного управления Республики Армения, доктор психологических наук

МАКСИМЦЕВ Игорь Анатольевич, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, доктор экономических наук, профессор

РАХИМИ Фарход Кодирович, действительный член, президент Национальной академии наук Таджикистана, доктор физико-математических наук, профессор

САТВАЛДИЕВ Нурбек Абдурашитович, директор Бишкекского филиала Международного института мониторинга развития демократии, парламентаризма и защиты избирательных прав граждан государств — участников МПА СНГ (МИМРД МПА СНГ), кандидат политических наук

САФАРЗОДА Бахтовар Амирали, Чрезвычайный и Полномочный Посол Республики Таджикистан в Республике Беларусь, полномочный представитель Маджлиси Оли — парламента Республики Таджикистан в ПА ОДКБ, доктор юридических наук

ХАНЬ Лихуа, старший научный сотрудник Университета международного бизнеса и экономики (Китай), PhD, профессор

ЧИЛИНГАРЯН Айк Марселолич, заместитель Генерального секретаря Совета МПА СНГ, полномочный представитель Национального Собрания Республики Армения в МПА СНГ, ПА ОДКБ, кандидат экономических наук

ШУХНО Сергей Степанович, заместитель начальника отдела Департамента развития интеграции Евразийской экономической комиссии

ЭРКЕБАЕВ Абдыганы Эркебаевич, академик Национальной Академии наук Кыргызской Республики, председатель совета Ассамблеи народа Кыргызстана, доктор филологических наук

ЯКУНИН Владимир Иванович, заведующий кафедрой государственной политики факультета политологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АБАЙДЕЛЬДИНОВ Ербол Мусинович, профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева, доктор юридических наук, профессор (Казахстан, Астана)

АКАЕВ Аскар Акаевич, доктор технических наук, профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, иностранный член Российской академии наук (Кыргызстан)

АСАУЛ Максим Анатольевич, доктор экономических наук (Россия, Москва)

ВЕТРЕНКО Инна Александровна, заведующая кафедрой социальных технологий СЗИУ РАНХиГС, директор Исследовательского аналитического центра «Русская мечта», доктор политических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич, директор Института Европы Российской академии наук, доктор политических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Россия, Москва)

ДЕНИСОВ Андрей Иванович, первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации по международным делам, кандидат экономических наук (Россия, Москва)

ЕНГОЯН Ашот Пайлакович, заведующий кафедрой теории и истории политической науки Ереванского госуниверситета, доктор политических наук, профессор (Армения, Ереван)

КАЗАНЦЕВ Андрей Анатольевич, директор аналитического центра Института международных исследований Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук (Россия, Москва)

КАШКИН Сергей Юрьевич, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Москва)

КАЮМОВ Нуриддин Каюмович, академик Национальной академии наук Таджикистана, доктор экономических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

КОЖОШЕВ Арзыбек Орозбекович, Член Коллегии (министр) по энергетике и инфраструктуре Евразийской экономической комиссии, доктор экономических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)

КРОТОВ Михаил Иосифович, Полномочный представитель Федерального Собрания Российской Федерации — заместитель Ответственного секретаря ПА ОДКБ, доктор экономических наук, профессор (Россия, Москва, Санкт-Петербург)

КУЗНЕЦОВ Алексей Владимирович, директор Института научной информации по общественным наукам (ИНИОН) РАН, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН (Россия, Москва)

КУКЛИНА Евгения Анатольевна, профессор кафедры бизнес-информатики СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических наук, профессор, редактор раздела «Экономика» (Россия, Санкт-Петербург)

ЛЕБЕДЕВА Марина Михайловна, заведующая кафедрой мировых политических процессов Московского государственного института международных отношений, доктор политических наук, профессор (Россия, Москва)

ЛИВЕРОВСКИЙ Алексей Алексеевич, научный руководитель юридического факультета Санкт-Петербургского государственного экономического университета, заведующий кафедрой конституционного права, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

МЕЖЕВИЧ Николай Маратович, исполнительный директор Ассоциации внешнеполитических исследований им. А. А. Громыко (Россия, Москва), доктор экономических наук, профессор

МИШАЛЬЧЕНКО Юрий Владимирович, профессор кафедры международного и гуманитарного права СЗИУ РАНХиГС, доктор экономических и юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

НОВИКОВА Ирина Николаевна, декан факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета, доктор исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

РЕМЫГА Владимир Николаевич, генеральный директор Координационного центра «Экономический пояс Шелкового пути», доктор экономических наук (Россия, Москва)

СЕРГЕВНИН Сергей Львович, декан юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, редактор раздела «Право» (Россия, Санкт-Петербург)

СКВОРЦОВ Олег Юрьевич, профессор кафедры коммерческого права СПбГУ, доктор юридических наук (Россия, Санкт-Петербург)

СТАРОВОЙТОВ Александр Александрович, эксперт юридического факультета СЗИУ РАНХиГС, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)

ТОРОПЫГИН Андрей Владимирович, профессор кафедры международных отношений СЗИУ РАНХиГС, доктор политических наук, редактор раздела «Политика» (Россия, Санкт-Петербург)

ФАРХУТДИНОВ Инсур Забирович, ведущий научный сотрудник сектора международно-правовых исследований Института государства и права РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала, доктор юридических наук (Россия, Москва)

ХАШ-ЭРДЭНЭ Самбалхундэв, председатель общества «Знание» Монголии, доктор социологических наук, профессор (Монголия, Улан-Батор)

CHIEF EDITOR

GLAZYEV Sergey, State Secretary of the Union State of Russia and Belarus, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics

DEPUTY CHIEF EDITOR

KEFELI Igor, Director of the Project of the Reserch Laboratory of Strategic Planning and Eurasian Integration, North West Institute of Management, RANEPA, Doctor of Philosophy, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Expert of RAS

INTERNATIONAL SCIENTIFIC COUNCIL

MYASNIKOVICH Mikhail, Corresponding Member of the National Academy of Sciences of Belarus, Doctor of Economics, Professor

SHAMAKHOV Vladimir, Scientific Supervisor of the Council, Research Supervisor of the North-West Institute of Management — branch of the RANEPA, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class

SLUCHEVSKY Vyacheslav, Deputy Scientific Supervisor of the Council, Advisor to the Research Supervisor of North-West Institute of Management of RANEPA, PhD in Historical Sciences

ALIMBEKOV Musabek, honorary professor of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, Doctor of Laws

BEBENIN Sergey, Chair of the Legislative Assembly of the Leningrad Region

BONDUROVSKY Vladimir, Deputy Executive Secretary of the CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Law

BORDYUZHA Nikolai, Chairman of the Coordinating Council of the Eurasian Information and Analytical Consortium

KOGUT Viktor, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Belarus in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Political Sciences, Associate Professor

KUCHERYAVY Mikhail, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

LOKYAN Arsen, Rector of the Academy of Public Administration of the Republic of Armenia, Doctor of Psychology

MAKSIMTSEV Igor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Doctor of Economics, Professor

RAHIMI Farhod, President of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Doctor of Physics and Mathematics, Professor

SATVALDIEV Nurbek, Director of the Bishkek branch of the International Institute for Monitoring Democracy Development, Parliamentarianism and Suffrage Protection of Citizens of IPA CIS Member Nations (IPA CIS IIMDD), PhD in Political Sciences

SAFARZODA Bakhtovar, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Tajikistan to the Republic of Belarus, Plenipotentiary Representative of Majlisi Oli — Parliament of the Republic of Tajikistan in the CSTO PA, Doctor of Laws

HAN Lihua, Senior Researcher of University of International Business and Economics (China), PhD, Professor

CHILINGARYAN Ayk, Deputy Secretary-General of the Council of the CIS Interparliamentary Assembly, Plenipotentiary Representative of the National Assembly of the Republic of Armenia in the IPA CIS and CSTO Parliamentary Assembly, PhD in Economics

SHUKHNO Sergey, Deputy Head of the subdivision of the Department for the Development of Integration of the Eurasian Economic Commission

ERKEBAYEV Abdygany, Academician of the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic, Doctor of Philology

YAKUNIN Vladimir, Head of the State Policy Department of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD

ABAYDELIDINOV Erbol, Doctor of Laws, Professor, Department of Integrational Law, Faculty of Law, L. N. Gumilyov Eurasian National University (Kazakhstan, Astana)

AKAEV Askar, Doctor of Technical Sciences, Professor, Lomonosov Moscow State University, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences (Kyrgyzstan)

ASAIL Maksim, Doctor of Economics (Russia, Moscow)

VETRENKO Inna, Head of the Department of Social Technologies of the North-West Institute of Management of the RANEPA, Director of the Research Analytical Center "Russian Dream" (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Political Sciences, Professor

GROMYKO Alexey, Director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences, Professor

DENISOV Andrey, First Deputy Chair of the Federation Council Committee on Foreign Affairs (Russia, Moscow), PhD in Economics

ENGOYAN Ashot, Head of the Department of Theory and History of Political Science of Yerevan State University (Armenia, Yerevan), Doctor of Political Sciences, Professor

KASHKIN Sergey, Head of the Department of Integration and European Law of Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Professor, Department of "Zhan Monnet" (European Union) (Russia, Moscow), Doctor of Laws, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation

KAZANTSEV Andrey, Director of Analytical Center, Institute of International Studies of Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences

KAYUMOV Nuriddin, Academician of the National Academy of Sciences of Tajikistan (Tajikistan, Dushanbe), Doctor of Economics, Professor

KOZHOSHEV Arzybek, Member of the Board — Minister for Energy and Infrastructure of the Eurasian Economic Commission (Kyrgyzstan, Bishkek), Doctor of Economics, Professor

KROTOV Mikhail, Plenipotentiary Representative of the Federal Assembly of the Russian Federation — Deputy Executive Secretary of the CSTO PA (Russia, Moscow, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Professor

KUZNETSOV Alexey, Director of Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Doctor of Economics

KUKLINA Evgenia, Chair of Business Informatics of North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Editor of the "Economics" section, Doctor of Economics, Professor

LEBEDEVA Marina, Head of the Department of World Political Processes of the Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (Russia, Moscow), Doctor of Political Sciences, Professor

LIVEROVSKY Alexey, Scientific Director of the Faculty of Law of St. Petersburg State University of Economics, Head of the Department of Constitutional Law (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Laws, Professor

MEZHEVICH Nikolay, Executive Director of the A. A. Gromyko Association for Foreign Policy Studies (Russia, Moscow), Doctor of Economics, Professor

MISHALCHENKO Yuri, Professor of the Department of International and Humanitarian Law of the North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Doctor of Economics, Doctor of Laws, Professor

NOVIKOVA Irina, Dean of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg), Doctor of History, Professor

REMYGA Vladimir, Director-General of the Coordination Center "Economic Belt of the Silk Road" (Russia, Moscow), Doctor of Economics

SERGEVNIN Sergey, Dean of the Faculty of Law, Head of the Department of History and Theory of State and Law, North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), editor of the "Law" section, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

SKVORTSOV Oleg, Professor of the Department of Commercial Law, St. Petersburg State University, Doctor of Laws (Russia, Saint Petersburg)

STAROVOITOV Alexander, Expert of the Law Faculty, North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Laws, Professor

TOROPYGIN Andrey, Professor North-West Institute of Management of RANEPA (Russia, Saint Petersburg), editor of the "Politics" section, Doctor of Political Sciences

FARKHUTDINOV Insur Zabirovich, Doctor of Laws, Leading Researcher, Sector of International Legal Studies, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Editor-in-Chief of the Eurasian Law Journal

KHASH-ERDENE Sambalhundev, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chairman of the society "Knowledge" of Mongolia (Mongolia, Ulan-Bator)

ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
экономика, право, политика
Международный научно-аналитический журнал
Том 19, № 3 2025

Содержание

ОТ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Глазьев С. Ю.

О прогнозировании социально-экономического развития Союзного государства
России и Беларуси 9

ГЛАВНОЕ

Межевич Н. М., Хлутков А. Д.

Экономический суверенитет России в контексте тенденций развития мировой и европейской
экономики 11

ЭКОНОМИКА

Жиряева Е. В., Зверев А. А.

Цели сотрудничества России и Китая по развитию Северного морского пути: позиция государств
и бизнеса 20

Маматов Н. Д., Орёл А. А., Бондаренко А. В., Ворона А. А.

Цифровая трансформация международной торговли в Кыргызстане 31

Карпенко К. А., Зубова Л. В.

Модель управления рискоустойчивостью и рискоемкостью на предприятиях
оборонно-промышленного комплекса при производстве продукции двойного назначения 42

Мизда А. К.

Влияние конгрессно-выставочной деятельности на современное экономическое развитие
России 55

ПРАВО

Сергеев С. Л., Алексеев Г. В., Калкэй Е. И.

Взаимодействие Шанхайской организации сотрудничества с Интерполом в контексте борьбы
с киберпреступностью 68

Дроздова М. А.

Единое транспортное пространство ЕАЭС: от деклараций к механизму правовой конвергенции 80

ПОЛИТИКА

Торопыгин А. В., Киселёва А. А.

Мировая проблема недостатка воды: кейс Центральной Азии 91

Кожухова К. Е.

Генезис и доктринальные черты стратегической культуры России 103

Ван Минцзюнь, Погодин С. Н.

Сравнительный анализ социалистической модернизации в Китае и Вьетнаме 113

Чжан Цзинкай, Лбова Л. В.

Deerseek (AI) в рамках концепта китайского технологического национализма XXI в. 123

Чмырева В. А.

Турецкий фактор на пространстве ЕАЭС: конкурентное сотрудничество
с позиции интересов России 137

Бушуев Е. С.

Международный рынок сырьевых товаров как операционная среда геополитического
противоборства: классификация целей и исторические иллюстрации 148

ЕВРАЗИЙСКАЯ ХРОНИКА

Кефели И. Ф., Березовская Р. А.

IX Международный Невский форум: итоги работы 158

Глазьев С. Ю.

Рецензия на научный доклад «Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе:
социально-демографические аспекты. К 10-летию ЕАЭС» 161

Выходец Р. С., Межевич Н. М.

Рецензия на монографию «Россия и евразийская интеграция в многополярном мире» 164

EURASIAN INTEGRATION: Economics, Law, Politics

International scientific and analytical journal

Vol. 19, No. 3 2025

Contents

FROM THE EDITOR-IN-CHIEF

Sergei Yu. Glazyev

On Forecasting the Social and Economic Development of the Union State of Russia and Belarus 9

MAIN

Nikolay M. Mezhevich, Andrey D. Khlutkov

Economic Sovereignty of Russia in the Context of Development Trends of the Global and European Economy 11

ECONOMICS

Elena V. Zhiryaeva, Artem A. Zverev

Goals of Russia-China Cooperation in Developing the Northern Sea Route: The Position of the Governments and Business 20

Nurat D. Mamatov, Aleksandr A. Orel, Aleksei V. Bondarenko, Anastasiya A. Vorona

Digital Transformation of International Trade in Kyrgyzstan 31

Kirill A. Karpenko, Lyudmila V. Zubova

A Model for Managing Risk Tolerance and Risk Capacity at Defense Industry Enterprises in the Production of Dual-Use Products 42

Anton K. Mieda

The Impact of Congress and Exhibition Activities on the Modern Economic Development of Russia 55

LAW

Sergey L. Sergevnin, George V. Alexeyev, Elina I. Kalkey

Interaction between the Shanghai Cooperation Organization and Interpol in the Context of Combatting Cybercrime 68

Maria A. Drozdova

Common Transport Space of the EAEU: From Declarations to a Mechanism of Legal Convergence 80

POLITICS

Andrey V. Toropygin, Anastasia A. Kiseleva

The World Water Problem: The Central Asian Case 91

Kira E. Kozhukhova

The Genesis and Doctrinal Features of Russia's Strategic Culture 103

Wang Mingjun, Sergey N. Pogodin

Comparative Analysis of Socialist Modernization in China and Vietnam 113

Zhang Jingkai, Liudmila V. Lbova

DeepSeek (AI) within the Framework of Chinese Technological Nationalism 123

Vera A. Chmyreva

The Turkish Factor within the EAEU Space: Competitive Cooperation through the Prism of Russia's Interests 137

Evgeny S. Bushuev

International Commodities Market as an Operational Environment for Geopolitical Rivalry: Classification of Goals and Historical Illustrations 148

EURASIAN CHRONICLE

Igor F. Kefeli, Regina A. Berezovskaya

Results of the IX International Nevsky Forum 158

Sergey Yu. Glazyev

Review of the Scientific Report "Integration Processes in the Eurasian Economic Union: Socio-Demographic Aspects. On the 10th Anniversary of the EAEU" 161

Roman S. Vykhodets, Nikolay M. Mezhevich

Review of the Monograph "Russia and Eurasian Integration in a Multipolar World" 164

О прогнозировании социально-экономического развития Союзного государства России и Беларуси

Обоснование и выбор приоритетов научно-технологического развития ЕАЭС и Союзного государства России и Беларуси (СГ) предъявляют повышенные требования к качеству экспертизы и аналитики. Традиционные методы прогнозирования недооценивают последствия и возможности крупномасштабных структурных изменений, обусловленных сменой технологических укладов. В периоды таких структурных изменений нужны сценарные методы их моделирования, описывающие распространение базисных нововведений нового технологического уклада и связанных с ними изменений в структуре экономики, применение которых позволяет заблаговременно установить пределы роста существующих производственно-технических систем и предвидеть возможности их замещения новыми. Это очень важно для правильного определения перспективных направлений развития экономики, оценки возможности их реализации с точки зрения имеющегося производственного потенциала и национальных конкурентных преимуществ и, на этом основании, выбора из них приоритетных с целью опережающего развития экономики на волне роста нового технологического уклада. В этой работе следует опираться на известные методы технологического прогнозирования.

Если структурные изменения мировой экономики, обусловленные сменой технологического и мирохозяйственного укладов, носят устойчивый характер и связанные с ними тенденции сохраняются до конца прогнозного периода, то перспективы экономического развития СГ в решающей степени зависят от проводимой экономической политики. В этой связи возможны два базовых сценария: *инерционный*, не предполагающий ее принципиальных изменений, и сценарий *опережающего развития* на основе нового технологического уклада за счет использования инструментов и создания институтов нового мирохозяйственного уклада.

Инерционный сценарий нам хорошо знаком по регулярным официальным прогнозам от экономических ведомств. Не буду на нем останавливаться. Для нас интересен *сценарий опережающего развития*, который предусматривает ускорение развития и модернизацию экономики на основе форсированного становления базисных производств нового технологического уклада, а также перестройку системы управления на основе инструментов экономического развития нового мирохозяйственного уклада. Для его осуществления необходимо создание системы стратегического управления долгосрочным развитием экономики СГ, включая:

- создание целостной системы стратегического планирования экономическим развитием государственных и СГ в целом, ориентированной на цели опережающего экономического роста и повышения благосостояния населения;
- разработку и реализацию стратегии опережающего развития СГ на основе нового технологического уклада;
- ориентацию денежно-кредитной политики на создание благоприятных условий для максимизации инвестиционной активности и расширения производства, включая стабилизацию обменных курсов национальных валют;
- рост инвестиций в основной капитал за счет расширения внутреннего кредита, использования специальных инструментов рефинансирования коммерческих банков и институтов развития, пресечения утечки капитала, реализации совместных программ и проектов;
- совершенствование системы валютного регулирования в целях прекращения оттока капитала;
- создание единого биржевого пространства СГ, формирование механизмов ценообразования в национальных валютах и независимой от третьих стран инфраструктуры платежно-расчетных операций, использующих цифровые валютные инструменты;

- увеличение расходов на науку (до 5% ВВП), образование (до 15%), здравоохранение (до 20%) и культуру (до 10%) до уровня передовых стран;
- перенос бремени налогообложения с производства добавленной стоимости на рентные сверхдоходы, в том числе введение единого экспортного тарифа;
- пересмотр бюджетного правила с целью направления нефтяных и других конъюнктурных сверхдоходов государственного бюджета на финансирование инвестиций в развитие экономики, включая реализацию инфраструктурных проектов с интеграционным эффектом;
- всемерное стимулирование инновационной активности, ускоренной амортизации, освобождения расходов на НИОКР от налогообложения;
- поощрение капиталовложений в углубление переработки сырья, увеличение производства товаров с высокой добавленной стоимостью, проведение активной промышленной политики;
- создание механизма реализации приоритетных направлений развития СГ посредством целевых программ и инвестиционных проектов, формирование в этих целях бюджета развития;
- увеличение внутреннего кредита посредством механизмов рефинансирования банковской системы, развития финансового рынка, кредитных организаций, институтов развития;
- кардинальное повышение возможностей институтов развития за счет их рефинансирования центральными (национальными) банками, многократное увеличение их капитализации и расширение мандатов;
- развертывание механизмов стимулирования производственной кооперации между предприятиями;
- развертывание инфраструктуры финансового рынка СГ, включающей собственные рейтинговые агентства, оценочные, консалтинговые и аудиторские компании, лизинговые и экспортные агентства, фонды прямых инвестиций и взаимные фонды.

Формирование соответствующей новому мирохозяйственному укладу системы управления развитием экономики, включающей перечисленные выше составляющие, позволит обеспечить:

- опережающее экономическое развитие СГ в целом по отношению к мировой экономике с темпом от 4,5 до 8% ежегодного прироста ВВП;
- поступательное наращивание инвестиционной активности с ежегодным темпом прироста инвестиций в основной капитал от 10 до 20%, поддержание нормы накопления на уровне 27–35% ВВП;
- повышение инновационной активности предприятий до уровня передовых стран, утроение доли расходов на НИОКР в ВВП;
- рост реальных доходов населения не менее чем на 4% в год, снижение их дифференциации и социального неравенства;
- обеспечение макроэкономической стабильности, включая стабилизацию обменных курсов национальных валют и удержание годовой инфляции не выше 5%;
- кардинальное повышение связанности экономик за счет развития производственной кооперации и научно-технического сотрудничества;
- обеспечение самодостаточности и независимости СГ по критическим товарам, услугам и технологиям, достижение технологического суверенитета;
- резкое увеличение доли конечной продукции с высокой добавленной стоимостью в производстве и экспорте;
- увеличение ожидаемой продолжительности жизни на пять лет.

Реализация этого сценария позволяет рассчитывать на вхождение СГ в ядро нового мирохозяйственного уклада на длинной волне опережающего экономического роста на основе нового технологического уклада.

Предлагаю обсуждать сценарные прогнозы экономического развития ЕАЭС и Союзного государства, исходя из альтернативных стратегий и инструментов экономической политики, а не в зависимости от мировых цен на нефть или средних темпов роста мировой экономики.

Главный редактор
Сергей Глазьев

Экономический суверенитет России в контексте тенденций развития мировой и европейской экономики

Межевич Н. М.^{1,*}, Хлутков А. Д.²

¹ Институт Европы Российской академии наук, Москва, Россия

* e-mail: mez13@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3513-2962

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Россия

РЕФЕРАТ

Цель. Определить основные характеристики современной глобализации как экономической и политической среды реализации новых моделей суверенитета государства. Дать характеристику экономического суверенитета России как компромисса между интеграцией в мировую экономику и технологически оправданным и политически неизбежным изоляционизмом. **Задачи.** Проанализировать современные и российские теории суверенитета на рубеже 2025 г., дать оценку перспектив изменения глобализации, практику применения экономико-математических подходов к оценке эффектов от реализации государственной политики (эконометрические модели, балансовые модели «затраты-выпуск», вычислимые модели общего равновесия), выявить специфику и ограничения указанных подходов. **Методология.** Отказ от модели универсальной модели глобализации — это фактически радикальный переворот в области общественных наук. Концепт «конца истории», глобализации и деструкции суверенитета определил текущую методологию общественнознания. Сегодня следует говорить о смене парадигмы развития, т. к. происходит смена не отдельных принципов, методов или даже теорий, но и значимой части научной картины понимания происходящего в России. Научные положения, сформулированные в статье, получены с использованием общенаучных методов (классификации и сравнительного анализа и экспертного анализа). **Результаты.** Авторы разработали теоретическое содержание и предлагают термин «управляемая ресуверенизация» для оценки экономических и политических процессов современного развития России. **Выводы.** Происходящие изменения свидетельствуют о том, что крайние позиции в глобальной экономике маргинализируются. Идеология сверхглобализации это скорее история, но и модель «великой самоизоляции» не конструктивна.

Ключевые слова: государственная экономическая политика, глобализация, регионализация, «конец истории», изоляционизм, управляемая ресуверенизация

Для цитирования: Межевич Н. М., Хлутков А. Д. Экономический суверенитет России в контексте тенденций развития мировой и европейской экономики // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 3. С. 11–19. EDN: CRGNYE

Economic Sovereignty of Russia in the Context of Development Trends of the Global and European Economy

Nikolay M. Mezhevich^{1,*}, Andrey D. Khlutkov²

¹ Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

* e-mail: mez13@mail.ru

ORCID: 0000-0003-3513-2962

² Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, Saint Petersburg, Russia

ABSTRACT

Aim. To define the main characteristics of modern globalization as an economic and political environment for the implementation of new models of state sovereignty. To characterize the economic sovereignty of Russia as a compromise between integration into the world economy and technologically justified and politically inevitable isolationism. **Tasks.** To analyze modern and Russian theories of sovereignty at the turn of 2025, to assess the prospects for changing globalization, the practice of applying economic and mathematical approaches to assessing the effects of implementing public policy (econometric models, input-output balance models, computable general equilibrium models), to identify the specifics and limitations of these approaches. **Methods.** The rejection of the universal model of globalization is, in fact, a radical revolution in the field of social science. The concept of the “end of history”, globalization and the destruction of sovereignty determined the current methodology of social science. Today we should talk about a change in the development paradigm, since there is a change not only in individual principles, methods or even theories, but also in a significant part of the scientific picture of understanding what is happening in Russia. The scientific provisions formulated in the article are obtained using general scientific methods (classification and comparative analysis and expert analysis). **Results.** The authors have developed the theoretical content and propose the term “managed resovereignization” to assess the economic and political processes of modern development in Russia. **Conclusions.** The ongoing changes indicate that extreme positions in the global economy are being marginalized. The ideology of super-globalization is rather history, but the model of “great self-isolation” is not constructive either.

Keywords: state economic policy, globalization, regionalization, “end of history”, isolationism, managed resovereignization

For citation: Mezhevich N. M., Khlyutkov A. D. Economic Sovereignty of Russia in the Context of Development Trends of the Global and European Economy // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 11–19 (In Rus.). EDN: CRGNYE

Некоторые замечания об эволюции теории экономического суверенитета к 2025 г.

Темп изменений в мировой экономике и мировой политике настолько велик, что быстро устаревают не только академические статьи, но и посты в «Телеграм». Если внимательно присмотреться, стратегическая неопределенность, о которой много говорят сейчас, характеризует жизнь уже нескольких поколений, причем характер стратегической неопределенности меняется. Осознание этого факта заняло достаточно долгое время.

Размораживание процессов трансформаций в системе международных политических и экономических отношений ставит два вопроса: с одной стороны, вопрос о длительности переходного периода к новой относительно устойчивой системе международных отношений, иными словами, о том, насколько можно считать период нестабильности «новой нормальностью» или же он может быть преодолен в рамках существующей системы институтов¹? Это было написано перед началом СВО. Соответственно, ответ на вопрос уже очевиден. Более трех лет мы видим трансформацию «ненормальности» в формат «нормальности». Война Индии и Пакистана, Ирана и Израиля — убедительное, но не последнее доказательство.

Трансформации концепции суверенитета в современном мире нас интересуют не сами по себе, а в контексте будущего России, как государства-цивилизации. Наше общество стало более целостным, что

¹ David T. Pyne. America Cannot Take on China and Russia Simultaneously [Электронный ресурс] // The National Interest. 04.10.2021. URL: <https://nationalinterest.org/feature/america-cannot-take-china-and-russia-simultaneously-194899> (дата обращения: 01.06.2024).

хорошо, но не однородным, что тоже хорошо. События 2022 г. показали то, что не просто либеральные, а именно либертарианские идеи (которые, по сути, утверждают те же либеральные принципы индивидуальной свободы, но акцентируют внимание на минимизации государственной власти) и практики стали значимыми и бескомпромиссными позициями абсолютного меньшинства, но меньшинства активного, и, по нашему мнению, агрессивного меньшинства. Государству пришлось сделать выбор и признать тот факт, что некоторые общественные настроения в принципе несут не конструктивный или даже антигосударственный характер. Какие были альтернативы? Сползание в т. н. «неудавшееся» государство (*failing or ailed state*). В самом общем виде дефектность государства определяется как структурная недостаточность, или «институциональная слабость». Это означает, что государство не в состоянии контролировать свою территорию, гарантировать безопасность своим гражданам, поддерживать господство закона, обеспечивать права человека, эффективное управление, экономическое развитие и общественные блага.

Традиционная атлантическая и либеральная парадигма могла бы еще существовать некоторое время, но для этого в мировой экономике должна быть стабильность, а не кризис: «Правительства преследуют самые разные цели, от демонстрации национальных достижений и роста ВВП до повышения благосостояния граждан, стремясь одновременно обеспечить рост в избранных направлениях и наложить ограничения на другие... Сегодня демократические правительства более всего ценят прирост таких нематериальных вещей, как доверие, счастье, знания, способности, нормы или устойчивые институты» [8, с. 11]. Все это верно до тех пор, пока обеспечивается высокий уровень жизни. Когда же он утрачивается, либеральная модель управления разрушается сама и тяготеет к диктатуре или же к полному распаду государства.

Глобализация в формате интеграции «...приобретала благоприятную репутацию в глазах отдельных стран по мере получения конкретных положительных результатов в ходе реализации не общего, а конкретных, более скромных по замыслу проектов взаимодействия по ограниченным направлениям кооперации» [2]. Согласимся, но каковы будут экономические и политические процессы, если эти результаты были, но оказались утрачены?

Но у новой России этой проблемы не было. 1992 г. мы встретили с отсутствующей экономикой, «падать» было просто некуда. Эксперимент с интеграцией в формате создания новых региональных рынков не мог дать отрицательного результата, хотя и положительный не был гарантирован. Сегодня этот этап и эта проблема преодолены. Пришло время, когда сторонники сильного государства могут вернуться к власти по всему миру. В России это неизбежно, и это понимали даже наши оппоненты четверть века назад. К. Курц, экс-президент Американской политологической ассоциации, в своей статье «Глобализация и американская мощь» отмечал: «Мы не должны задаваться вопросом о том, что случится с обществом и экономикой, когда государство начнет отмирать, поскольку мы имеем на этот счет слишком много примеров. Наиболее очевидным является Китай в 1920-х и 1930-х гг. и многие африканские государства после обретения ими независимости, а также в настоящее время постсоветская Россия» [цит. по: 4, с. 7].

Консенсус в общественных настроениях стал более очевидным, понимание общности задач общества и государства доминирует. Это и позволяет нам решать ключевые проблемы развития. Что это означает с точки зрения экономики и теории управления? Сегодня нам это дает возможности сочетать экономически рациональный суверенитет и задачи цивилизационной идентификации. Любой суверенитет связан с некоторой экономической избыточностью. Его инструментарий является ненужным и лишним в «мирное время», несмотря на крайнюю затратность своего поддержания в дееспособном состоянии, и востребован по-настоящему только тогда, когда случается «момент икс», СВО — это именно такой случай.

Эталонное понимание суверенитета основывается на признании контроля государственных институтов над определенной территорией, т. е. на «легитимности власти внутри политики и предел, до которого эта власть может осуществлять контроль» [13, р. 4]; а внешней — на легитимном равенстве, когда государство воспринимается другими как «одно из», когда «государства равны в такой же степени, как и равны индивиды» [13, р. 14]. Такова теория вопроса в изложении всеми признанного классика. С другой стороны, наблюдается постоянное желание наших оппонентов размыть чужой суверенитет при

реальном сохранении своего. Джон Джордж Стёссинджер (14.10.1927–20.11.2017), американский писатель, издавший десять ведущих книг по мировой политике, в том числе «Могущество народов», отмечал: «Именно суверенитет, более чем какой-либо иной фактор, является причиной анархии в международных отношениях» [14, р. 10]. Это не совсем так, анархия в мировой экономике и мировой политике возникает в том случае, когда страна «выносит» свой суверенитет на заведомо чужую территорию.

Современное понимание суверенитета на пространстве от бывшей ГДР до Вьетнама в значительной степени произвольно от постсоветской и постсоциалистической истории. К. Зегберс справедливо отмечала: «...в странах Восточной Европы, где после 1989 г. шел процесс строительства нации-государства (nation building) и возникали новые государства, их роль, казалось бы, возрастала. Однако на деле, начиная с 90-х годов, она (в этом регионе, как и везде) была в структурном и сущностном отношении ослаблена. Этому способствовали глобализация рынков, усиливающееся давление со стороны субнациональных акторов... которые ставили пределы для национальных правительств в перераспределении средств и возможностях контроля» [3, с. 69].

Будем объективны, в России роль государства возрастает только с середины 2000-х гг., когда страна начала сложный путь выхода на самостоятельную траекторию развития. Однако и в этот период поиски самостоятельных путей развития больше затрагивали духовные и цивилизационные вопросы, затем политические и лишь в конце списка — экономические. Данная ситуация имеет объяснение. Авторы данной статьи, имея опыт не только научной работы, но и государственной службы по соответствующему направлению, критически относясь к той либеральной трактовке истории, которую предлагали либералы, тем не менее предполагали то, что логика рыночной экономики — прибыль — прежде всего победит. Этого не произошло. В этом контексте посткапитализм опроверг К. Маркса: «Капитал боится отсутствия прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте 10%, и капитал согласен на всякое применение, при 20% он становится оживленным, при 50% положительно готов сломать себе голову, при ста процентах он попирает все человеческие законы, при 300% нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы»¹. Да, он лишь процитировал известного британского публициста Томаса Джозефа Даннинга, от этого суть не меняется. Эта формула работала несколько веков, но временной интервал ее действия закончился. Современное понимание глобализации предполагает то, что отказ от прибыли не только гипотетически возможен, но и легко реализуется на практике.

В настоящее время эксперты, призывавшие к трансформации по западной модели, сменили тональность комментариев: «...западный либеральный мейнстрим, основанный на представлениях о непревзойденной эффективности рыночной экономики и электоральной демократии, а также примате индивидуальных прав человека, все менее способен давать удовлетворительные ответы на вызовы современности. То, что два-три десятилетия назад казалось чуть ли не идеологической Библией, сегодня часто даже не воспринимается всерьез»².

Традиционно глобализация характеризовалась как новый уровень экономической интегрированности, целостности и взаимозависимости мира. М. Альброу указывает: «Глобализация — совокупность всех процессов, посредством которых происходит инкорпорация населения планеты в единое мировое сообщество, глобальное сообщество» [12, р. 9]. Да, это позиция теперь рудиментарна, но и сейчас правящие элиты готовы пожертвовать «масштабом управления», соглашаясь на управляющие проекты негосударственного масштаба. Этот масштаб может быть транснациональным, а может и не достигать этого уровня. Это, в свою очередь, создает определенные предпосылки для регионализации и создания больших экономических пространств, но не одного пространства.

Глобализация и деструкция суверенитетов являлась закономерным результатом доминирования США и Европы в мировой экономике. Пик этого доминирования — 90-е гг. XX в., когда СССР уже не

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. Т. 23. С. 770.

² Прейсгерман Е. Суверенитет — главный таран либерального мейнстрима Запада. Комментарий [Электронный ресурс] // Минский диалог. С. 2–3. 27.06.2025. URL: <https://minskdialogue.by/research/opinions/suverenitet-glavnyi-taran-liberalnogo-meinstrima-zapada> (дата обращения: 06.08.2025).

было, а современного Китая еще не было. Ситуация явно изменилась к второму десятилетию XXI в. Уже кризис 2007–2009 гг. заставил некоторых экспертов задуматься, но общих выводов сделано не было. Накопление государственного долга, деиндустриализация, «зеленая энергетика», практически полный разрыв связей с Россией и частичный с Китаем, а затем и рост военных расходов ослабляют мировую экономику, точнее, ее лидеров системно и долговременно. Ключевая проблема Европы — деградация европейской интеграции. Европейская интеграция, безусловно, начиналась с фундаментальных успехов, с объединения по отраслевому признаку изначально очень культурно близких, а то и прямо родственных государств. Однако расширение Европейского союза «на север — юг — запад и восток», причем одновременно с углублением самой интеграции привело к его ослаблению. Организация была сильна социальной политикой, но и это в прошлом. Сегодня мы наблюдаем:

- «систематическое отсекаание определенных групп населения от экономических ресурсов;
- глубокие экономические и/или валютно-политические кризисы (например, кризис пенсионной системы);
- колоссальные недоимки налогов или таможенных платежей, а также многократное налоговое обложение (государственными и частными структурами);
- слабое перераспределение; незначительные государственные расходы; растущий разрыв между бедными и богатыми; массовая безработица; обнищание сельского населения (углубляющиеся различия между городом и деревней);
- ухудшение инфраструктуры, системы образования и здравоохранения, быстрая экологическая деградация» [11].

Процесс ослабления Европы будет долгим, но его направленность очевидна. «На фоне жесткой американо-китайской конфронтации Европе не дадут стать (остаться) точкой сборки мировой экономики, опирающейся на свое географическое положение и обеспечивающей коридор между Западом и Востоком. Теоретически Европа могла бы до 2014 г. попробовать двигаться в направлении «Большой Швейцарии» с формализованным НАТО и развитием взаимовыгодного сотрудничества с Россией и Китаем. Этого не только не произошло, но был выбран прямо противоположный курс» [7, с. 134–135].

В этом контексте опять необходимо уточнение: а зачем нужен суверенитет? Какова роль экономических критериев суверенитета? Что такое экономический суверенитет? Это правовое оформление вполне реальных экономических задач. Антанас Бурачас, литовский ученый, писал в 1989 г.: «Суверенитет — совокупность полномочия нации и прав, гарантирующих независимость личности... Суверенитет нации выражается в первую очередь в возможностях ее свободного политического самоопределения, в правах нации на занимаемую ею испокон веков исторически сложившуюся территорию, ее природные и ископаемые ресурсы, также в верховенстве ее законодательства и избранной ею государственной власти, в национальном гражданстве» [1, с. 519–522]. Для всего это нужен не флаг/герб/гимн, а реальные экономические воплощения суверенитета, обеспечивающие уровень и качество жизни. Если эти задачи обеспечиваются, то, строго говоря, особых претензий к той или иной экономической модели управления нет. Однако проблема как раз в том, что современная модель глобализации не гарантирует не только рост, но даже стагнацию [5].

Новые тенденции в российской экономике

При всей сложности ситуации Россия в последние годы стала сильнее и осознала свое новое позиционирование в мире. Одновременно Россия качественно, но относительно незаметно для внешнего наблюдателя, изменилась внутри себя. Сила России, как и предполагалось в теории, оказалась в нашей духовности, гармонии общества и государства, выстраивании эффективной управленческой модели. При этом для осознания силы понадобились и годы слабости. Укажем и на то, что для понятийно-терминологического понимания нового качества России юристы, экономисты и политологи сделали еще далеко не все.

Санкционные режимы в отношении России — это явление, достаточно изученное с позиций экономической теории и мировой экономики. Более того, об этом явлении пишут и историки, политологи [9].

В принципе санкции — легитимный инструмент, но при определенных условиях. Единственным легитимным источником является Совет Безопасности ООН.

Прежде всего, укажем на то, что санкционные режимы в отношении России — это новая системная часть мирового экономического кризиса. Таким образом, это новый тип кризиса, выход из которого Запад видит в присвоении имущества России и всех тех государств, которые не разделяют его ценности. При этом «санкции экономического характера применялись достаточно часто, претерпевая эволюцию и выступая на различных этапах развития мирового сообщества в модифицированной форме. В зависимости от целей страны — инициатора санкции, а также от особенностей страны воздействия, общеэкономической и политической обстановки в мире конкретный механизм применения санкций и инструментов имели сугубо индивидуальный характер» [6, с. 5].

Историки спорят по поводу первых практик санкционных режимов в отношении России. Одна из версий — это ганзейские ограничения на торговлю соли с Великим Новгородом, относящиеся к XVI в. В любом случае все происходящее в 2014 или 2025 г. не является новостью и никак не может определяться как уникальное событие в российской истории. Советский Союз, а это, разумеется, часть российской истории, в санкционном режиме прожил весь период своего существования. Санкционные ограничения, в той или иной форме, сохранялись и в период 1941–1945 гг. Таким образом, речь не идет об уникальной ситуации, в которой мы оказались неожиданно. Вопрос надо ставить несколько иначе, для нас важно определиться с формами нашей реакции на особые экономические режимы.

Сегодня очевидно то, что открытость экономики страны для мирового хозяйства и степень ее участия в международном разделении труда напрямую зависит не только от того, насколько и как в мировых хозяйственных связях участвуют отрасли российской экономики, но и от всего комплекса внешнеполитических проблем. «Международное разделение труда вполне реальный процесс, но наша страна не должна, не может быть абсолютно зависимой от импорта продукции современной промышленности. Она не должна быть зависимой не только от масштабного, но даже, в некоторых сферах, от единичного импорта — чтобы, например, сохраниться в качестве космической державы» [10, с. 3].

Экономический суверенитет может быть затратным и нуждается в информационном, экономическом и политическом обеспечении. Объяснять значительной части политического класса России образца 2021 г. то, что «Ил» или «Ту» лучше любого «Боинга», было бессмысленно, ибо был выбор, в 2022 г. этот выбор пропал. Две ключевые позиции объясняют текущие сложности: «Эйфория Запада, расценившего успех в конфронтации 1940–1980-х годов как неопровержимое доказательство собственного морально-политического превосходства»; «Стремление России взять реванш за головокружительный обвал с вершины сверхдержавного могущества на уровень чуть ли не второразрядной страны-инвалида»¹.

Абстрактные дискуссии о том, является ли Россия частью Европы, продолжают без малого триста лет. С точки зрения исследования целого ряда экономических и социальных процессов этот вопрос дискуссионным не является. Независимо от того, хотим мы этого или нет, и независимо от того, как мы это оцениваем — положительно или отрицательно, Россия находится в том же переходном состоянии, как и ведущие экономики мира. Более того, как это не парадоксально, Российское государство в условиях нарастающего внешнего давления становится более суверенным и наращивает потенциал управления общественным развитием.

Понимание новой ситуации позволяет нам говорить об управляемой ресуверенизации. Что означает данный понятийно-терминологический блок? Какова предполагаемая временная глубина нового курса? Как соотносятся категория «мобилизация» и режим управляемой ресуверенизации? Управляемая ресуверенизация предполагает выявление стратегических приоритетов и исходит из того, что одновременное решение всех проблем и выход на национальные платформы и производства невозможен. Таким образом, выбираются стратегические направления, отказ от которых означает гарантированный проигрыш в текущих экономических и политических и военных условиях. Приведем конкретный пример. В свое время все российские СМИ обошло удивление спикера Совета Федерации ФС РФ В. И. Матвиенко

¹ Лукьянов Ф. Война за европейское наследство [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике. 25.02.2015. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vojna-za-evropejskoe-nasledstvo/> (дата обращения: 11.06.2025).

о том, что у нас скрепки импортные. Искренне соглашаясь с Валентиной Ивановной, отметим, что стратегическим элементом экономической безопасности России скрепки все-таки не являются. И найти на мировом рынке их проще, чем многие другие предметы импорта. Это нельзя сказать о национальной платежной системе, национальном браузере и нескольких десятках ключевых технологий в сфере военно-промышленного комплекса.

Произошедшие с 1991 г. изменения убедительно свидетельствуют о том, что американские джинсы мы можем пошить лучше, чем в Америке. Однако широкофузеляжное самолетостроение, которое в Советском Союзе было, оказалось утраченным. Причем утрачено оно оказалось практически добровольно. Отметим и то, что формула «рынок порешает» оказалась абсолютно справедливой для производства джинсов, но работать в отношении широкофузеляжного самолетостроения не хочет. Отметим и то, что отказа от импорта никто не предлагает ни у нас, ни в Соединенных Штатах, входящих в эпоху протекционизма, ни в Китайской Народной Республике, ни даже в КНДР.

Столь же очевидно то, что сохранение традиционной модели торговли с проверенными партнерами необходимо. Бобруйский зефир приезжает в Москву, московский — в Бобруйск, способствует ли это развитию союзного государства — очевидно, причем как в первом, так и втором случае. А вот неожиданное появление зефира польского не может не вызывать вопросов в условиях текущей польской и европейской внешнеэкономической политики.

Временная глубина нового курса может быть определена как несколько десятилетий, изменение системы международных экономических отношений быстрее просто не может закончиться. Что же касается мобилизации или мобилизационной экономики, то это крайняя форма суверенизации. Анализ мирового опыта свидетельствует о том, что ее применение в настоящее время нецелесообразно, а вот ресуверенизация целесообразна и оправданна.

Концепция ресуверенизации также не является универсальным теоретико-методологическим инструментом. Данная концепция неизбежно связана с адаптацией многими национальными параметрами. «Сделаем Америку снова великой» — это ресуверенизация, но и текущая польская доктрина суверенитета — это тоже ресуверенизация.

Список литературы

1. Бурачас А. Суверенитет // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М. : Издательская группа «Прогресс», 1989. 557 с. С. 519–522. ISBN: 5-01-002295-8.
2. Бусыгина И. М. Асимметричная интеграция в Евросоюзе // Международные процессы. 2007. Т. 5, № 3 (15). С. 18–27. EDN: OIDVZD.
3. Зегберс К. «Сшивая лоскутное одеяло...» // Pro et Contra. 1999. Т. 4, № 4. С. 65–83.
4. Земляной С. Н. Глобализация и национальная идентичность // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2002. № 3. С. 6–8. EDN: BBWIEH.
5. Комолов О. О., Джаббаров Д. Б., Степанова Т. Д. [и др.] Деглобализация: кризис неолиберализма и движение к новому миропорядку : монография / под общ. ред. О. О. Комолова. М. : ИНФРА-М, 2025. 240 с. EDN: ZPQPVT. DOI: 10.12737/2155923.
6. Костилов И. В., Архипова В. В., Комолов О. О. Влияние санкций на внешнее финансирование российской экономики / под ред. И. В. Костилова : научный доклад. М. : Институт экономики РАН. 2015. 48 с. ISBN: 978-5-9940-0564-4.
7. Макаров Е. Б., Межевич Н. М., Шамахов В. А., Хлутков А. Д. Европейская экономика в условиях перехода от глобального к региональному управлению // Управленческое консультирование. 2025. № 3. С. 131–137. EDN: YCZMXO.
8. Малган Дж. Искусство государственной стратегии: Мобилизация власти и знания во имя всеобщего блага / пер. с англ. Ю. Каптуревского, под научн. ред. Я. Охонько. М. : Изд. Института Гайдара, 2011. 472 с. ISBN: 978-5-93255-305-3.
9. Межевич Н. М. Проблемы и перспективы экономических отношений России и государств Прибалтики в условиях санкционных режимов. М. : Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2017. 64 с.

- (Научные доклады Российской ассоциации прибалтийских исследований. Серия 2. Социально-экономическое развитие. Вып. 4) ISBN: 978-5-906914-45-3.
10. *Примаков Е. М.* Реиндустриализация или постиндустриализация? // Прямые инвестиции. 2012. № 3 (119). С. 3. EDN: OPZLUT.
 11. *Шнеккелер У.* Распад государства как глобальная угроза: неустойчивые государства и транснациональный терроризм // Internationale Politik. 2003. № 6. С. 17–28.
 12. *Baylis, J., Smith, S.* The Globalization of World Politics. An Introduction to International Relations. Oxford University Press, 1997. 526 p. ISBN: 0-19-878109-1.
 13. *Krasner, S. D.* Sovereignty Organized Hypocrisy. Princeton, New Jersey, 1999. 280 p. ISBN: 9780691007113.
 14. *Stoessinger, J.* The Might of Nations. World Politics in our Time. N. Y., 1961, 475 p.

Об авторах:

Межевич Николай Маратович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт Европы РАН; исполнительный директор, Ассоциация внешнеполитических исследований имени А. А. Громыко; президент Российской ассоциации прибалтийских исследований (Москва, Россия);
e-mail: mez13@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3513-2962

Хлутков Андрей Драгомирович, доктор экономических наук, профессор, директор, Северо-Западный институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: khlutkov-ad@ranepa.ru

References

1. Burachas, A. Sovereignty // 50/50: Experience with the New Thinking Dictionary. Moscow : Progress Publishing Group, 1989. 557 p. P. 519–522. ISBN: 5-01-002295-8 (In Rus.).
2. Busygina, I. M. Asymmetric Integration in the European Union // International Trends. 2007. Vol. 5, No. 3 (15). P. 18–27 (In Rus.). EDN: OIDVZD.
3. Segbers, K. “Stitching a Quilt...” // Pro et Contra. 1999. Vol. 4, No. 4. P. 65–83 (In Rus.).
4. Zemlyanoy, S. N. Globalization and National Identity // European Security: Events, Assessments, Forecasts. 2002. No. 3. P. 6–8 (In Rus.). EDN: BBWIEK.
5. Komolov, O. O., Jabbarov, D. B., Stepanova, T. D. Deglobalization: The Crisis of Neoliberalism and the Movement Towards a New World Order : monograph / ed. by O. O. Komolov. Moscow : INFRA-M, 2025. 240 p. (In Rus.). EDN: ZPQPVT. DOI: 10.12737/2155923.
6. Kostikov, I. V., Arkhipova, V. V., Komolov, O. O. The Impact of Sanctions on External Financing of the Russian Economy / ed. by I. V. Kostikov : scientific report. Moscow : Institute of Economics, Russian Academy of Sciences. 2015. 48 p. ISBN: 978-5-9940-0564-4 (In Rus.).
7. Makarov, E. B., Mezhevich, N. M., Shamakhov, V. A., Khlutkov, A. D. The European Economy in the Context of the Transition from Global to Regional Governance // Administrative Consulting. 2025. No. 3. P. 131–137 (In Rus.). EDN: YCZMXO.
8. Mulgan, G. The Art of Public Strategy: Mobilizing Power and Knowledge for the Common Good / transl. from English by Yu. Kapturovsky, ed. by Ya. Okhonko. Moscow : Gaidar Institute Publishing House, 2011. 472 p. (In Rus.).
9. Mezhevich, N. M. Problems and Prospects of Economic Relations between Russia and the Baltic States in the Context of Sanctions Regimes. Moscow : Association of Book Publishers “Russian Book”, 2017. 64 p. (Scientific reports of the Russian Association of Baltic Studies. Series 2. Socio-economic development. Issue 4) ISBN: 978-5-906914-45-3 (In Rus.).

10. Primakov, E. Reindustrialization or Post-Industrialization? // Direct Investments. 2012. No. 3 (119). P. 3 (In Rus.). EDN: OPZLUT.
11. Schneckener, U. State Collapse as a Global Threat. Fragile States and Transnational Terrorism // Internationale Politik. 2003. No. 6. P. 17–28 (In Rus.).
12. Baylis, J., Smith, S. The Globalization of World Politics. An Introduction to International relations. Oxford University Press, 1997. 526 p. ISBN: 0-19-878109-1.
13. Krasner, S. D. Sovereignty Organized Hypocrisy. Princeton, New Jersey, 1999. 280 p. ISBN: 9780691007113.
14. Stoessinger, J. The Might of Nations. World Politics in our Time. N. Y., 1961, 475 p.

About the authors:

Nikolay M. Mezhevich, Doctor of Science (Economy), Professor, Chief Researcher, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences; Executive Director, A. A. Gromyko Association of Foreign Policy Studies; President of the Russian Association of Baltic Studiess (Moscow, Russia);
e-mail: mez13@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3513-2962

Andrey D. Khlutkov, Doctor of Science (Economy), Professor, Director, North-West Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: khlutkov-ad@ranepa.ru

© Межевич Н. М., Хлутков А. Д., 2025

Цели сотрудничества России и Китая по развитию Северного морского пути: позиция государств и бизнеса

Жиряева Е. В., Зверев А. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Россия

* e-mail: zhiryaeva-ev@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-8233-5212

РЕФЕРАТ

Развивающееся сотрудничество России и Китая по освоению Северного морского пути требует теоретического осмысления как самостоятельное явление. **Цель и задачи.** Целью статьи является поиск наиболее приемлемого подхода, которым может быть описано взаимодействие двух стран на базе теорий международных отношений. Задачами являлись исследования российско-китайского сотрудничества с позиций реализма, институционализма и конструктивизма.

Методология. Результаты получены на основе высказываний официальных лиц и представителей бизнеса, сделанных на экономических форумах «Росконгресса» в 2018–2025 гг. **Результаты.**

Для российской стороны подход с позиций реализма предполагает влияние на мировые рынки, а также приоритет для взаимодействия с дружественными странами. Китайская сторона указывает на стратегическую ценность партнерских отношений. Обе стороны получают влияние на геополитику в регионе. Оценка роли институтов показала их значимость для достижения целей устойчивого развития, организации судоходства, хозяйственного освоения Арктической зоны. В 2025 г. взаимодействие перешло на уровень двухсторонних межправительственных форматов и синхронизации целей с отдельными странами. С позиций конструктивистского подхода можно говорить о корпоративной идентичности (освоение Арктики является крупнейшим в истории России проектом и обеспечивает поворот на Восток), типовой идентичности (Арктика — национальная идея России и миссия Китая), ролевой (Россия нуждается в инвестициях и технологиях; для двух стран важны контейнеризация, наличие судов ледового класса и круглогодичная навигация), а также коллективной идентичности, посредством которой страны позиционируют себя как единое целое, разделяя общее экономическое будущее, подтверждая дружбу и неуклонную взаимную поддержку. Теория комплексной взаимозависимости (неореализм), предполагающая вынужденное сотрудничество, не нашла явного подтверждения в рассмотренном кейсе, хотя в большинстве публикаций именно реализмом и неореализмом объясняется российско-китайское сближение. **Выводы.** Когда мы хотим объяснить отношения двух стран, разделявших на протяжении десятилетий коммунистическую идеологию, теории, основанные на рыночных соображениях, оказываются половинчатыми. Приверженность дружбе дает отношениям стабильность, что ведет к долгосрочному экономическому результату.

Ключевые слова: Северный морской путь, Арктика, конструктивизм, реализм, институционализм, сотрудничество России и Китая

Для цитирования: Жиряева Е. В., Зверев А. А. Цели сотрудничества России и Китая по развитию Северного морского пути: позиция государств и бизнеса // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 3. С. 20–30. EDN: CYIGUW

Goals of Russia-China Cooperation in Developing the Northern Sea Route: The Position of the Governments and Business

Elena V. Zhiryaeva*, Artem A. Zverev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, Saint Petersburg, Russia

* e-mail: zhiryaeva-ev@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-8233-5212

ABSTRACT

The developing cooperation between Russia and China in the development of the Northern Sea Route requires theoretical understanding as an independent phenomenon. **Aim and tasks.** The purpose of the article is to find the most acceptable approach that can describe the interaction of the two countries based on theories of international relations. The objectives were to study Russian-Chinese cooperation from the standpoint of realism, institutionalism and constructivism. **Methods.** The results are obtained based on statements by officials and business representatives made at the Roscongress economic forums in 2018–2025. **Results.** For the Russian side, the approach from the standpoint of realism implies influence on world markets, as well as priority for interaction with friendly countries. The Chinese side points to the strategic value of partnership relations. Both parties gain influence on geopolitics in the region. An assessment of the role of institutions showed their importance for achieving sustainable development goals, organizing shipping, and economic development of the Arctic zone. In 2025, interaction moved to the level of bilateral intergovernmental formats and synchronization of goals with individual countries. From the standpoint of the constructivist approach, we can talk about corporate identity (the development of the Arctic is the largest project in the history of Russia and ensures a turn to the East), typical identity (the Arctic is the national idea of Russia and the mission of China), role identity (Russia needs investments and technologies. Containerization, the presence of ice-class vessels and year-round navigation are important for both), as well as collective identity, through which the countries position themselves as a single whole, sharing a common economic future, confirming friendship and steadfast mutual support. The theory of complex interdependence (neorealism), which assumes forced cooperation, did not find clear confirmation in the considered case, although in most publications it is realism and neorealism that explain the Russian-Chinese rapprochement. **Conclusions.** When we want to explain the relations of two countries that shared communist ideology for decades, theories based on market considerations turn out to be half-hearted. Commitment to friendship gives stability to the relationship, which leads to long-term economic results.

Keywords: Northern Sea Route, Arctic, constructivism, realism, institutionalism, cooperation between Russia and China

For citation: Zhiryaeva E. V., Zverev A. A. Goals of Russia-China Cooperation in Developing the Northern Sea Route: The Position of the Governments and Business // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 20–30 (In Rus.). EDN: CYIGUW

Введение

Арктика стала ярким пятном в китайско-российском экономическом сотрудничестве [19]. Китай проявил интерес к Северному морскому пути (СМП) во время строительства первого ледокола «Снежный дракон» в 2009 г. В 2011 г. с российской стороны была предложена концепция «Ледового шелкового пути» в качестве инвестиционной инициативы вдоль СМП [15]. В 2017 г. министр иностранных дел Китая Ван И согласился с предложением о сотрудничестве в транспортных, инфраструктурных и энергетических проектах в Арктике — инициативе, известной как «Ледовый», или «Полярный Шелковый путь»

(ПШП)¹. Тогда же Китай официально представил инициативу ПШП в рамках программы «Один пояс — один путь» (ОПОП), развеяв первоначальные опасения Москвы по поводу ОПОП и проявив уважение к усилиям России по продвижению Большого евразийского проекта [14]. План морского сотрудничества определяет ПШП в качестве одного из трех основных морских каналов ОПОП [1]. Китай изложил свои планы развития всего арктического региона. В инициативе ПШП уделено внимание строительству портовых терминалов и логистических центров [3]. Россия стремится развивать СМП как «глобально конкурентоспособный национальный транспортный коридор» [1]. Появилась концепция Трансарктического транспортного коридора (ТАТК), включающего в себя СМП. В судоходном секторе Россия продвигает транспортировку природных ресурсов и коммерческое судоходство, поддерживая национальные компании. Китайские судоходные компании проявляют возрастающий интерес к арктическим маршрутам [5]. Китай внес значительный вклад в обеспечение судоходства по СМП за счет навигационных технологий, информационной логистики, портовой инфраструктуры и финансирования, став «инвестором, поставщиком и потребителем арктического судоходства» [7].

Развивающееся сотрудничество России и Китая по СМП достигло стадии, когда требуется теоретическое осмысление его как самостоятельного явления. Целью статьи является поиск наиболее приемлемого подхода, которым может быть описано это сотрудничество на базе теорий международных отношений. Новизна исследования заключается в том, что результаты получены на основе высказываний официальных лиц. Это позволило выявить разницу между теоретическими воззрениями и официальной позицией.

Теоретические основы

Отмечается резкий рост взаимодействия России и Китая практически по всем направлениям. Это сближение в течение последних двух десятилетий трудно объяснить теоретически [22].

Сторонники реализма утверждают, что государства стремятся к максимизации власти и безопасности в условиях анархичной международной системы путем балансировки [16]. Американская большая стратегия со времен окончания Второй мировой войны основывалась на предотвращении появления евразийской сверхдержавы. Любой официальный китайско-российский альянс или геостратегический пакт станет серьезной угрозой для США [21]. Большая стратегия России заключается в региональной гегемонии. Россия хочет сохранить свою стратегическую автономию в многополярном мире, она не стремится к более тесным отношениям с Пекином в роли младшего партнера [11]. Стратегия Китая — это доминирование в сетях власти, простирающихся через регионы. Прямолинейная реалистическая гипотеза предполагает, что китайско-российское сотрудничество является балансирующим ответом на угрозу, исходящую от США. Подъем Китая должен был стать угрозой безопасности России после холодной войны, однако он совпал с китайско-российским сближением. По мнению А. Королева [8], возможно слияние флагманских геополитических проектов стран — ОПОП и Евразийского экономического союза, — стратегически меняющее евразийское пространство. Х. Фэн [2] полагает, что США сблизили Китай и Россию, противодействуя им в их сферах влияния. Д. Оуэн [13] предсказывает, что, если США продолжат отступать от либеральной идеологии, исчезнет импульс к китайско-российскому сотрудничеству. Б. Йодер [23] объясняет сближение российским восприятием угрозы со стороны США в той мере, в какой это восприятие позволяет Китаю убедительно сигнализировать России о своих добрых намерениях.

Неореализм в его экономическом проявлении, билатерализм — это взаимодействие на двусторонней основе. Государства заботятся не об общей выгоде, а о том, чтобы другие не получили больше. Г. Мур [12] вводит концепцию национального нарциссизма, обрисовывая систему нескоординированных государств, преследующих узкие интересы. Утверждается, что Китай и Россия продолжают действовать в корыстных интересах, а не как партнеры. К. Хейнс [4] указывает, что два государства вполне могут сохранить ограниченную, но очень важную «ось удобства». Э. Вишник [20] отмечает, что Китай и Россия

¹ Wang Yi. Russia Is an Important Strategic Partner of the Joint Construction of the 'Belt and Road' [Электронный ресурс]. 26.05.2017. URL: <https://www.fmprc.gov.cn/ce/eng/eng/zgxw/t1466559.htm> (дата обращения: 10.07.2025).

подавили открытую конкуренцию за границы и региональные сферы, что стимулировало сотрудничество в противостоянии общей угрозе.

Рассматривая Арктику с позиций реализма, заметим, что этот стратегический ресурсный узел занимает центральное место в национальной безопасности и является основой статуса России как великой державы [11]. Освоение ресурсов Арктики имеет геополитическое значение в долгосрочной перспективе. Санкции ЕС вынуждают российские нефтяные компании искать новые маршруты и рынки сбыта арктической нефти¹. В свою очередь, Китай путем диверсификации уменьшает зависимость от проливов, контролируемых США. Растущая напряженность в отношениях между Россией и Западом стимулирует сближение интересов Китая и России вдоль СМП. Инициативы морских путей противостоят доминированию США в международной логистике. Усилия Китая по «интернационализации» Арктики и позиция России по сохранению «национальной» Арктики указывают на различия в том, каким они хотят видеть характер региональных отношений [Там же].

После окончания холодной войны институционализация китайско-российских отношений практически отсутствовала, страны оказались экономически зависимы от Запада, а не друг от друга, и этот разрыв увеличивался [22]. Институционализм высвечивает взаимную выгоду от сотрудничества через международные институты. Арктический совет (АС) и Международная морская организация регулируют вопросы судоходства и экологии в регионе. В мае 2013 г. шесть неарктических государств, включая Китай, были приглашены в качестве наблюдателей в АС. С тех пор Китай активно сотрудничает с арктическими государствами, называя себя «приарктическим» [24]. Э. Вишник отмечает, что Россия (а также Канада) дольше всех сопротивлялась получению Китаем статуса наблюдателя в АС [18]. Обе страны являются частью регионального порядка, сосредоточенного вокруг АС как главного форума региона [11]. До 2022 г. Россия продолжала укреплять позиции АС в качестве ключевого регионального института международного сотрудничества [1]. В 2014 г. был создан Арктический экономический совет для содействия экономическому сотрудничеству и инвестициям. Китай не является его членом. Китай и Индия могут использовать БРИКС и ШОС для координации своих интересов в Арктике.

Либерализм делает упор на ограничение государственного вмешательства, рыночную саморегуляцию и приоритет частной собственности. Растущее двухстороннее сотрудничество России и Китая при скудных экономических связях является загадкой для либерализма, которую его сторонники не решают [22].

Конструктивизм утверждает, что знания, социальные нормы и идентичности в значительной степени формируются через социальные взаимодействия. Резкие различия в идеологии и национальных культурах Китая и России, а также долгая история их антагонизма предвещали сохранение враждебности после окончания холодной войны [Там же]. Д. Ларсон [9] доказывает, что Китай и Россия пытаются восстановить свои статусы великих держав, сохраняя идентичность, отличную от Запада. Для России арктическая идентичность многогранна и глубоко прочувствована. Россия имеет самую длинную арктическую береговую линию. М. Ларюэль говорит о мессианстве в современных изображениях российской Арктики как убежища, где Россия могла бы восстановить свой статус великой державы [10]. А. Макдональд [11] определяет китайско-российские отношения как согласие: «понимание необходимости регулярно сотрудничать, консультироваться и в некоторых случаях координировать деятельность в различных областях из-за взаимных, но не идеально согласованных... стратегических интересов, оставаясь при этом автономными и равноправными субъектами с ограниченными жесткими обязательствами между ними». Фактическое признание Китаем российского контроля над СМП снижает опасения по поводу подрыва российского авторитета перед лицом увеличения китайских инвестиций в страну [Там же].

¹ Staalesen A. (2022, June 1). Russian Arctic oil export moves towards collapse [Электронный ресурс]. URL: https://www.google.com/url?sa=t&source=web&rct=j&opi=89978449&url=https://www.thebarentsobserver.com/industry-and-energy/russian-arctic-oil-export-moves-towards-collapse/144697&ved=2ahUKewiUmoa6-LeOAxWAlhAIHXxYM-cQFnoECBgQAQ&usg=AOvVaw2s2GB77OTz9aR_vuY_b-Sd (дата обращения: 10.07.2025).

Материалы и методы

Анализировались позиции российских и китайских официальных лиц и представителей бизнеса, высказанные на экономических форумах «Росконгресса» в 2018–2025 гг. Рассматривались высказывания следующих представителей российской стороны: Евгений Амбросов, директор по морским операциям, судоходству и логистике ПАО «НОВАТЭК», председатель Арктического экономического совета; Сергей Вахруков, начальник Управления Президента РФ по вопросам национальной морской политики; Петр Иванов, генеральный директор ООО «Росатом логистика»; Николай Корчунов, председатель Комитета Старших должностных лиц Арктического совета; Игорь Левитин, специальный представитель Президента Российской Федерации по международному сотрудничеству в сфере транспорта; Алексей Мавлютов, генеральный директор Safetrans Line; Александр Макаров, директор Арктического и Антарктического научно-исследовательского института; Владимир Панов, специальный представитель по вопросам развития Арктики «Росатома», заместитель председателя Государственной комиссии по вопросам развития Арктики; Владимир Путин, Президент Российской Федерации; Михаил Хомич, главный управляющий директор, главный стратег ВЭБ РФ; Александр Цыбульский, губернатор Архангельской области; Алексей Чекунков, министр Российской Федерации по развитию Дальнего Востока и Арктики. Рассматривались высказывания представителей китайской стороны: Фан Юсинь, Кэ Цзинь — представители NewNew Shipping Line; Чжан Ханьхуэй, Чрезвычайный и Полномочный Посол Китайской Народной Республики в Российской Федерации.

Результаты

В представленных ниже таблицах 1–3 изложен подход стран к взаимному сотрудничеству в Арктике.

Таблица 1

Высказывания с позиций реализма и неореализма

Table 1. Statements from the standpoint of realism and neorealism

Спикер	Форум	Цитата
Алексей Чекунков	ПМЭФ 2023	«Совместные проекты России и Китая... оказывают влияние на мировые рынки: энергетический, транспортный, логистический»
Чжан Ханьхуэй	ВЭФ 2024	«В условиях турбулентного и меняющегося мира китайско-российские связи... вступили в наилучший период в истории, превратившись в отношения... с высочайшей стратегической ценностью»
Игорь Левитин	МАФ 2025	«Нам нужно быстрее между собой договориться, чтобы не опоздать, когда Арктику будут делить другие» «У нас нет портов, хабов... Мы отдали весь транзит другим линиям. Вот на Северном морском пути мы не должны этого допускать»
Владимир Путин	МАФ 2025	«Роль и значение Арктики и для России, и для всего мира растет. Но также усиливается, к сожалению, и геополитическая конкуренция, борьба за позиции в этом регионе... Мы не допустим посягательств на суверенитет нашей страны, надежно защитим наши национальные интересы... И чем прочнее будут наши позиции, ... тем больше возможностей будет для запуска глобальных международных проектов в Арктике с участием дружеских стран, ... а возможно, и западных государств»
Александр Цыбульский	ПМЭФ 2025	«Тот, кто будет перераспределять ресурсы Арктики, тот будет управлять всей мировой экономикой»

МАФ — Международный Арктический форум

ПМЭФ — Петербургский международный экономический форум

ВЭФ — Восточный экономический форум

Источник: составлено авторами на основе данных <https://roscongress.org/speakers/>

Для российской стороны подход с позиций реализма предполагает влияние на мировые рынки, а также создание приоритета для сотрудничества с дружественными странами (табл. 1). Россия рассматривает СМП как стратегический ресурс для укрепления своего влияния в Арктике и снижения зависимости от западных маршрутов. Китайская сторона указывает на стратегическую ценность партнерских

отношений, выказывая таким образом поддержку России. Обе стороны получают влияние на геополитику в регионе через сотрудничество и координацию [24].

Таблица 2

Высказывания с позиций институционализма
Table 2. Statements from the standpoint of institutionalism

Спикер	Форум	Цитата
Николай Корчунов	МАФ 2019	«Регион сталкивается с глобальными вызовами и угрозами, которые носят трансграничный характер... Важно... выработать механизм коллективного реагирования» «Глобальным трендом... является регионализация. Хорошим примером является работа советов Баренцева моря и Арктического региона, в которых главной движущей силой являются регионы»
Алексей Чекунов	ПМЭФ 2021	«Мы представлены в совете сильнейшими компаниями, которые реализуют глобальные проекты. Приоритеты — развитие судоходства, телекоммуникационной инфраструктуры» «Крайне важно... перевести риторику в дух международной кооперации, сотрудничества по развитию Арктики»
Николай Корчунов	ПМЭФ 2021	«Хотели бы видеть Арктический экономический совет в качестве центра международного арктического экономического сотрудничества» «Будем развивать взаимодействие с Арктическим форумом береговых охран, университетом Арктики и другими профильными структурами, наращивать международное сотрудничество. Проведем встречу министров науки восьми арктических стран. Собираемся провести четвертую министерскую Арктическую конференцию министров науки»
Николай Корчунов	РЭН 2021	«Россия совместно с партнерами по АС может многое сделать по интеграции технологий и подходов, которые у нас имеются»
Николай Корчунов	ПМЭФ 2022	«В 2017 году в рамках Арктического совета работала целевая группа, которая рекомендовала... налаживать взаимодействие Международной организации гражданской авиации и Международной морской организации»
Николай Корчунов	ПМЭФ 2023	«Выражаю озабоченность тем, что в рамках АС не работает группа по сохранению арктической флоры и фауны»
Владимир Панов	ПМЭФ 2024	«В Китае была достигнута договоренность о создании подкомиссии по развитию СМП»
Владимир Путин	МАФ 2025	«Для сотрудничества в экологической сфере, для предупреждения чрезвычайных ситуаций за полярным кругом и совместного реагирования на них был создан АС, но этот механизм сегодня деградировал. Причем Россия не отказывалась от общения в этом формате — это был выбор именно наших западных партнеров, западных государств. Как в таких случаях говорят: “Не хотите — не нужно”. Мы сами будем работать с теми, кто хочет этого» «Россия — крупнейшая арктическая держава. Мы... выступаем сегодня за равноправное сотрудничество в регионе...»
Владимир Панов	ПМЭФ 2025	«...Эффективное взаимодействие в рамках АС сильно затруднено, и текущий формат не позволяет вести взаимовыгодное сотрудничество. Нужно создавать форматы, в которых диалог и возможен, и взаимовыгоден, и эффективен... В прошлом году были созданы два новых межправительственных формата по развитию сотрудничества по СМП. Это советы с Китаем и с Индией» «Есть большой шанс, что появятся новые советы, которые будут учитывать прагматичное взаимовыгодное сотрудничество с теми странами, которые готовы работать на равных с Российской Федерацией»
Сергей Вахруков	ПМЭФ 2025	«Крайне важно, учитывая национальные интересы, синхронизировать цели с партнерами. Есть свои цели... у Китая, Индии, африканских стран, Японии. И если мы синхронизируем эти цели, ...то превратим и ТАТК, и Арктику не в территорию конфронтации и соперничества, а в территорию сотрудничества»
Алексей Чекунов	ПМЭФ 2025	«Ряд наших бывших партнеров по развитию в Арктике в одностороннем порядке попытались разрушить сотрудничество в высоких широтах, что в принципе невозможно, потому что Россия отвечает за полноту мировой Арктики»

РЭН — Российская энергетическая неделя

Источник: составлено авторами на основе данных <https://roscongress.org/speakers/>

Табл. 2 показывает, что наибольшее число высказываний в пользу институционального сотрудничества сделано до 2022 г. Россия привержена сбалансированному международному сотрудничеству для целей устойчивого развития, организации судоходства, хозяйственного освоения Арктической зоны. В 2025 г. у российской стороны сформировалось новое отношение к институтам развития Арктики,

взаимодействие перешло на уровень двухсторонних межправительственных форматов и синхронизации целей с отдельными странами.

Конструктивизм утверждает, что государства могут преследовать любые цели в зависимости от их национальной культуры [6] и идентичности. Согласно А. Вендту [17], идентичность подразумевает определенный набор интересов и предпочтений в отношении того или иного международного игрока. А. Вендт выделяет четыре уровня идентичности:

- 1) корпоративная: государство как организационный актор, связанный с обществом, которым он управляет посредством структуры политической власти;
- 2) типовая: политический режим и экономическая система, а также частично социальные особенности;
- 3) ролевая: свойства государств в отношениях с другими государствами;
- 4) коллективная: идентификация двух и более государств как принадлежащих к единому «эго», как часть целого.

Таблица 3

Высказывания с позиций конструктивизма
Table 3. Statements from the standpoint of constructivism

Спикер	Форум	Цитата
<i>Корпоративная идентичность</i>		
Алексей Чекунков	ПМЭФ 2022	«Поворот на Восток может происходить только через Север, потому что мы... знаем, как забиты все каналы нашего Дальнего Востока... И задача государства в том, чтобы структура СМП могла [этому] соответствовать, потому что мы не сможем обеспечить вывоз тех объемов продукции, которые уже видим, теми мощностями, которые есть»
Петр Иванов	ПМЭФ 2025	«ТАТК — это то, что всегда будет обеспечивать экспортный потенциал страны. Когда запускали ракеты в космос, никто не думал об экономике»
Александр Цыбульский	ПМЭФ 2025	«Развитие Арктики сегодня — это, во-первых, проект XXI века, важнейший для страны, а второе — это как развитие космоса для Советского Союза. Развивая Арктику вместе, мы закладываем возможность развития для страны и возможность жить будущим поколениям...»
Владимир Панов	МАФ 2025	«Создаются риски непредсказуемых событий в международной морской логистике. Не только морская логистика нарушается. Десятилетиями существующая схема поставок наших энергоносителей в Европу... будет фактически уничтожена. Это невероятно, потому что слишком выгодно было сотрудничество. Но мы сейчас видим, что на глазах ломаются прежние торговые отношения и формируются абсолютно новые»
<i>Типовая идентичность</i>		
Кэ Цзинь	ВЭФ 2024	«Считаем, что участие в разработке арктических маршрутов — это ... наша миссия и наш вклад»
Фан Юсинь	ПМЭФ 2024	«Северный морской путь создает благо и благосостояние всему миру»
Алексей Чекунков	ПМЭФ 2025	«И, возможно, это [Арктический проект] будет... одной из национальных идей России, потому что мы на 25% Арктика, а по сути, мы северная держава — самая северная, какая есть в мире, у нас даже на юге север, поэтому развитие Арктики — это национальная идея для нас, это наша судьба»
<i>Ролевая идентичность</i>		
Алексей Чекунков	ПМЭФ 2018	«Наиболее перспективно развитие сотрудничества России и Китая на Дальнем Востоке. Китай — это рынок, Дальний Восток — заповедник природных богатств и комфортные города на границе»
Алексей Чекунков	ВЭФ 2018	«Поставки продовольствия на китайский рынок для нас очень важны... Второй проект — это газохимия. На примере таких проектов-локомотивов мы надеемся, что лед тронется, за первыми успешными проектами инвестиции пойдут серийно»
Алексей Чекунков	ПМЭФ 2022	«У нас есть очень много того, что нужно Азии. В первую очередь, конечно, природные ресурсы. Мы сейчас занимаемся развитием СМП. Два проекта — «Новатека» и «Роснефти» ориентированы на Азию... Это проекты эпохального масштаба, заточенные на то, чтобы эффективно экспортировать российские природные ресурсы в Азию» «В Азии избыток капитала. ...Назвать компании, которые смогли успешно добраться до этих безграничных источников капитала в России, сложно. Поэтому мы сейчас стоим на пороге эпохи нового формата совместных предприятий. Я думаю, партнерство заключается в этом. Современные совместные предприятия должны быть более масштабными и полноценно задействовать и ресурс тех проектов, которые мы можем здесь реализовать, и ресурс рынков капитала, как акционерного, так и заемного, который есть в Азии»

Окончание табл. 3

Спикер	Форум	Цитата
Чжан Ханьхуэй	ВЭФ 2022	«Еще больший потенциал проявляется в сотрудничестве в новых областях. Мы ищем новые точки роста»
Алексей Чекунков	ПМЭФ 2023	«Приглашаем китайских друзей к участию в ... развитии СМП и новых туристических магнитов для китайских друзей, для всего мира»
Кэ Цзинь	ВЭФ 2023	«Планируем в следующем году ввести в эксплуатацию еще 8–10 контейнеровозов, что даст возможность постоянной перевозки грузов из Шанхая, Японии, Кореи, стран Юго-Восточной Азии до Архангельска, Санкт-Петербурга, Калининграда и других регионов»
Алексей Чекунков	ВЭФ 2023	«Осенью внесем в Государственную Думу законопроект о международных территориях опережающего развития. Новый механизм позволит реализовать в приграничных районах больше новых проектов в партнерстве с инвесторами из КНР»
Владимир Панов	ВЭФ 2023	«Видим большой потенциал в развитии контейнеризированных грузов по СМП — это как международный транзит, так и наши каботажные грузы»
Чжан Ханьхуэй	ПМЭФ 2024	«Мы должны создать систему сотрудничества, иметь определенные возможности для финансового сотрудничества» «Китай является главным экономическим партнером России, наше сотрудничество растет очень большими темпами»
Кэ Цзинь	МАФ 2025	«Одной из основных проблем инфраструктуры являются порты. Текущие порты имеют слишком малую осадку и не могут принимать крупные суда, которые мы планируем строить. Кроме того, есть железнодорожные сложности... Уверены, что за счет увеличения инвестиций постепенно сможем решить эту проблему. Мы также намерены участвовать в инвестициях в строительство порта по СМП» «Ключевое — это не грузы, а суда. Обязательно нужно построить судно, которое имеет возможность проехать круглогодично»
Александр Цыбульский	ПМЭФ 2025	«Появилось интересное направление в области экспортно-импортных операций. В последние два года мы с китайскими партнерами выстроили контейнерную линию, и это, по сути, первое такое взаимодействие с КНР за 30 лет... Интерес к этому направлению очень высокий»
Алексей Мавлютов	ПМЭФ 2025	«Техническое решение поддержания круглогодичной навигации по СМП будет сложным для бизнеса, но очень привлекательным для судовладельцев. Мы в "Севтранслайн" готовы инвестировать в развитие СМП. Для этого мы ведем регулярный диалог не только с Росатомом, но и с Министерством транспорта Китая, в специализированных группах не только России, но и Китая. Что касается использования судов Arc6, Arc7, ... речь должна идти о более углубленном партнерстве государств и судовладельцев»
Кэ Цзинь	ПМЭФ 2025	«Мы с Росатомом планируем строительство судов арктического класса Arc7. Правительства России и Китая могут выделить какие-то специальные меры налоговой поддержки... Это поможет снизить затраты бизнеса и обеспечить истинную коммерцию по СМП. Освоение СМП — это не просто бизнес, это шаг к новой глобальной торговле»
Чжан Ханьхуэй	ПМЭФ 2025	«Стабильное устойчивое развитие торгово-экономического сотрудничества между нашими странами требует новых коридоров. Когда Си Цзиньпин, председатель КНР, приезжал недавно в Москву, много раз повторялось, что СМП является одной из важных артерий для развития торгово-экономического сотрудничества между нашими странами. Конечно же, мы будем прилагать важные усилия, чтобы новые пути развития благодаря СМП открылись нашим странам. Мы надеемся, что новые перспективы станут реальностью»
Коллективная идентичность		
Алексей Чекунков	ВЭФ 2018	«Видим большие возможности использовать потенциал наших политических отношений с друзьями, нашими соседями, чтобы лучше мотивировать их работать с нами»
Алексей Чекунков	ВЭФ 2021	«Рады пригласить китайские деловые круги к сотрудничеству в Арктической зоне Российской Федерации»
Алексей Чекунков	ВЭФ 2022	«Исходя из того, что Дальний Восток является геостратегической территорией, ... у нас, безусловно, общее экономическое будущее со странами Азии»
Чжан Ханьхуэй	ВЭФ 2022	«По всему миру прокатываются новые волны пандемии коронавируса, тем не менее перед лицом серьезных и сложных испытаний Китай и Россия непрерывно укрепляют свою взаимную поддержку»
Фан Юсинь	ПМЭФ 2025	«Если говорить об интересе, это интерес также в области дружбы. Это интерес в том, чтобы продвинуть контакты между нашими странами. ...Наша работа становится платформой для обмена мнениями, определенным каналом коммуникации. Я думаю, что это то, за что стоит от всей души поблагодарить российскую сторону. Продолжать такой контакт — добиваться общих целей — это и есть самое главное, наверное, перспективы состоят в этом»

Источник: составлено авторами на основе данных <https://roscongress.org/speakers/>

К корпоративной идентичности (табл. 3) можно отнести высказывания, отражающие организационную роль государств в развитии Арктики с учетом приоритетов. Освоение Арктики является крупнейшим в истории России проектом, эффективность вложений не выдвигается на первый план. Развитие СМП обеспечивает поворот на Восток, поддержку экспортного потенциала и международного транзита. К типовой идентичности мы отнесли высказывания, подтверждающие представление об Арктике как национальной идее России. Китайская сторона говорит о вкладе в развитие Арктики как миссии. Ролевая идентичность подразумевает сотрудничество для достижения взаимовыгодных целей, оно носит преимущественно экономический характер. Россия нуждается в инвестициях и технологиях [24]. Для обеих стран важны контейнеризация, наличие судов ледового класса и круглогодичная навигация. Это достигается путем организации транспортного коридора, создания совместных предприятий, территорий с налоговыми льготами. Наконец, коллективная идентичность, посредством которой страны позиционируют себя как единое целое, состоит в общем экономическом будущем, дружбе и неуклонной взаимной поддержке.

Обсуждение

В большинстве рассмотренных работ указывается, что Россия и Китай расходятся в национальных интересах в Арктическом регионе. Китай изображает Арктику как регион для всего человечества, в то время как Россия продолжает укреплять национальную безопасность вдоль СМП [11]. Китай характеризует регион как глобализированное пространство, узаконивая лидерство в научных исследованиях и инвестициях [Там же]. Стоит ли удивляться, что страны не полностью посвятили себя двухстороннему сотрудничеству? Так, А. Макдональд пишет: «Вместо того, чтобы взять на себя обязательства по “постоянно укрепляющимся отношениям” с Китаем, Россия взаимодействует с различными инвестиционными партнерами, включая Японию и Индию» [Там же]. Более тесные связи с Россией могут оттолкнуть европейских партнеров Китая [7]. Ценным представляется вывод М. Кобзевой о том, что «опережающее развитие СМП означает, что для Китая сотрудничество с Россией является наиболее целесообразной арктической политикой» [Там же]. Вклад нашего исследования заключается в том, что, как показывают официальные высказывания, российская сторона самостоятельно не готова контролировать транзитные маршруты в арктических широтах. Нужны международные институты. Реалистический подход, отражающий приверженность России к многополярности, состоит в том, что строить такие институты должны дружественные страны. Наконец, есть несколько экологических, социальных целей и национальных идей, которые страны разделяют в большей или меньшей степени на основе своего культурного опыта.

Заключение

В рамках подхода реализма можно говорить о геостратегическом значении Арктики для России и стратегической ценности российско-китайских отношений в целом. Теория комплексной взаимозависимости стран (неореализм) не нашла явного подтверждения в рассмотренном кейсе. В 2025 г. представители российской стороны признали невозможность работы в рамках АС и опробовали новые форматы взаимодействия. Институционализм в своей прежней форме перестал быть организующей рамкой для сотрудничества в освоении Арктики. Наиболее адекватно сближение России и Китая описывает конструктивистский подход: осваивая СМП, страны сотрудничают для достижения общих целей — как концептуальных, так и конкретных ролевых.

Когда мы хотим объяснить отношения двух стран, разделявших на протяжении десятилетий коммунистическую идеологию, теории, основанные на рыночных соображениях, оказываются половинчатыми [22]. Приверженность дружбе дает отношениям стабильность, что ведет к долгосрочному экономическому результату.

References

1. Biedermann, R. Exploring Sino-Russian-Nordics triangular relations: complex balancing along the Polar Silk Road // *Journal of Contemporary European Studies*. 2021. P. 1–17. DOI: 10.1080/14782804.2021.1924640.

2. Feng, H. Partnering Up in the New Cold War? Explaining China-Russia Relations in the Post-Cold War Era. In: Yoder B. (Eds.) *The United States and Contemporary China-Russia Relations. Theoretical Insights and Implications* Cham: Palgrave Macmillan. 2022. P. 79–104. DOI: 10.1007/978-3-030-93982-3_4.
3. Gladkiy, Y. N., Sukhorukov, V. D., Kornekova, S. Y. [et al.] “Polar Silk Road”: project implementation and geo-economic interests of Russia and China. In: *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. IOP Publishing. 2020. 434 (1). P. 012009. DOI: 10.1088/1755-1315/434/1/012009.
4. Haynes, K. Sino-Russian Logrolling and the Future of Great Power Competition. In: Yoder B. (Eds.) *The United States and Contemporary China-Russia Relations. Theoretical Insights and Implications* Cham: Palgrave Macmillan. 2022. P. 231–252. DOI: 10.1007/978-3-030-93982-3_10.
5. Huang, L., Lasserre, F., Alexeeva, O. Is China’s interest for the Arctic driven by Arctic shipping potential? // *Asian Geographer*. 2015. No. 32 (1). P. 59–71. DOI: 10.1080/10225706.2014.928785.
6. Katzenstein, P. J. *The Culture of National Security: Norms and Identity in World Politics*. New York : Columbia University Press. 1996. 560 p. ISBN: 9780231104692.
7. Kobzeva, M. New Arctic Seaways and the Role of China in Regime Formation. In *Global Arctic*. 2022. P. 315–330. Springer, Cham. DOI: 10.1007/978-3-030-81253-9_16.
8. Korolev, A. Measuring Strategic Cooperation in China-Russia Relations. In: Yoder B. (Eds.). *The United States and Contemporary China-Russia Relations. Theoretical Insights and Implications* Cham: Palgrave Macmillan. 2022. P. 29–53. DOI: 10.1007/978-3-030-93982-3_2.
9. Larson, D. W. China’s and Russia’s New Status Relationship. In: Yoder B. (Eds.). *The United States and Contemporary China-Russia Relations. Theoretical Insights and Implications* Cham: Palgrave Macmillan. 2022. P. 107–129. DOI: 10.1007/978-3-030-93982-3_5.
10. Laruelle, M. Russia’s Arctic Policy: A Power Strategy and Its Limits. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/344221690_Russia%27s_Arctic_Policy_A_Power_Strategy_and_Its_Limits_RussieNEIVisions_no_117.
11. MacDonald, A. P. China-Russian cooperation in the Arctic: A cause for concern for the Western Arctic States? // *Canadian Foreign Policy Journal*. 2021. No. 27 (2). P. 194–210. DOI: 10.1080/11926422.2021.1936098.
12. Moore, G. J. China, Russia and the United States: Balance of Power or National Narcissism? In: Yoder B. (Eds.). *The United States and Contemporary China-Russia Relations. Theoretical Insights and Implications* Cham: Palgrave Macmillan. 2022. P. 55–77. DOI: 10.1007/978-3-030-93982-3_3.
13. Owen, J. M. IV. China and Russia Contra Liberal Hegemony. In: Yoder B. (Eds.). *The United States and Contemporary China-Russia Relations. Theoretical Insights and Implications* Cham: Palgrave Macmillan. 2022. P. 131–153. DOI: 10.1007/978-3-030-93982-3_6.
14. Pieper, M. Mapping Eurasia: Contrasting the public diplomacies of Russia’s ‘Greater Eurasia’ and China’s ‘belt and road’ initiative // *Rising Powers Quarterly*. 2018. Vol. 3, No. 3. P. 217–237. URL: <https://rpquarterly.kureselcalismalar.com/quarterly/mapping-eurasia-contrasting-the-public-diplomacies-of-russias-greater-eurasia-and-chinas-belt-and-road-initiative/>.
15. Tillman, H., Yang, J., Nielsson, E. T. The Polar Silk Road: China’s New Frontier of International Cooperation // *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2018. Vol. 4, No. 3. P. 345–362. DOI: 10.1142/S2377740018500215.
16. Waltz, K. N. *Theory of International Politics*. Reading, MA : Addison-Wesley. 1979. 179 p.
17. Wendt, A. *Social theory of international politics*. 1999. 450 p. DOI: 10.1017/CBO9780511612183.
18. Wishnick, E. China’s Interests and Goals in the Arctic // *Letort Papers*. 2017. Carlisle Barracks, PA.
19. Wishnick, E. Sino-Russian Consolidation at a Time of Geopolitical Rivalry // *China Leadership Monitor*. 2020. URL: <https://www.prcleader.org/elizabeth-wishnick>.
20. Wishnick, E. The Paradox of Sino-Russian Partnership: Global Normative Alignment and Regional Ontological Insecurity. In: Yoder, B. (Eds.). *The United States and Contemporary China-Russia Relations. Theoretical Insights and Implications* Cham: Palgrave Macmillan. 2022. P. 155–180. DOI: 10.1007/978-3-030-93982-3_7.

21. Wu, Z. Classical geopolitics, realism and balance of power theory // Journal of Strategic Studies. 2018. No. 41 (6). P. 786–823. DOI: 10.1080/01402390.2017.1379398.
22. Yoder, B. International Relations Theory and the Puzzle of China-Russia Alignment. In: Yoder B. (Eds.). The United States and Contemporary China-Russia Relations. Theoretical Insights and Implications Cham: Palgrave Macmillan. 2022. P. 1–26. DOI: 10.1007/978-3-030-93982-3_1.
23. Yoder, B. The US Factor in China's Successful Reassurance of Russia. In: Yoder B. (Eds.). The United States and Contemporary China-Russia Relations. Theoretical Insights and Implications Cham: Palgrave Macmillan. 2022. P. 183–206. DOI: 10.1007/978-3-030-93982-3_8.
24. Yu, Cao. Implications for Sino-Russian Cooperation on the Polar Silk Road // Arctic Yearbook. 2022. URL: https://arcticyearbook.com/images/yearbook/2022/Scholarly-Papers/16A_AY2022_Cao.pdf.

Об авторах:

Жириева Елена Васильевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: zhiryeva-ev@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-8233-5212

Зверев Артем Александрович, аспирант кафедры экономики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург, Россия),
e-mail: ceo@my-ort.ru

About the authors:

Elena V. Zhiryeva, Doctor of Science (Economy), Associate Professor, Professor of the Department of Economy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: zhiryeva-ev@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-8233-5212

Artem A. Zverev, Postgraduate Student of the Department of Economy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: ceo@my-ort.ru

© Жириева Е. В., Зверев А. А., 2025

Цифровая трансформация международной торговли в Кыргызстане

Маматов Н. Д.¹, Орёл А. А.², Бондаренко А. В.³, Ворона А. А.^{4,*}

¹ Министерство экономики и коммерции Кыргызстана, Секретариат по упрощению процедур торговли, Бишкек, Кыргызстан

² Гатчинский государственный университет, Гатчина, Россия

³ Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана ООН, Бангкок, Таиланд

⁴ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Россия

* e-mail: vorona-aa@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-7601-2671

РЕФЕРАТ

Цель и задачи. Целью статьи является анализ текущего состояния цифровой трансформации международной торговли в Кыргызстане, разработка практических рекомендаций по упрощению внешнеторговых процедур и внедрению цифровых решений для повышения эффективности торговых операций. Особое внимание уделяется устранению институциональных, правовых и технологических барьеров, которые препятствуют переходу к безбумажной торговле и замедляют интеграцию страны в глобальную торговую систему. **Методология.** В качестве методологической основы исследования использованы структурно-функциональный анализ, сравнительный подход и элементы бизнес-процессного моделирования. Исследованы текущие практики документального оформления внешнеторговых операций. Проанализированы логистические показатели страны, выявлены ключевые барьеры в административных процедурах. **Результаты.** Определены ключевые проблемы, сдерживающие цифровизацию: избыточность процедур и документов, необходимость личного присутствия при оформлении разрешений, фрагментированность информационных систем и слабое развитие цифровой инфраструктуры. Проведенный анализ динамики эффективности логистических систем Кыргызстана позволил предложить комплексные меры, включая расширение функций национального механизма координации торговли, развитие электронного документооборота и создание механизмов трансграничного признания цифровых документов. В целях оптимизации существующих логистических процессов в Кыргызстане, предложена возможная модель внедрения электронного обмена сведениями о происхождении товаров между Кыргызстаном и странами-партнерами, которая упростит и ускорит существующие бизнес-процессы. **Выводы.** Сделан вывод о том, что цифровизация международной торговли является не только фактором повышения экономической эффективности, но и важным условием устойчивого развития страны. Реализация предложенных рекомендаций в области упрощения процедур торговли для Кыргызстана позволит сократить издержки, ускорить торговые процессы и обеспечить большую прозрачность взаимодействия между бизнесом и государством.

Ключевые слова: цифровая трансформация, международная торговля, электронный документооборот, торговые процедуры, упрощение процедур торговли, внешняя торговля

Для цитирования: Маматов Н. Д., Орёл А. А., Бондаренко А. В., Ворона А. А. Цифровая трансформация международной торговли в Кыргызстане // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 3. С. 31–41. EDN: DFCKXS

Digital Transformation of International Trade in Kyrgyzstan

Nurat D. Mamatov^a, Aleksandr A. Orel^b, Aleksei V. Bondarenko^c, Anastasiya A. Vorona^{d,*}

^a Ministry of Economy and Commerce of the Kyrgyz Republic, Secretariat for Trade Facilitation, Bishkek, Kyrgyzstan

^bGatchina State University

^cUnited Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (UN ESCAP), Bangkok, Thailand

^dRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, Saint Petersburg, Russia

* e-mail: vorona-aa@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-7601-2671

ABSTRACT

Aim and tasks. Purpose and objectives. The purpose of the article is to analyze the current state of the digital transformation of international trade in Kyrgyzstan, develop practical recommendations for simplifying foreign trade procedures and implementing digital solutions to improve the efficiency of trade operations. Special attention is paid to removing institutional, legal and technological barriers that hinder the transition to paperless trade and slow down the country's integration into the global trading system. **Methods.** Structural and functional analysis, a comparative approach, and elements of business process modeling were used as the methodological basis of the study. The current practices of documenting foreign trade transactions are investigated. The logistical indicators of the country were analyzed, which made it possible to identify the main administrative and procedural bottlenecks. **Results.** The key problems hindering digitalization are identified: redundancy of procedures and documents, the need for personal presence when issuing permits, fragmentation of information systems and weak development of digital infrastructure. The analysis of the dynamics of the efficiency of Kyrgyzstan's logistics systems allowed us to propose comprehensive measures, including expanding the functions of the national trade coordination mechanism, developing electronic document management and creating mechanisms for cross-border recognition of digital documents. In order to optimize existing logistics processes in Kyrgyzstan, a possible model for the introduction of electronic exchange of information on the origin of goods between Kyrgyzstan and partner countries has been proposed, which will simplify and accelerate existing business processes. **Conclusions.** It is concluded that the digitalization of international trade is not only a factor in increasing economic efficiency, but also an important condition for the sustainable development of the country. The implementation of the proposed recommendations in the field of trade facilitation for Kyrgyzstan will reduce costs, speed up trade processes and ensure greater transparency of interaction between business and the state.

Keywords: digital transformation, international trade, electronic document flow, trade procedures, trade facilitation, foreign trade

For citation: Mamatov N. D., Orel A. A., Bondarenko A. V., Vorona A. A. Digital Transformation of International Trade in Kyrgyzstan // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 31–41 (In Rus.). EDN: DFCKXS

Введение

Цифровая трансформация международной торговли выступает одним из ключевых драйверов развития глобальной экономики, способствуя сокращению издержек, ускорению проведения торговых операций и повышению прозрачности процедур. Применение цифровых инструментов, таких как: безбумажная торговля, электронные системы таможенного оформления и автоматизация логистических процессов, позволяет значительно упростить осуществление трансграничных сделок и укрепить конкурентные позиции стран на мировом рынке [1, с. 62]. Действенным способом повышения прозрачности таможенных операций и снижения хронологических издержек на импорт и экспорт становится переход к электронному декларированию на территории ЕАЭС [4, с. 6].

Кыргызстан, обладающий открытой экономикой и высоким уровнем внешнеторговой активности, сталкивается с рядом вызовов в процессе цифровизации торговли. Несмотря на шаги по внедрению отдельных компонентов цифровых систем, таких как: электронное декларирование и интеграция с реги-

ональными платформами, сохраняются существенные препятствия, связанные с институциональными ограничениями, недостаточной технической инфраструктурой и недостаточной координацией между ведомствами.

Материалы и методы

В качестве методологической основы исследования использованы структурно-функциональный анализ, сравнительный подход и элементы бизнес-процессного моделирования. Основными источниками информации при проведении исследования послужили труды ученых теоретиков и практиков, а также официальные данные Всемирного банка и Министерства экономики и коммерции Кыргызской Республики.

Результаты и обсуждение

В современных условиях развитие торговых отношений играет важную роль. С расширением торговли возникает и потребность в ускорении и оптимизации доставки товаров. Эта тенденция влечет за собой необходимость внедрения цифровых технологий. Цифровые технологии становятся драйвером развития всех сфер экономики и особенно логистики. Одним из показателей для оценки цифровизации внешней торговли является индекс эффективности логистики (далее — ИЭЛ)¹, проводимый Всемирным банком. Он включает шесть ключевых параметров, таких как эффективность таможенного оформления, качество торговой и транспортной инфраструктуры, удобство организации грузоперевозок, доступность логистических услуг, возможность отслеживания и мониторинга грузов, а также своевременность доставки. Согласно статистике, Кыргызстан демонстрирует изменчивую динамику: в 2012 г. Кыргызстан занимал 130-е место в мировом рейтинге, в 2014 г. — 149-е, в 2016 г. — 146-е. В 2018 г. страна показала значительный прогресс, поднявшись на 108-е место, однако к 2023 г. опустилась на 123-е. Эта тенденция наглядно отражена в результатах Кыргызстана в индексе эффективности логистики Всемирного банка (рис. 1).

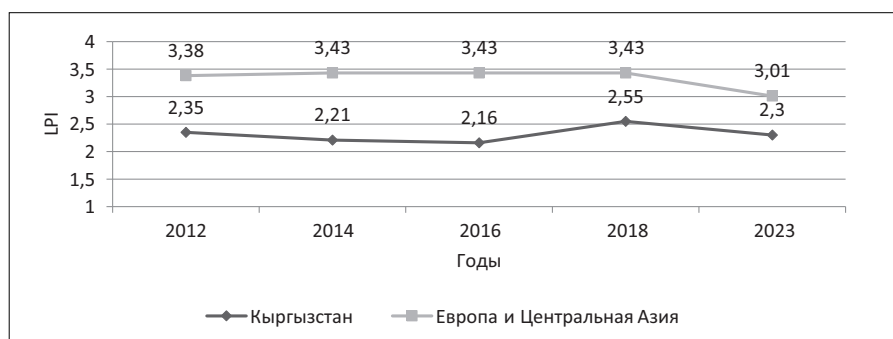

Рис. 1. Позиция Кыргызстана, Европейского и Центральнoазиатского региона в индексе эффективности логистики Всемирного банка, 2012–2023 гг.

Fig. 1. Position of Kyrgyzstan and the European and Central Asian region in the World Bank Logistics Performance Index, 2012–2023

Источник: составлено авторами на основании: Индекс эффективности логистики [Электронный ресурс] // Всемирный банк.

URL: <https://lpi.worldbank.org/international/scorecard/line/C/KGZ/2023/R+ECS+2023/lpi-only> (дата обращения: 18.06.2025).

Анализ динамики показателей индекса эффективности логистики Кыргызской Республики за 2012–2023 гг. показывает изменчивое развитие логистического сектора, с чередованием периодов снижения и кратковременных улучшений. Снижение значений ИЭЛ в 2012–2016 гг. отражает наличие структурных проблем, связанных с ограниченными возможностями транспортной и цифровой инфраструктуры,

¹ Индекс эффективности логистики (Logistics Performance Index, LPI) [Электронный ресурс] // Всемирный банк. URL: <https://lpi.worldbank.org/international/scorecard/radar/C/KGZ/2023> (дата обращения: 17.06.2025).

низким уровнем межведомственной координации и институциональными барьерами, сдерживающими развитие внешней торговли. Кратковременный рост показателя в 2018 г. связан с внедрением отдельных реформ в таможенной сфере, запуском элементов электронного декларирования и мерами по улучшению взаимодействия государственных органов с бизнесом. Тем не менее снижение ИЭЛ в 2023 г. указывает на сохраняющиеся вызовы в логистической сфере Кыргызстана, которые могут быть усугублены влиянием глобальных и региональных факторов, включая перебои в цепочках поставок, последствия пандемии COVID-19 и геополитические риски, влияющие на стабильность торговых потоков [7, с. 179]. Важно отметить, что показатели ИЭЛ Кыргызстана остаются значительно ниже среднерегионального уровня Европы и Центральной Азии, что подчеркивает необходимость ускорения цифровизации торговых процедур и модернизации логистической инфраструктуры для повышения конкурентоспособности страны на мировом рынке. Снижение региональных показателей в 2023 г. также свидетельствует о том, что вызовы в сфере трансграничной торговли носят системный характер и требуют комплексного подхода как на национальном, так и на региональном уровнях для обеспечения устойчивого восстановления и дальнейшего развития внешнеэкономической деятельности.

На рис. 2 представлены основные показатели ИЭЛ в Кыргызстане и Европе и Центральной Азии в 2023 г.

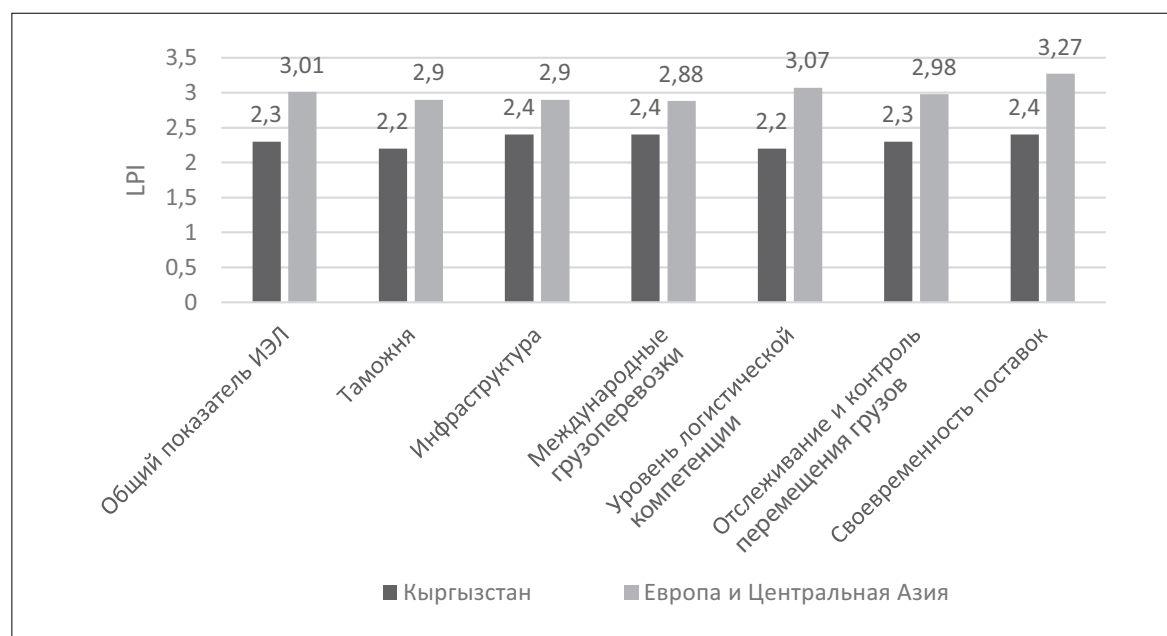

Рис. 2. Индекс эффективности логистики в Кыргызстане, Европе и Центральной Азии в 2023 г.

Fig. 2. Logistics Efficiency Index in Kyrgyzstan and Europe and Central Asia in 2023

Источник: составлено авторами на основании: Индекс эффективности логистики [Электронный ресурс] // Всемирный банк.
URL: <https://lpi.worldbank.org/international/scorecard/column/C/KGZ/2023/R+ECS+2023> (дата обращения: 23.06.2025).

Анализ показателей ИЭЛ Кыргызстана за 2023 г. выявляет устойчивое и системное отставание страны по всем ключевым компонентам логистики по сравнению со средним уровнем региона Европы и Центральной Азии. Наибольшее отставание наблюдается в показателях логистической компетенции и своевременности поставок (по 0,87 пункта каждая), что указывает на недостаточную квалификацию участников логистических цепочек, ограниченный доступ бизнеса к профессиональным услугам и сложности в планировании перевозок. Низкие оценки по таможенным процедурам и возможностям отслеживания грузов отражают слабую цифровизацию и недостаточную межведомственную координацию, что приводит к задержкам, высоким транзакционным издержкам и снижению прозрачности процедур [6, с. 93].

Относительно более высокий, но все еще низкий показатель по инфраструктуре демонстрирует, что даже при наличии инвестиций в дороги и терминалы эффективность использования инфраструктуры остается ограниченной из-за институциональных и кадровых барьеров. Совокупность этих факторов препятствует снижению издержек, замедляет трансграничные операции и ограничивает интеграцию Кыргызстана в международные цепочки поставок, снижая конкурентоспособность страны на глобальном рынке.

В этом контексте стране важно фокусироваться на современных подходах в области упрощения процедур торговли. Оцифровка и автоматизация торговых процедур становятся ключевыми факторами, позволяющими ускорить обработку документов, повысить прозрачность и безопасность транзакций, а также минимизировать риски, связанные с человеческим фактором. Ведущие экономики мира активно внедряют системы трансграничного электронного обмена данными и документами, что способствует увеличению объемов торговли за счет вовлечения новых участников и сокращает препятствия для потока товаров через границы [8, с. 10]. Проводимые в Кыргызстане реформы по упрощению процедур торговли направлены на гармонизацию, стандартизацию и повышение прозрачности торговых процедур [9, с. 71], что безусловно станет важным направлением развития внешней торговли.

При осуществлении импортных, экспортных и транзитных операций участники внешнеэкономической деятельности (далее — участники ВЭД) в Кыргызстане взаимодействуют с различными государственными органами и организациями для получения соответствующих разрешительных документов, таких как лицензии и сертификаты, проведение испытаний и контроль продукции. Этот процесс включает несколько этапов и требует выполнения достаточно большого количества формальностей [10, с. 1051]. Цифровые технологии позволяют обеспечить не только облегчение процедур торговли для бизнеса, но и проводить сквозной контроль в отношении всех операций, совершаемых с товарами со стороны государственных контролирующих органов [3, с. 20]. Взаимодействие с госорганами осуществляется как при подготовке к отправке, так и по маршруту доставки, включая прохождение таможенной границы.

Количество и тип необходимых документов различны и зависят от вида продукции, например:

- растительная продукция: фитосанитарный сертификат, выдаваемый фитосанитарной службой;
- продукция животного происхождения: ветеринарный сертификат, выдаваемый ветеринарной службой;
- сертификат соответствия, выдаваемый органами по сертификации на товары.

Кроме того, для подтверждения происхождения продукции и получения тарифных преференций требуется сертификат о происхождении товара, который выдается Торгово-промышленной палатой Кыргызстана.

Для облегчения поиска и доступа к информации по торговым формальностям в 2021 г. в Кыргызстане был запущен информационный портал пошаговых процедур торговли Info Trade Portal¹. Данный портал представляет собой поэтапное руководство по осуществлению торговых процедур, охватывающее порядок предоставления документов в рамках экспортно-импортных операций. Его основная цель заключается в повышении прозрачности и предсказуемости процедур, связанных с пересечением границы, за счет обеспечения местных и зарубежных участников торговли доступом к структурированной и подробной информации о действующих правилах и процедурах импорта, экспорта и транзита, включая перечень необходимых форм и сопроводительных документов. Кроме того, функционирование портала способствует повышению деловой конкурентоспособности путем сокращения затрат времени и финансовых ресурсов, которые предприятия вынуждены тратить на поиск и анализ торговой информации, а также за счет создания условий для более эффективного соблюдения установленных нормативных требований.

Помимо разработки и запуска Информационного портала процедур торговли, в Кыргызстане успешно внедрен механизм системы «Единого окна» в сфере внешней торговли². Этот механизм является значимым достижением в улучшении качества таможенного администрирования.

¹ Информационно-торговый портал Кыргызстана «Info Trade Portal» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trade.kg/> (дата обращения: 25.06.2025).

² Система «Единого окна» в сфере внешней торговли Кыргызстана [Электронный ресурс]. URL: <http://swis.trade.kg/> (дата обращения: 26.06.2025).

Однако, несмотря на достигнутые результаты, остается потенциал для дальнейшего улучшения процессов. По-прежнему большинство разрешительных документов выдается в бумажном виде. Проблемные вопросы или выдача документов в бумажном виде обусловлены недостаточным уровнем цифровизации государственных органов. Основным препятствием для этого является недостаток финансовых средств для цифровизации.

Проведенный анализ динамики эффективности логистических систем Кыргызстана показал следующие проблемы в ходе совершения внешнеторговых операций, на которые необходимо обратить особое внимание. Авторами указанные проблемы систематизированы в табл. 1.

Таблица 1

Группировка проблем, возникающих при совершении внешнеторговых операций в Кыргызстане

Table 1. Grouping of problems arising during foreign trade operations in Kyrgyzstan

Группа	Описание проблемы
1. Сложность процедур и документооборота	Большое количество шагов, документов и времени на процедуры экспорта и импорта ограничивает экспортный потенциал в региональной торговле
	Использование бумажных документов, несмотря на внедрение информационных систем и автоматизацию документооборота
	Наличие избыточных документов и сведений, отказ от которых не влияет на качество контроля
	Требование представления документов, которые можно получить в рамках межведомственного взаимодействия
	Недостаточная развитость открытых электронных реестров, что приводит к многократному представлению копий документов
2. Личное присутствие и контакт с госорганами	Требование личного присутствия участников ВЭД и контакт с госслужащими увеличивают временные затраты и создают условия для коррупции
3. Электронные системы	Недостаточное использование электронного документооборота в В2В взаимодействии (транспортировка, страхование, договоры)
	Слабое развитие систем электронных платежей, сохранение оплаты наличными и необходимости печатей
4. Пропускная способность и инфраструктура границ	Длительные операции в пунктах пропуска, очереди на границе и отсутствие скоординированного управления границей
5. Институциональные и правовые аспекты	Недостаточное развитие института уполномоченных экономических операторов
	Отсутствие трансграничного доверия и признания электронных документов между странами

Источник: составлено авторами на основании: Второе исследование времени выпуска в Кыргызской Республике [Электронный ресурс]. URL: <https://mineconom.gov.kg/froala/uploads/file/2db44c83966faeae24459ac319f01887f450f4fe.pdf> и Дорожная карта по упрощению процедур торговли на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://mineconom.gov.kg/ru/direct/242/243> (дата обращения: 28.06.2025).

Преобладание бумажного документооборота в трансграничной торговле создает множество сложностей, таких как задержки, избыточность и неэффективность процессов. Основные причины включают необходимость физической доставки документов, многократные проверки и дублирование информации.

Более того, Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) ООН в 2024 г. провела технико-экономическое обоснование (далее ТЭО) по реализации трансграничного электронного обмена разрешительными документами между странами Центральной Азии — Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном — с целью определения потенциальных торговых данных или документов для электронного обмена с потенциальными партнерами¹. Ключевой конечной целью ТЭО для Кыргызстана являлось предоставление рекомендаций по реализации трансграничного информационного обмена сведениями о выданных сертификатах о происхождении товаров. Наиболее приоритетной страной для запуска данного пилотного проекта для Кыргызстана был выбран Узбекистан.

Данное технико-экономическое обоснование интересно своим методологическим подходом, который включает семь основных шагов, представленных на рис. 3.

¹ Duval Y. Feasibilities studies: identifying and unlocking cross-border paperless trade potential [Электронный ресурс] // Официальные публикации ЭСКАТО ООН. URL: <https://www.unescap.org/blog/feasibility-studies-identifying-and-unlocking-cross-border-paperless-trade-potential> (дата обращения: 20.06.2025).

Рис. 3. Семь шагов методологии технико-экономического обоснования

Fig. 3. Seven steps of the feasibility study methodology

Источник: составлено авторами на основании: UN.ESCAP. Feasibility study on cross-border electronic exchange of trade data and documents: Kyrgyzstan [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://repository.unescap.org/items/a904e9ae-be35-49df-a5b7-107756ed5ac3> (дата обращения: 07.06.2025).

Методология данного исследования включает всесторонний анализ существующей торговой документации и данных, выбор ключевых документов и стран-партнеров, а также технико-экономическое обоснование с учетом действующей нормативно-правовой базы. В результате было установлено, что приоритетным документом для обмена при осуществлении бизнес-процессов является сертификат соответствия. В целях оптимизации существующих процессов авторами видится экономическая целесообразность перехода на электронный обмен данными между контрагентами. Для этого требуется разработка и утверждение соответствующей нормативно-правовой базы, создание технической инфраструктуры и укрепление сотрудничества в целях эффективной региональной интеграции.

В качестве перспективного направления авторами рекомендуется переход на новую модель для реализации трансграничного обмена сертификатами о происхождении товаров между Кыргызстаном и Узбекистаном, основанной на использовании национальных механизмов «Единого окна» (рис. 4). Эта модель позволит обмениваться данными из электронной базы сертификатов происхождения, что обеспечит упрощение процедур и снижение затрат.

Ожидается, что реализация данного подхода позволит значительно сократить как временные, так и финансовые затраты для государственных органов и участников внешнеэкономической деятельности. Проект направлен на упрощение торговых процедур, повышение прозрачности и предсказуемости внешнеторговых операций, а также на снижение рисков, связанных с подделкой сопроводительных документов. В перспективе внедрение этого проекта будет способствовать укреплению экономического сотрудничества Кыргызстана со странами Центральной Азии, улучшению условий ведения торговли и повышению конкурентоспособности страны на международных рынках.

Проведение пилотного проекта по оцифровке сопроводительных документов для Кыргызстана может стать важным шагом в области упрощения процедур торговли. Более быстрое и эффективное оформление документов ускорит оборот товаров, что потенциально увеличит объемы торговли. Сокращение времени, необходимого для оформления документов, также сделает процесс экспорта и импорта более привлекательным для компаний, что может привести к расширению торговых операций.

Рис. 4. Перспективная бизнес-модель обмена электронными сертификатами о происхождении между Кыргызстаном и Узбекистаном

Fig. 4. A promising business model for exchanging electronic certificates of origin between Kyrgyzstan and Uzbekistan

Источник: составлено авторами по: Второе исследование времени выпуска в Кыргызской Республике [Электронный ресурс].

URL: <https://mineconom.gov.kg/froala/uploads/file/2db44c83966faeae24459ac319f01887f450f4fe.pdf> (дата обращения: 15.06.2025).

Заклучение

Проведенное исследование позволило авторам прийти к выводу, что для дальнейшего упрощения и повышения прозрачности процедур внешнеэкономической деятельности в Кыргызстане необходимо сфокусироваться на ряде ключевых направлений, способствующих ускорению торговых операций и созданию благоприятной деловой среды. Основное внимание следует уделить цифровой трансформации таможенных и сопутствующих административных процедур. В табл. 2 представлены рекомендации в области упрощения процедур торговли для Кыргызстана.

Более того, при успешном проведении пилотного проекта по обмену электронными сертификатами о происхождении между Кыргызстаном и Узбекистаном предлагается расширить данный опыт инициатив на другие документы: например, электронные транспортные накладные, ветеринарные или фитосанитарные сертификаты. Это позволит выявить проблемы и протестировать модели взаимодействия в реальных условиях. Важно отметить, что пилотные проекты должны проводиться с активным участием частного сектора и международных партнеров.

Комплексное внедрение указанных мер будет способствовать переходу к более эффективной, предсказуемой и прозрачной системе регулирования торговли. Это создаст условия для роста экспортно-импортной активности, повысит конкурентоспособность национальных предприятий и предпринимательского сектора, а также ускорит интеграцию Кыргызстана в глобальные торговые цепочки.

Таким образом, в статье проведен анализ цифровой трансформации международной торговли в Кыргызстане. Авторам удалось в результате своего исследования сформировать комплексные меры, включая расширение функций национального механизма координации торговли, которые будут способствовать развитию электронного документооборота и созданию механизмов трансграничного признания цифровых документов.

Таблица 2

Основные рекомендации в области упрощения процедур торговли для Кыргызстана

Table 2. Key recommendations for simplifying trade procedures in Kyrgyzstan

Рекомендация	Содержание
1. Автоматизация таможенных процедур и электронное декларирование	Следует продолжить развитие автоматизированных систем таможенного оформления с возможностью полной цифровой подачи и обработки деклараций. Внедрение электронного декларирования с поддержкой пред-заполненных форм и систем автоматического анализа рисков позволит существенно сократить время прохождения процедур и снизить административную нагрузку на участников ВЭД [2, с. 12]
2. Электронная оплата пошлин и сборов	Создание надежных и удобных каналов для электронной оплаты всех видов таможенных и сопутствующих сборов позволит устранить необходимость личного присутствия и уменьшит коррупционные риски. Важно обеспечить интеграцию этих механизмов с национальными платежными системами и банками
3. Расширение функционала национального механизма «Единого окна»	Существующая система «Единого окна» требует дальнейшего расширения, включая: • интеграцию с другими национальными и региональными платформами обмена данными; • возможность автоматического запроса и получения разрешений и лицензий от различных ведомств; • доступ бизнеса к аналитике и информации о статусе процедур в режиме реального времени
4. Внедрение трансграничного электронного документооборота	Рекомендуется интенсифицировать работу по внедрению механизмов электронного обмена торговыми документами (включая электронные сертификаты происхождения, счета-фактуры, транспортные и страховые документы) с использованием международных стандартов и протоколов. Особое внимание следует уделить юридическому признанию электронных документов на международном уровне [5, с. 21]
5. Развитие B2B-электронного взаимодействия	Для цифровизации цепочек поставок на уровне бизнеса целесообразно поощрять: • использование электронных контрактов и цифровых подписей; • страхование грузов и транспортных рисков в электронном формате; • интеграцию логистических компаний с платформами отслеживания грузов и управления доставкой
6. Унификация межведомственного взаимодействия	Необходимо создать единую цифровую платформу, объединяющую ключевые государственные органы, участвующие в регулировании внешней торговли. Это позволит устранить дублирование процедур, сократить число документов и обеспечить прозрачность согласований и проверок
7. Совершенствование систем электронной идентификации и подписи	Для полноценной трансграничной цифровой торговли требуется модернизация инфраструктуры доверия: • развитие механизмов электронной цифровой подписи (ЭЦП) с международной совместимостью; • заключение соглашений о взаимном признании доверительных сервисов с торговыми партнерами

Источник: составлено авторами

Исследование показало, что на данный момент Кыргызстан сталкивается с рядом вызовов, препятствующих полному раскрытию его торгового потенциала. К основным проблемам относятся относительная сложность процедур и документооборота, необходимость личного присутствия и прямого контакта с государственными органами при оформлении торговых операций, институциональные и правовые ограничения и др. Для устранения выявленных проблем при осуществлении внешнеторговых операций были изучены существующие практики и предложены рекомендации по оптимизации торговых процедур и эффективной цифровой трансформации международной торговли. Реализация предложенных мер обеспечит более глубокую интеграцию Кыргызстана в мировую торговую систему, снижение транзакционных издержек и повышение конкурентоспособности национальных предприятий на международном уровне.

Список литературы

1. Боброва О. Г., Крутова С. А., Кожанков А. Ю. Международно-правовой аспект таможенного регулирования «бесбумажной» трансграничной торговли // Вестник Российской таможенной академии. 2018. № 3. С. 57–64. EDN: UYXJLM.
2. Бондаренко А. В., Евграфова О. В. Совершение таможенных операций посредством информационной системы без участия должностных лиц таможенных органов // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2021. № 3 (44). С. 13–17. EDN: IRURTQ.
3. Бударина Н. А., Ненадышина Т. С. Перспективы упрощения процедур торговли в условиях цифровизации // Российский внешнеэкономический вестник. 2022. № 2. С. 16–22. EDN: CDYLBX. DOI: 10.24412/2072-8042-2022-2-16-22.
4. Ворона А. А., Дианова В. Ю. Регулирование трансграничной (внешней) электронной торговли как фактор развития товарооборота // Таможенное дело. 2022. № 1. С. 25–30. EDN: IQHJIG. DOI: 10.18572/2071-1220-2022-1-25-30.

5. Дятлов С. А., Селищева Т. А., Трунин В. И. Институциональные новации обеспечения цифровой трансформации и цифровой торговли в Евразийском экономическом союзе // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. № 5 (131). С. 19–23. EDN: UPMSJA.
6. Кожанков А. Ю., Бабенко К. И., Боброва О. Г. Цифровая таможня — современный международный тренд. Сущностные характеристики и прогнозируемые эффекты // Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы: материалы 15-й Международной конференции, Москва, 25.05.2017. Москва : «КДУ», «Университетская книга», 2018. С. 92–96. EDN: YXLLGP.
7. Саякбаева А. А., Саякбаев Т. Д., Таалайбек Т. Состояние торгового баланса Кыргызской Республики в период пандемии COVID-19 (как возможный фактор угрозы экономической безопасности) // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 6. С. 175–180. EDN: VFPFDH. DOI: 10.23672/v3785-3240-9254-g.
8. Спартак А. Н. Последствия цифровой трансформации для международной торговли // Международная экономика. 2018. № 8. С. 23–37. EDN: XYBRVR.
9. Токсобеаев Б. Т., Маматов Н. Д. Институциональные аспекты деятельности национального совета по упрощению процедур торговли в Кыргызской Республике // М. Рыскулбеков атындагы Кыргыз экономикалык университетинин кабарлары. 2024. № 4 (65). С. 69–72. EDN: UJTKEL.
10. Хоу Ц. Экономико-географическая структура внешней торговли Кыргызстана и Китая после вступления в ВТО // Научная дискуссия: инновации в современном мире. 2016. № 4–1 (47). С. 170–177. EDN: VTZMNH.

Об авторах:

Маматов Нурат Дженалиевич, эксперт, Министерство экономики и коммерции Кыргызстана, Секретариат по упрощению процедур торговли (Бишкек, Кыргызстан);
e-mail: ndmamatov@gmail.com

Орёл Александр Александрович, кандидат экономических наук, доцент, Гатчинский государственный университет, кафедра управления социальными и экономическими процессами (Гатчина, Россия);
e-mail: orel-aleksander@mail.ru; ORCID: 0009-0004-8045-6135

Бондаренко Алексей Валерьевич, кандидат экономических наук, международный консультант, Экономическая и социальная комиссия для Азии и Тихого океана ООН (Бангкок, Таиланд);
e-mail: aleksei.v.bondarenko@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1996-0514

Ворона Анастасия Александровна, кандидат экономических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, кафедра менеджмента (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: vorona-aa@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-7601-2671

References

1. Bobrova, O. G., Krutova, S. A., Kozhenkov, A. Yu. The International Legal Aspect of Customs Regulation of “Paperless” Cross-Border Trade // Bulletin of the Russian Customs Academy. 2018. No. 3. P. 57–64 (In Rus.). EDN: UYXJLM.
2. Bondarenko, A. V., Evgrafova, O. V. Performing Customs Operations through an Information System without the Participation of Customs Officials // Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy. 2021. No. 3 (44). P. 13–17 (In Rus.). EDN: IRURTO.
3. Budarina, N. A., Nenadyshina, T. S. Prospects for Trade Facilitation in the Context of Digitalization // Russian Foreign Economic Bulletin. 2022. No. 2. P. 16–22 (In Rus.). EDN: CDYLBX. DOI: 10.24412/2072-8042-2022-2-16-22.
4. Vorona, A. A., Dianova, V. Yu. Regulation of Cross-Border (External) Electronic Commerce as a Factor in the Development of Trade Turnover // Customs business. 2022. No. 1. P. 25–30 (In Rus.). EDN: IQHJIG. DOI: 10.18572/2071-1220-2022-1-25-30.

5. Dyatlov, S. A., Selishcheva, T. A., Trunin, V. I. Institutional Innovations in Ensuring Digital Transformation and Digital Trade in the Eurasian Economic Union // Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics. 2021. No. 5 (131). P. 19–23 (In Rus.). EDN: UPMSJA.
6. Kozhenkov, A. Y., Babenko, K. I., Bobrova, O. G. Digital Customs Is a Modern International Trend. Essential Characteristics and Predicted Effects // Public Administration of the Russian Federation: Challenges and Prospects : Proceedings of the 15th International Conference, Moscow, May 25, 2017. Moscow : “KDU”, “University Book”, 2018. P. 92–96 (In Rus.). EDN: YXLLGP.
7. Sayakbayeva, A. A., Sayakbayev, T. D., Taalaibek, T. The State of the Trade Balance of the Kyrgyz Republic during the COVID-19 Pandemic (As a Possible Threat Factor to Economic Security) // Humanities, Socio-Economic and Social Sciences. 2021. No. 6. P. 175–180 (In Rus.). EDN: VFPPDH. DOI: 10.23672/v3785-3240-9254-g.
8. Spartak, A. N. Consequences of Digital Transformation for International Trade // International Economics. 2018. No. 8. P. 23–37 (In Rus.). EDN: XYBRVR.
9. Toksobaev, B. T., Mamatov, N. D. Institutional Aspects of the Activities of the National Council for Trade Facilitation in the Kyrgyz Republic // M. Ryskulbekov atyndagy Kyrgyz ekonomikalykinin kabarlary. 2024. No. 4 (65). P. 69–72 (In Rus.). EDN: UJTKEL.
10. Hou, C. Economic and Geographical Structure of Foreign Trade between Kyrgyzstan and China after WTO Accession // Scientific Discussion: Innovations in the Modern World. 2016. No. 4–1 (47). P. 170–177 (In Rus.). EDN: VTZMHZ.

About the authors:

Nurat D. Mamatov, Expert, Ministry of Economy and Commerce of the Kyrgyz Republic, Secretariat for Trade Facilitation (Bishkek, Kyrgyzstan);
e-mail: ndmamatov@gmail.com

Aleksandr A. Orel, PhD in Economics, Associate Professor, Gatchina State University, Department of Social and Economic Process Management (Gatchina, Russia);
e-mail: orel-aleksander@mail.ru; ORCID: 0009-0004-8045-6135

Aleksei V. Bondarenko, PhD in Economics, International Consultant, United Nations Economic and Social Commission for Asia and the Pacific (UN ESCAP) (Bangkok, Thailand);
e-mail: aleksei.v.bondarenko@gmail.com; ORCID: 0000-0003-1996-0514

Anastasiya A. Vorona, PhD in Economics, Associate Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, Department of Management (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: vorona-aa@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-7601-2671

© Маматов Н. Д., Орёл А. А., Бондаренко А. В., Ворона А. А., 2025

Модель управления рискоустойчивостью и рискоемкостью на предприятиях оборонно-промышленного комплекса при производстве продукции двойного назначения

Карпенко К. А., Зубова Л. В.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Россия

* e-mail: zl11@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2345-2504

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается актуальная проблема управления рисками на предприятиях оборонно-промышленного комплекса (ОПК), выпускающих продукцию двойного назначения (ПДН) на основе оценивания уровня рискоустойчивости и рискоемкости. Специфика деятельности таких предприятий, находящихся на стыке государственного регулирования и рыночной конкуренции, требует новых подходов к риск-менеджменту, выходящих за рамки классических парадигм.

Цель. Целью исследования является разработка комплексной модели, интегрирующей управление рискоустойчивостью (способностью противостоять негативным воздействиям) и рискоемкостью (способностью к осознанному принятию рисков для достижения стратегических преимуществ) при импортозамещении продукции двойного назначения. **Задачи исследования,** которые необходимо решить для достижения поставленной цели, заключаются в том, чтобы разработать комплексную модель управления, интегрирующую концепции рискоустойчивости и рискоемкости; адаптировать предложенную модель к специфике предприятий ОПК, производящих ПДН; разработать критерии для оценивания уровней рискоустойчивости и рискоемкости производственных процессов с детальной классификацией предприятий ОПК по уровню их эффективности; апробировать предложенную модель на основе анализа актуальных данных (внешняя торговля РФ за 2024–2025 гг.) и выявить системные риски исходя из результатов проведенного анализа, а также дать оценку внешней среды с позиций разработанной модели. **Методология.** Посредством использования теоретических методов по основным мыслительным операциям, которыми являются: анализ, синтез и сравнение, произведено объединение двух разнонаправленных концепций — рискоустойчивости (пассивная защита) и рискоемкости (активная защита, принятие риска) — в единый адаптивный механизм управления. С помощью моделирования разработана авторская структурированная модель, состоящая из трех модулей: базового модуля риск-менеджмента, модуля рискоустойчивости и модуля рискоемкости; и посредством эмпирического анализа проведена апробация модели на основе анализа данных внешней торговли Российской Федерации за 2024–2025 гг., что позволило оценить внешнюю среду и выявить системные риски.

Научная новизна заключается в синтезе двух разнонаправленных концепций в единый адаптивный механизм управления региональной экономикой, настроенный на специфику ОПК и продукции двойного назначения. В работе представлена авторская структура модели, включающая базовый модуль риск-менеджмента, модуль рискоустойчивости и модуль рискоемкости с разработанными критериями для оценивания. Модель апробирована на основе анализа данных внешней торговли Российской Федерации за 2024–2025 гг., что позволило выявить системные риски и дать оценку внешней среды с позиций рискоустойчивости и рискоемкости. **Результаты.** Разработана комплексная модель управления рискоустойчивостью и рискоемкостью для предприятий ОПК,

производящих ПДН, структура которой включает три взаимосвязанных модуля с разработанными критериями для оценивания. Модель прошла апробацию на реальных данных, в результате чего были выявлены системные риски и дана оценка внешней среды. Получены практические результаты, демонстрирующие применимость модели для анализа внешнеэкономических рисков в условиях санкционного давления и нестабильности. **Выводы.** Управление рисками на предприятиях ОПК, выпускающих ПДН, требует новых подходов, выходящих за рамки классического риск-менеджмента. Предложенная модель является эффективным инструментом для стратегического управления импортозамещением, так как одновременно повышает способность предприятия противостоять угрозам и способность осознанно принимать риски для достижения конкурентных преимуществ. Модель имеет практическую ценность и может быть адаптирована и внедрена на предприятиях ОПК для повышения эффективности их деятельности в условиях геополитической и геоэкономической нестабильности. **Теоретическая значимость** исследования состоит в развитии методологических основ риск-менеджмента для высокорисковых и стратегически важных отраслей. **Практическая значимость** заключается в том, что представленная модель может быть адаптирована и внедрена на предприятиях ОПК для повышения эффективности стратегического управления импортозамещением ПДН в условиях санкционного давления и геоэкономической нестабильности.

Ключевые слова: риск-менеджмент, рискоустойчивость, рискоемкость, оборонно-промышленный комплекс, продукция двойного назначения, модель управления, внешнеэкономические риски, импортозамещение

Для цитирования: Карпенко К. А., Зубова Л. В. Модель управления рискоустойчивостью и рискоемкостью на предприятиях оборонно-промышленного комплекса при производстве продукции двойного назначения // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 3. С. 42–54. EDN: DNBCHO

A Model for Managing Risk Tolerance and Risk Capacity at Defense Industry Enterprises in the Production of Dual-Use Products

Kirill A. Karpenko, Lyudmila V. Zubova*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, Saint Petersburg, Russia

* e-mail: zl11@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-2345-2504

ABSTRACT

The article discusses the current problem of risk management at enterprises of the military-industrial complex (MIC) that produce dual-use products (DUP) based on assessing the level of risk tolerance and risk intensity. The specific nature of these enterprises, which operate at the intersection of government regulation and market competition, requires new approaches to risk management that go beyond classical paradigms. Objective. The purpose of the study is to develop a comprehensive model that integrates risk resilience management (the ability to withstand negative impacts) and risk capacity (the ability to consciously accept risks in order to achieve strategic advantages) in the import substitution of dual-use products. **Aim and tasks.** The tasks that need to be solved in order to achieve the goal are to develop a comprehensive management model that integrates the concepts of risk tolerance and risk capacity; to adapt the proposed model to the specific requirements of defense industry enterprises that produce DUP; to develop criteria for assessing the levels of risk tolerance and risk capacity of production processes; to test the proposed model based on the analysis of current data (foreign trade of the Russian Federation for 2024–2025) and identify systemic risks

based on the results of the analysis, as well as to assess the external environment from the perspective of the developed model. **Methods.** (The approaches and methods used to conduct the research). Theoretical Synthesis. Combining two distinct concepts — risk resilience (defensive capacity) and risk capacity (proactive/strategic capacity) — into a single, unified management framework. Model Development Designing a structured model with defined components for managing both resilience and capacity. Contextual Adaptation: Tailoring the model to the unique environment of MIC enterprises, which operate at the intersection of strict government regulation and market competition. Empirical Validation: The text implies the model will be tested (e.g., through analysis of trade data, case studies, or expert assessment) to identify systemic risks and evaluate the external environment. **Results.** The specific outcomes and findings of the study. A novel, comprehensive model for integrated risk management that simultaneously addresses risk resilience and risk capacity. A set of defined criteria for assessing an enterprise's level of risk resilience and risk capacity. Findings from the model's application that identify systemic risks and provide an assessment of the external business environment from a dual perspective (resilience and capacity). A tailored framework ready for implementation in MIC enterprises engaged in import substitution. **Conclusions.** The broader implications and significance of the study's findings. Classical risk management paradigms are insufficient for MIC enterprises producing DUP due to their unique operating environment. An integrated approach that balances defensive (resilience) and offensive (capacity) risk strategies is essential for achieving strategic advantages, particularly in import substitution. The developed model provides a practical tool for enhancing strategic decision-making and overall enterprise effectiveness in conditions of sanction pressure and geo-economic instability. The scientific novelty lies in the synthesis of two opposing risk concepts — risk resilience and risk capacity — into a single, adaptive management model specifically designed for the high-stakes, hybrid (state-market) environment of the military-industrial complex. This moves beyond traditional risk management that often treats these concepts separately. Risk Resilience Management: Focused on enhancing the enterprise's ability to withstand, absorb, and recover from negative impacts and shocks (e.g., sanctions, supply chain disruptions). Focused on building the enterprise's ability to consciously accept and manage calculated risks to seize opportunities and achieve strategic advantages (e.g., developing new technologies, entering new markets for import substitution). The model is designed to be flexible and adaptive to the specificities of the MIC and the challenges of producing dual-use products. Strategic Orientation: It is not just about mitigating threats but is fundamentally linked to achieving strategic goals, making it a tool for competitive advantage in a volatile environment.

Keywords: risk management, risk tolerance, risk capacity, military-industrial complex, dual-use products, management model, foreign economic risks, import substitution

For citation: Karpenko K. A., Zubova L. V. A Model for Managing Risk Tolerance and Risk Capacity at Defense Industry Enterprises in the Production of Dual-Use Products // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 42–54 (In Rus.). EDN: DNBCHO

Введение

На современном этапе с учетом условий проведения специальной военной операции все более актуальным становится оптимизация расходования денежных средств на разработку продукции двойного назначения (ПДН) и оценивание уровня рискоустойчивости предприятий [8, с. 1]. Деятельность предприятий оборонно-промышленного комплекса (ОПК), ориентированных на выпуск ПДН, протекает в условиях уникальной и многогранной риск-среды [1, с. 12]. С одной стороны, предприятия ОПК подвержены всем классическим рискам производственных и высокотехнологичных процессов, с другой — несут на себе отпечаток жестких требований государственной безопасности, секретности и зависимости от

Госзаказа. Двойственная природа ПДН усугубляет эту ситуацию, добавляя риски, связанные с экспортным контролем, международными санкциями и необходимостью конкурировать на глобальном рынке¹.

Традиционные системы риск-менеджмента, направленные преимущественно на минимизацию или избегание рисков, оказываются неполными. Они не позволяют в полной мере использовать возможности для прорывного развития, которые зачастую сопряжены с высоким уровнем неопределенности. В связи с этим возникает объективная необходимость в новых управленческих подходах, сочетающих в себе не только защитные, но и наступательные функции. Таким синтезом является интеграция концепций рискоустойчивости (как способности системы поглощать негативные воздействия) и рискоемкости (как меры готовности идти на обоснованный риск для достижения заданных результатов) [2, с. 112].

Целью данного исследования является разработка и апробация интегрированной модели управления, позволяющей предприятиям ОПК системно повышать свою рискоустойчивость и одновременно стратегически управлять своей рискоемкостью.

Проблематика управления рисками на промышленных предприятиях широко освещена в трудах как зарубежных (М. Porter, Р. Bernstein, D. Huffman), так и отечественных ученых (И. А. Бланк, В. Н. Вяткин, М. А. Федотова, Д. Е. Давыдянц). Однако вопросы специфики риск-менеджмента именно в ОПК исследованы в меньшей степени (А. О. Зубов, М. Н. Козин, Ю. А. Никитин) [3, с. 14].

Большинство существующих моделей фокусируются на одном из аспектов: либо на вопросах финансовой устойчивости [8, с. 25] и банкротства [9, с. 78], либо на технических и производственных рисках. Подходы к рискоемкости часто рассматриваются в контексте финансовых институтов и инвестиционных стратегий, но практически не переносятся на практику промышленных предприятий, особенно работающих в условиях санкций.

Таким образом, научная новизна данного исследования заключается в:

- разработке целостной модели, синтезирующей управление рискоустойчивостью и рискоемкостью для предприятий реального сектора;
- адаптации данной модели к специфическим условиям предприятий ОПК, производящих ПДН;
- предложении методики апробации модели на основе анализа макроэкономических данных внешней торговли Российской Федерации.

Материалы и методы

Теоретической основой исследования послужили системный подход, методы сравнительного и структурно-функционального анализа. Для разработки модели применялись методы моделирования и синтеза концепций теории организационного поведения и менеджмента² [2; 4; 7; 9]. Апробация модели проводилась с использованием методов экономико-статистического анализа данных внешней торговли РФ за январь–июнь 2024–2025 гг., предоставленных Федеральной таможенной службой РФ. Анализ данных позволил перейти от теоретического моделирования к оценке реальной риск-среды, в которой функционируют предприятия, производящие ПДН.

Модель управления рискоустойчивостью и рискоемкостью на предприятиях оборонно-промышленного комплекса при производстве продукции двойного назначения

Предлагаемая модель представляет собой трехкомпонентную систему, функционирующую по принципу цикла «планируй, делай, проверяй, действуй» (PDCA) [6, с. 28]. Структура модели состоит из трех блоков: базовый модуль «риск-менеджмент», модуль рискоустойчивости и модуль рискоемкости.

¹ Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года». С. 45 [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 01.09.2025).

² Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 01.09.2025).

Базовый модуль «риск-менеджмент» является фундаментом системы, у него три основные задачи — идентификация, оценка и категоризация рисков. Для предприятий ОПК ключевыми являются: технологические риски (срыв НИОКР, кибератаки), производственные (срыв поставок, дефицит кадров), внешнеполитические (санкции, изменения в экспортном контроле) и финансовые риски (валютная волатильность, сокращение госфинансирования и др.) [5, с. 2].

Модуль рискоустойчивости нацелен на создание системы «амортизаторов», способных погашать динамические колебания неопределенности рисковой среды и «поглощения» различной природы рискованных ситуаций и их комбинаций, инструментарий которого включает в себя формирование резервов и страховых запасов критических комплектующих, диверсификацию цепочек поставок, создание финансовых резервов, разработку планов обеспечения непрерывности деятельности, внедрение роботизированных систем кибербезопасности. Модуль рискоемкости отвечает за стратегическое развитие импортозамещения ПДН, который позволяет определять «аппетит» к риску и инструменты для его обоснованного принятия: установление лимитов рискоемкости по видам деятельности [8, с. 2], сценарное планирование результатов рискованных решений (например, выхода на новый международный рынок), оценку соотношения потенциальной выгоды и возможных потерь. Такая схема определения рискоемкости наиболее точно позволяет отследить изменения внешней и внутренней среды систем макро- и микроуровней и правильно реагировать на них [Там же]. Взаимодействие модулей происходит непрерывно: базовый модуль выявляет рискованные ситуации и комбинации [13, с. 99], после чего модули рискоустойчивости и рискоемкости вырабатывают разнонаправленные рекомендации [10, с. 9]. Произведем апробацию модели на основе данных внешней торговли России, анализ которых и позволил апробировать модель на макроуровне, оценив внешнюю среду регионов и государства в целом, в которой функционируют предприятия ОПК (табл. 1).

Таблица 1

Основные показатели внешней торговли РФ (январь — июнь 2024–2025 гг.), млрд долл. США
Table 1. Main indicators of Russia's foreign trade (January — June 2024–2025), billion US dollars

Показатель	Экспорт			Импорт		
	Январь-июль 2024	Январь-июль 2025	Темп роста, %	Январь-июль 2024	Январь-июль 2025	Темп роста, %
Всего	244,1	232,6	95,3	154,2	155,4	100,8
в том числе:	—	—	—	—	—	—
01-24-Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (кроме текстильного)	23,9	20,5	85,8	21,1	24,3	115,1
25-27-Минеральные продукты	153,6	130,5	85,0	2,6	2,3	86,6
28-40-Продукция химической промышленности, каучук	15,6	19,1	122,5	29,7	31,6	106,2
41-43-Кожевенное сырье, пушнина и изделия из них	0,1	0,1	107,4	0,6	0,6	109,1
44-49-Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	5,8	6,1	106,6	1,7	1,8	103,5
50-67-Текстиль, текстильные изделия и обувь	1,2	1,7	147,3	10,3	10,7	103,1
71-83-Металлы и изделия из них	32,8	39,5	120,4	10,1	10,2	101,1
68-70, 84-97-Машины, оборудование и транспортные средства и другие товары	11,2	15,0	133,9	78,1	74,1	94,8

Источник: составлено авторами по данным ФТС России: Официальный сайт Федеральной таможенной службы РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://customs.gov.ru> (дата обращения: 01.09.2025).

Базовый модуль «риск-менеджмента». Проведенный анализ данных внешней торговли России позволяет не просто констатировать факты, но и выявить глубинные, системные риски для предприятий ОПК:

- санкционные риски: не просто снижение экспорта, а изменение его географии и логистики;
- риски срывов поставок: импортозамещение как источник новых вызовов;
- валютные риски: сужение фундаментальной основы стабильности.

Предлагается рассматривать процесс управления НИОКР не с момента начала его реализации, а с момента его технико-экономического обоснования, что может способствовать снижению вероятности возникновения различных рисков [7, с. 7]. Задача высшего руководства — найти баланс между данными рекомендациями и принять сбалансированное управленческое решение.

1. *Санкционные риски: не просто снижение экспорта, а изменение его географии и логистики.* Снижение общего экспорта на 6,3% (с 244,1 до 232,6 млрд долл.) на фоне роста импорта на 0,8% (со 154,2 до 155,4 млрд долл.) является лишь верхушкой айсберга. Ключевой проблемой является не абсолютное значение снижения, которое могло бы быть и более значительным, а качественное изменение структуры товаропотоков. Экспорт смещается к более высоким политическим и экономическим рискам (страны Азии, Африки, Латинской Америки), что ведет к росту транзакционных издержек, удлинению логистических плеч, появлению необходимости освоения новых платежных механизмов (включая расчеты в национальных валютах). Для предприятий ОПК, производящих ПДН, такие события выливаются в прямые финансовые потери и повышенные операционные риски при исполнении экспортных контрактов на продукцию двойного назначения.

2. *Риски срывов поставок: импортозамещение как источник новых вызовов.* Сокращение импорта машин и оборудования с 78,1 до 74,1 млрд долл. при росте их экспорта с 11,2 до 15,0 млрд долл. говорит о том, что данная динамика может выступать как «палка о двух концах». С одной стороны, это безусловное свидетельство успехов программы импортозамещения. С другой стороны — это именно в этой категории скрываются критические технологические зависимости. Снижение импорта на 4,0 млрд долл. ($78,1 - 74,1 = 4,0$ млрд долл.) означает, что российские предприятия, в том числе ОПК, были вынуждены в сжатые сроки найти средства для этого объема высокотехнологичной продукции. Вопрос в том, насколько отечественные или «дружественные» аналоги соответствуют по качеству, надежности и цене. Для ОПК, где требования к точности, надежности и стандартизации крайне высоки, использование даже на 95% к 100% совместимости компонента может привести к потере конкурентного преимущества или срыву сроков Госзаказа. Из рискованной ситуации зарождается новая рискованная комбинация «скрытого снижения» качества и технологического отставания в критических отраслях.

3. *Валютные риски: сужение фундаментальной основы стабильности.* Резкое падение экспорта минеральных продуктов со 153,6 до 130,5 млрд долл. говорит о том, что мы наблюдаем классический макроэкономический риск, который напрямую бьет по финансовой устойчивости всех компаний в условиях неопределенности, включая предприятия ОПК и производство продукции двойного назначения. Минеральные продукты формируют основу торгового профицита, а значит, и стабильности национальной валюты. Для предприятий ОПК, производящих продукцию двойного назначения и зависящих от импорта комплектующих, это означает: рост себестоимости, так как закупаемые за валюту компоненты дорожают в рублевом выражении и сложности с планированием и ценообразованием на экспорт из-за валютной волатильности. В результате происходит эрозия финансовой «подушки безопасности» как на государственном уровне (снижение доходов бюджета), так и на уровне самих предприятий.

Оценка рискоустойчивости и рискоемкости предприятий ОПК

Оценка рискоустойчивости: умеренная с негативным трендом. Оценка «умеренная» дается исключительно благодаря наличию сохраняющегося профицита и видимому прогрессу в импортозамещении. Однако тренд снижающийся. Ключевой уязвимостью остается сырьевая модель. Уверенно о рискоустойчивости можно будет говорить только тогда, когда доля несырьевого неэнергетического экспорта (машины, оборудование, химия) будет сопоставима с сырьевым и продемонстрирует устойчивый рост не менее 3–5 лет. Пока же мы видим бурный, но стартующий с низкой базы рост, который не в состоянии компенсировать «выпадающие доходы» от нефти и газа.

Оценка рискоемкости: высокая и стратегически обоснованная. Рост экспорта «машин и оборудования» с 11,2 млрд долл. до 15,0 млрд долл. (на 3,8 млрд долл.) и «химической продукции» с 15,6 млрд долл. до 19,1 млрд долл. (на 3,5 млрд долл.) — это, конечно же, не случайность, а результат

сознательной и крайне рискованной государственной и корпоративной политики, результат кропотливого труда граждан нашего государства на различных уровнях. В условиях санкций такой рост возможен только через выход на новые, непроверенные рынки, предложение исключительно конкурентных условий и принятие на себя повышенных коммерческих и политических рисков. Именно в этих процессах и проявилась высшая форма рискоемкости регионов. Данная стратегия оправдана, так как у России просто нет иного пути для технологического развития и поддержания оборонно-промышленного потенциала. ОПК здесь является одновременно и драйвером этого процесса (через продукцию двойного назначения), и бенефициаром формирующихся новых цепочек кооперации.

В этой связи обеспечение успешного выполнения Государственного оборонного заказа (ГОЗ) и выпуска продукции двойного назначения в условиях неопределенности и внешнего давления за счет мониторинга рискоустойчивости предприятий ОПК должно позволять принимать управленческие решения, направленные на повышение уровня эффективности импортозамещения.

Механизм работы модели (ядро управления):

- ежеквартальный (или ежемесячный) расчет коэффициента рискоустойчивости для предприятия в целом и для отдельных критически важных проектов (госконтрактов);
- определение текущего уровня рискоустойчивости предприятий;
- анализ причин, приведших к текущему уровню: анализ «узких мест» в производственной цепочке, оценка поставщиков, аудит управленческих решений;
- действия, то есть применение пакета управленческих решений, соответствующих текущему уровню согласно цели — перевести предприятие на более высокий уровень;
- непрерывный мониторинг динамики ключевых показателей и тренда для оценки эффективности принятых мер и своевременного предупреждения регресса.

Преимущество предлагаемой авторами модели: модель переводит абстрактные понятия «рискоустойчивость» и «рискоемкость» в конкретные измеримые показатели и регламентированные действия, понятные руководству, финансовым службам и органам государственного контроля, что создает «единый язык» для управления рисками на предприятии [11, с. 16]. Критерии рискоустойчивости с детальной классификацией предприятий ОПК и управленческие воздействия для них представлены в табл. 2.

Анализ рискоустойчивости предприятий ОПК и план корректирующих мер

Авторами было проведено моделирование уровня рискоустойчивости для пяти предприятий оборонно-промышленного комплекса на основе соотношения собственных средств к совокупной стоимости рисков ($R = CK / CP$) (табл. 3). Затем для каждого предприятия определены управленческие меры по стабилизации и повышению устойчивости (табл. 4).

Таблица 2

Критерии рискоустойчивости с детальной классификацией предприятий ОПК и управленческие воздействия для них

Table 2. Risk tolerance criteria and management impacts for defense industry enterprises

№	Уровень рискоустойчивости	Критерии	Категория предприятия ОПК	Управленческие действия и стратегия
1	Исключительная	$> 1,1$	Предприятия-«лидеры»	Развитие и экспансия: инвестирование в НИОКР и опережающее развитие; диверсификация портфеля заказов; создание стратегических резервов и «подушки безопасности»; внедрение пилотных проектов по цифровизации и бережливому производству
2	Высокая	$0,9-1,1$	Эффективные предприятия	Стабильное развитие и оптимизация: поддержание текущих показателей; фокус на оптимизацию внутренних процессов и снижение операционных рисков; планомерное обновление основных фондов и стандартизация риск-менеджмента на всех этапах жизненного цикла ПДН

Окончание табл. 2

№	Уровень рискоустойчивости	Критерии	Категория предприятия ОПК	Управленческие действия и стратегия
3	Умеренная	0,7–0,9	Менее эффективные предприятия	Повышение осторожности и контроль: тревога: негативный тренд при профиците сигнализирует о будущих проблемах; введение режима строгой экономии и пересмотр непрофильных расходов; усиление контроля за исполнением контрактов и закупочной деятельностью; разработка и тестирование планов действий в случае ухудшения ситуации
4	Низкая	0,5–0,7	Неэффективные предприятия	Стабилизация и восстановление: кризисный режим управления; внедрение процедуры санкционирования всех крупных платежей; реструктуризация обязательств и переговоры с кредиторами/заказчиком; запуск программ по жесткой оптимизации издержек и продаже непрофильных активов; запрос государственной поддержки в рамках программ импортозамещения и санации ОПК
5	Критическая	< 0,5	Деградирующие предприятия	Выживание и чрезвычайные меры; реализация антикризисных планов; выбор приоритета для выполнения ключевых контрактов ГОЗ; возможна остановка непервоочередных проектов; создание оперативного штаба по кризисному управлению; активная работа с государственными органами для предотвращения банкротства

Источник: разработано авторами

Таблица 3

Моделирование уровня рискоустойчивости для пяти предприятий оборонно-промышленного комплекса

Table 3. Modeling the level of risk tolerance for five enterprises in the military-industrial complex

№	Предприятие	Собственные средства (СК), млн руб.	Стоимость риска (СР), млн руб.	Коэффициент (R)	Уровень рискоустойчивости
1	Завод «Восток»	500	450	1,11	Исключительная
2	КБ «Заря»	300	320	0,94	Высокая
3	НПО «Прогресс»	200	350	0,57	Низкая
4	Завод «Союз»	800	600	1,33	Исключительная
5	ОКБ «Алмаз»	400	300	1,33	Исключительная

Источник: разработано авторами

Результаты моделирования уровней рискоустойчивости для пяти предприятий оборонно-промышленного комплекса представлены на рис. 1.

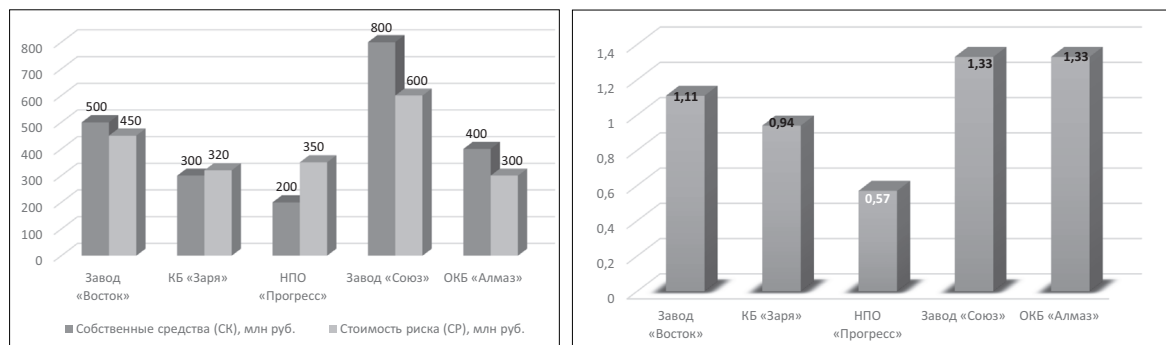

Рис. 1. Результаты моделирования уровней рискоустойчивости для пяти предприятий оборонно-промышленного комплекса

Fig. 1. Results of risk tolerance modeling for five enterprises of the military-industrial complex

Источник: разработано авторами

**План управленческих мер, оценка их эффективности
и прогнозирование рискоустойчивости предприятий ОПК**

Table 4. Management measures plan, assessment of their effectiveness, and forecasting of the enterprise's risk tolerance

Предприятие	Текущий уровень рискоустойчивости	Меры управления	Ожидаемое изменение R	Оценка эффективности мер
Завод «Восток»	Исключительная	1. Внедрение системы динамического хеджирования валютных рисков. 2. Создание резервного фонда под перспективные НИОКР. 3. Диверсификация поставщиков критических компонентов	$R \rightarrow 1,2+$	Высокая. Снижение валютной зависимости и повышение рискоустойчивости
КБ «Заря»	Высокая	1. Рефинансирование кредиторской задолженности. 2. Внедрение сквозного риск-мониторинга по этапам жизненного цикла продукции. 3. Заключение долгосрочных контрактов с фиксированной ценой на материалы	$R \rightarrow 1,05$	Средняя. Требуется время на переговоры с контрагентами и банками
НПО «Прогресс»	Низкая	Экстренные меры: 1. Запрос целевой государственной субсидии на пополнение оборотных средств. 2. Продажа непрофильных активов. 3. Пересмотр программ НИОКР с фокусом на быстрокупаемые проекты	$R \rightarrow 0,7$	Низкая в краткосрочном периоде, но критически необходима для выживания. Требуется внешней поддержки
Завод «Союз»	Исключительная	1. Создание венчурного фонда для инвестиций в стартапы в области новых материалов. 2. Разработка программы лояльности для ключевых инженеров. 3. Внедрение AI-системы прогнозирования сбоев в цепочках поставок	$R \rightarrow 1,4$	Высокая. Упреждающее управление усиливает лидирующие позиции
ОКБ «Алмаз»	Исключительная	1. Перевод части производств с учетом снижения логистических рисков. 2. Патентование технологий в ЕАЭС и Азии. 3. Создание кризисного сценария управления при обострении санкций	$R \rightarrow 1,4$	Средняя. Дает долгосрочные преимущества, но требует высоких первоначальных затрат

Источник: разработано авторами

Выводы

Таким образом, для предприятий с исключительной устойчивостью ($R > 1,1$) меры носят опережающий характер и направлены на диверсификацию рисков и создание «буферов» на случай эскалации санкционного давления [12, с. 24]. Их эффективность оценивается как высокая. В отличие от превентивных стратегий, применяемых к «лидерам», предприятиям с высокой устойчивостью ($R = 0,94$) требуются меры, направленные на фиксацию позитивной динамики и снижение зависимости от внешней конъюнктуры. Их эффективность оценивается как средняя, поскольку они требуют более глубоких структурных изменений, чем точечная оптимизация.

Если для первых двух категорий меры носят скорее развивающий и стабилизирующий характер, то для предприятия с низкой устойчивостью ($R = 0,57$) применяется исключительно «кризисный пакет» мер, требующий прямого государственного вмешательства. Эффективность этих мер в краткосрочной перспективе объективно низкая из-за накопленных системных проблем, однако их отсутствие неминуемо ведет к переходу в категорию критической неустойчивости.

Таким образом, выявленная зависимость между уровнем устойчивости и сложностью принимаемых мер приводит к общей рекомендации: внедрение любого из предложенных пакетов должно сопровождаться ежеквартальным мониторингом коэффициента R для оперативной корректировки стратегии.

Наиболее результативными и менее затратными являются именно упреждающие действия, пока предприятие сохраняет позиции в «зеленой зоне», что позволяет избежать необходимости реализации сложных и зачастую малопродуктивных антикризисных программ в будущем.

Результаты и обсуждение

Разработанная интегрированная модель управления рискоустойчивостью и рискоемкостью представляет собой не просто набор процедур, а комплексный стратегический инструмент, органично встроенный в систему корпоративного управления, внедрение которой позволяет предприятиям ОПК эффективно балансировать стратегию развития между жесткими требованиями Государственного оборонного заказа и динамикой рыночной конъюнктуры; трансформировать системные угрозы (например, такие, как ужесточение санкционного режима) в стратегические возможности (ускоренное импортозамещение, развитие критических технологий); обеспечивать не только текущую операционную устойчивость, но и стратегическое конкурентное преимущество за счет сознательного и просчитанного принятия обоснованных рисков.

Важнейшим практическим результатом исследования стала разработка детальной классификации предприятий ОПК по уровню их эффективности и рискоустойчивости (R), которая позволяет точно адаптировать управленческие воздействия к конкретному состоянию компании.

Проведенное исследование и апробация модели на макроэкономических данных и примере предприятий ОПК подтвердили ее высокую диагностическую и практическую ценность. Модель позволяет не только констатировать текущее состояние, но и выявлять глубинные, системные риски, определяя категорию для модельного предприятия ОПК и формируя основу для превентивных, а не реактивных управленческих решений. Введение категории «неэффективные» предприятия позволяет более тонко дифференцировать подход к оздоровлению предприятий, находящихся в кризисном состоянии и избежать их стремительного перехода в категорию «деградирующих».

Обсуждение результатов позволяет сделать вывод, что ключевым преимуществом модели является ее адаптивность и способность служить «единым языком» для диалога между руководством предприятий, Федеральными министерствами и финансовыми институтами. Модель трансформирует абстрактные концепции устойчивости и риск-аппетита в конкретные, измеримые коэффициенты и регламентированные действия, понятные всем участникам процесса управления.

Таким образом, внедрение подобной модели является критически важным элементом не только для повышения уровней рискоустойчивости и эффективности отдельного предприятия, но и для развития региональной экономики, обеспечения национальной безопасности, достижения технологического суверенитета и долгосрочной конкурентоспособности всего оборонно-промышленного комплекса Российской Федерации. Модель создает основу для формирования нового уровня качества управления, адекватного вызовам современной геоэкономической реальности, позволяя применять точечные, адресные меры поддержки в зависимости от реального состояния предприятия, оптимизируя тем самым расходование государственных ресурсов.

Заключение

Цель проведенного исследования была достигнута путем разработки и апробации интегрированной модели управления рискоустойчивостью и рискоемкостью для предприятий ОПК. Научная новизна работы подтверждена решением конкретных задач: синтезом целостной модели для реального сектора, ее адаптацией к специфике ОПК и предложением методики апробации на основе макроэкономических данных государства. Теоретическая значимость исследования заключается в преодолении фрагментарности существующих подходов к риск-менеджменту. В отличие от моделей, фокусирующихся исключительно на финансовой устойчивости или технических рисках, предложенная трехмодульная система (базовый риск-менеджмент, рискоустойчивость, рискоемкость) обеспечивает комплексное

и стратегическое управление динамической неопределенностью, что особенно актуально в условиях санкционного давления.

Практическая ценность работы доказана апробацией модели на данных внешней торговли РФ за 2024–2025 гг. Анализ выявил ключевые риски для ОПК: санкционные (смена логистических потоков), риски срывов поставок (реальные проблемы импортозамещения) и валютные («эрозия» финансовой устойчивости из-за сужения торгового профицита). Оценка показала, что текущая рискоустойчивость экономики в целом является умеренной с негативным трендом, в то время как стратегическая рискоемость — высокой и обоснованной.

Разработанный механизм работы модели, включая систему критериев рискоустойчивости и соответствующих управленческих воздействий, переводит абстрактные концепции в конкретные измеримые показатели и регламентированные действия. Моделирование на примере пяти предприятий ОПК наглядно продемонстрировало ее прикладной характер, позволив дифференцировать управленческие меры в зависимости от расчетного коэффициента устойчивости (R) — от опережающего развития для «лидеров» до экстренной стабилизации проблемных предприятий.

Таким образом, основным выводом исследования является доказательство эффективности предложенной модели как инструмента системного повышения рискоустойчивости и стратегического управления риск-аппетитом предприятий ОПК. Внедрение данной модели позволит руководству и государственным органам принимать более обоснованные и своевременные решения, создавая «единый язык» риск-менеджмента и формируя мощную экономику, способную не только противостоять вызовам, но и использовать их для стратегического развития.

Список литературы

1. Андриенко О. В., Беломытцева О. С., Бойко И. В. [и др.]. Экономика в чрезвычайные периоды: вызовы и ответы. Бедствия, катастрофы, войны. СПб. : РАНХиГС, 2025. 338 с. ISBN: 978-5-89781-871-6. EDN: ZITAKT.
2. Асташенко А. Н., Зубова Л. В., Никитин Ю. А. [и др.]. Особенности принятия управленческих решений для социально- экономического развития страны // Вестник национальной академии управления рискоустойчивостью науки и бизнеса. 2025. № 2. С. 5–9. EDN: VRYOJL.
3. Бычков А. В., Зубова Л. В., Зубов А. О. [и др.]. Рискоустойчивость государственной системы управления минеральными ресурсами в условиях развития национальной экономики // Вестник национальной академии управления рискоустойчивостью науки и бизнеса. 2025. № 2. С. 34–42. EDN: XZRKAA.
4. Бычков А. В., Сидоренко В. В. Прогнозирование стоимости реализации строительного проекта — это сложная задача // Вестник национальной академии управления рискоустойчивостью науки и бизнеса. 2024. № 1. С. 31–43. EDN: ZIRBFT.
5. Зубова Л. В., Асташенко А. Н. Инновационный метод принятия управленческих решений на основе управления рискоустойчивостью организаций различных отраслей экономики // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19, № 5. С. 139–145. EDN: CWFTYM.
6. Зубова Л. В., Зубов А. О., Залюбовский А. Ф. [и др.]. Технология оценивания рискоустойчивости государственной системы управления минеральными ресурсами в условиях развития национальной экономики // Горная промышленность. 2024. № S5. С. 204–208. EDN: JQPXKI. DOI: 10.30686/1609-9192-2024-S5-204-208.
7. Зубова Л. В., Зубов А. О., Чернышев В. В., Карпенко К. А. Методика определения рискоемкости этапов жизненного цикла Гособоронзаказа // Вестник Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России. 2023. № 3. С. 106–117. DOI: 10.61260/2218-130X-2023-3-106-117. EDN: NNOONC.
8. Зубова Л. В., Коровин Э. В. Концепция оценивания хозяйственных рисков научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ на основе проектно-процессного подхода // Стратегии и инструменты управления экономикой: отраслевой и региональный аспект : Материалы IX Междунар. науч.-практ. конференции, Санкт-Петербург, 15.05.2020 / под ред. В. Л. Василёнка. Санкт-Петербург :

Национальный исследовательский университет ИТМО, Научно-производственное объединение пожарной безопасности автоматизированные системы, 2021. С. 191–195. EDN: NTPJHW.

9. Ильин С. Н., Зубова Л. В. Оценка и анализ хозяйственных рисков строительных организаций. Санкт-Петербург : НПО ПБ АС, 2024. 92 с. EDN: ЕКАНMG.
10. Куклина Е. А. Экономика и стратегия развития государственных корпораций. СПб. : Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС, 2023. 86 с. ISBN: 978-5-89781-762-7. EDN: SINEAG.
11. Куклина Е. А., Дементьев К. И. ESdiGital-трансформация российских нефтегазовых компаний: риски и оценки // Управленческое консультирование. 2023. № 7 (175). С. 53–71. EDN: OEGUEN. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-7-53-71.
12. Мисько О. Н., Зубов А. О., Зубова Л. В. Проблемы эффективного и целевого использования бюджетных средств, выделяемых на нужды специальной военной операции // Экономика в чрезвычайные периоды: вызовы и ответы. Бедствия, катастрофы, войны. СПб. : РАНХиГС, 2025. С. 288–306. EDN: PYDPPN.
13. Murashko, A., Kuklina, E. A. Substantiation of Proposals for Improving the Dividend Policy of Russian Companies Based on a Comparative Analysis of Foreign Experience // The Internet-Mobile Econom : Collection of scientific articles by academic staff, postgraduates, masters and students. Moscow : Ippolitov Publishing House, 2024. P. 27–30. EDN: XTRPQR.

Об авторах:

Карпенко Кирилл Андреевич, соискатель ученой степени кандидата экономических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: kirill_karpenko_2@mail.ru

Зубова Людмила Витальевна, доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики, Российской академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: zl11@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2345-2504

References

1. Andriyenko, O. V., Belomytseva, O. S., Boyko, I. V. [et al.]. Economy in Emergencies: Challenges and Responses. Disasters, Catastrophes, Wars. St. Petersburg : RANEPА, 2025. 338 p. ISBN: 978-5-89781-871-6 (In Rus.). EDN: ZITAKT.
2. Astashenko, A. N., Zubova, L. V., Nikitin, Yu. A. [et al.]. Features of Making Management Decisions for the Socio-Economic Development of the Country // Bulletin of the National Academy of Risk Tolerance Management of Science and Business. 2025. No. 2. P. 5–9 (In Rus.). EDN: VRYOJL.
3. Bychkov, A. V., Zubova, L. V., Zubov, A. O. [et al.]. Risk Tolerance of the State System of Mineral Resources Management in the Context of National Economic Development // Bulletin of the National Academy of Risk Tolerance Management, Science and Business. 2025. No. 2. P. 34–42 (In Rus.). EDN: XZRKAA.
4. Bychkov, A. V., Sidorenko, V. V. Forecasting the Cost of Implementing a Construction Project Is a Complex Task // Bulletin of the National Academy of Risk Tolerance Management of Science and Business. 2024. No. 1. P. 31–43 (In Rus.). EDN: ZIRBFT.
5. Zubova, L. V., Astashenko, A. N. An Innovative Method of Managerial Decision-Making Based on Risk Tolerance Management of Organizations in Various Sectors of the Economy // Economic Problems and Legal Practice. 2023. Vol. 19, No. 5. P. 139–145 (In Rus.). EDN: CWFTYM.
6. Zubova, L. V., Zubov, A. O., Zalyubovskiy, A. F. [et al.] Technology for Assessing the Risk Resilience of the State System of Mineral Resources Management in the Context of the National Economy Development // Russian Mining Industry. 2024. No. 5S. P. 204–208 (In Rus.). EDN: JQPXKI. DOI: 10.30686/1609-9192-2024-5S-204-208.

7. Zubova, L. V., Zubov, A. O., Chernyshev, V. V., Karpenko, K. A. Methodology for Determining the Risk Intensity of Stages of the Life Cycle of State defense Orders // Vestnik Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia. 2023. No. 3. P. 106–117 (In Rus.). EDN: NNOONC. DOI: 10.61260/2218-130X-2023-3-106-117.
8. Zubova, L. V., Korovin, E. V. The Concept of Assessing the Economic Risks of Research and Development Work Based on the Project-Process Approach // Strategies and tools for economic management: industry and regional aspect: Proceedings of the IX International scientific and practical conference, St. Petersburg, May 15, 2020 / ed. by V. L. Vasilenok. St. Petersburg : National Research University ITMO, Research and Production Association of Fire Safety Automated Systems, 2021. P. 191–195 (In Rus.). EDN: NTPJHW.
9. Ilyin, S. N., Zubova, L. V. Assessment and Analysis of Business Risks of Construction Organizations. Saint Petersburg : Scientific and production association of fire safety automated systems, 2024. 92 p. (In Rus.). EDN: EKAHMG.
10. Kuklina, E. A. Economy and Development Strategy of State Corporations. St. Petersburg : North-West Institute of Management — branch of RANEPa, 2023. 86 p. ISBN: 978-5-89781-762-7 (In Rus.). EDN: SINEAG.
11. Kuklina, E. A., Dementiev, K. I. ESdiGital-transformation of Russian Oil and Gas Companies: Risks and Estimates // Administrative Consulting. 2023. No. 7. P. 53–71 (In Rus.). EDN: OEGUEN. DOI: 10.22394/1726-1139-2023-7-53-71.
12. Misko, O. N., Zubov, A. O., Zubova, L. V. Problems of Efficient and Targeted Use of Budget Funds Allocated for the Needs of a Special Military Operation // Economy in Emergency Periods: Challenges and Responses. Disasters, Catastrophes, Wars. St. Petersburg : RANEPa, 2025. P. 288–306 (In Rus.). EDN: PYDPPN.
13. Murashko, A., Kuklina, E. A. Substantiation of Proposals for Improving the Dividend Policy of Russian Companies Based on a Comparative Analysis of Foreign Experience // The Internet-Mobile Econom : Collection of scientific articles by academic staff, postgraduates, masters and students. Moscow : Ippolitov Publishing House, 2024. P. 27–30. EDN: XTRPQR.

About the authors:

Kirill A. Karpenko, PhD candidate, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: kirill_karpenko_2@mail.ru

Lyudmila V. Zubova, Doctor of Sciences (Economics), Associate Professor, Professor of the Department of Economics, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: zl11@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-2345-2504

© Карпенко К. А., Зубова Л. В., 2025

Влияние конгрессно-выставочной деятельности на современное экономическое развитие России

Миэда А. К.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

e-mail: st133846@student.spbu.ru

ORCID: 0009-0001-3223-7577

РЕФЕРАТ

Цели и задачи. Цель настоящего исследования состоит в оценке влияния конгрессно-выставочной деятельности на экономическое развитие регионов России в 2019–2024 гг., с акцентом на пространственные диспропорции и выявление факторов, стимулирующих несырьевой рост экономики. Для достижения цели необходимо проанализировать динамику и структуру количественных показателей развития конгрессно-выставочной деятельности в Российской Федерации в 2019–2024 гг., включая выручку, число мероприятий, занятость и долю конгрессно-выставочной отрасли в региональной экономике. В рамках исследования проведен сравнительный анализ уровня развития конгрессно-выставочной деятельности в Центральном федеральном округе и восточных регионах России — Уральском, Сибирском и Дальневосточном. Также дана оценка прямого и совокупного (мультипликативного) экономического эффекта, включая влияние на смежные отрасли и вклад в валовой региональный продукт. В исследовании также проанализированы институциональные и инфраструктурные ограничения, мешающие развитию отрасли в регионах, и предложены меры по их преодолению. **Методология.** В работе применены методы статистического и сравнительного анализа, сопоставляющие количественные показатели конгрессно-выставочной отрасли в Центральном федеральном округе и восточных регионах страны (Урал, Сибирь, Дальний Восток). Использованы официальные данные о выручке, количестве мероприятий, занятости, доле конгрессно-выставочной отрасли в валовом региональном продукте, а также оценены институциональные и инфраструктурные ограничения. Методологически проведен анализ трендов на основе отраслевой статистики и экспертных данных, отражающих восстановление конгрессно-выставочной отрасли после пандемии. **Результаты.** Результаты исследования показали, что конгрессно-выставочная отрасль продемонстрировала устойчивую положительную динамику: к 2024 г. совокупная выручка в конгрессно-выставочном секторе превысила допандемийный уровень. В то же время сохраняется высокая степень географической концентрации: около 75% выставочной индустрии приходится на Москву и прилегающие территории. Восточные регионы показывают более высокие темпы роста выручки и числа мероприятий, что свидетельствует о формировании новых центров деловой активности. Несмотря на рост показателей, совокупный вклад восточных регионов в общероссийскую структуру конгрессно-выставочной отрасли по объему выручки и числу мероприятий по-прежнему незначителен. Выявлены институциональные и инфраструктурные барьеры, препятствующие развитию отрасли в субъектах за пределами центра. **Выводы.** Сделан вывод о том, что конгрессно-выставочная деятельность обладает значительным потенциалом для диверсификации экономики, стимулирования инвестиций, развития региональной деловой активности, формирования территориальных брендов, повышения инвестиционной привлекательности и узнаваемости регионов. Для раскрытия этого потенциала необходима децентрализация конгрессно-выставочной отрасли, усиление государственной поддержки, развитие событийной инфраструктуры и создание устойчивой сети региональных конгрессных инициатив.

Ключевые слова: конгрессно-выставочная деятельность, экономическое развитие регионов, событийная индустрия, валовый региональный продукт, мультипликативный эффект

Для цитирования: Миэда А. К. Влияние конгрессно-выставочной деятельности на современное экономическое развитие России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 3. С. 55–67. EDN: DOCPML

The Impact of Congress and Exhibition Activities on the Modern Economic Development of Russia

Anton K. Mieda

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

e-mail: st133846@student.spbu.ru

ORCID: 0009-0001-3223-7577

ABSTRACT

Aim and tasks. The aim of this study is to assess the impact of congress and exhibition activities on the economic development of Russian regions in 2019–2024, with a focus on spatial disparities and the identification of factors stimulating non-resource-based economic growth. To achieve this goal, the study analyzes the dynamics and structure of quantitative indicators of the congress and exhibition sector in the Russian Federation from 2019 to 2024, including revenue, number of events, employment, and the industry's share in the regional economy. A comparative analysis is conducted between the Central Federal District and the eastern regions of Russia — the Ural, Siberian, and Far Eastern federal districts. The study also evaluates both the direct and cumulative (multiplicative) economic effects, including the impact on related industries and contributions to gross regional product (GRP). Institutional and infrastructural constraints hindering the development of the sector in the regions are examined, and measures to overcome them are proposed. **Methods.** The study applies statistical and comparative analysis methods to assess quantitative indicators of the sector in the Central Federal District and eastern regions (Ural, Siberia, Far East). Official data on revenue, number of events, employment, and the sector's share in GRP are used. The study also evaluates institutional and infrastructural barriers. Methodologically, the work is based on trend analysis using industry statistics and expert data reflecting the post-pandemic recovery of the sector.

Results. The findings indicate that the congress and exhibition industry has demonstrated steady positive dynamics: by 2024, total revenue in the sector surpassed pre-pandemic levels. At the same time, a high degree of geographic concentration persists: around 75% of the industry is concentrated in Moscow and adjacent territories. The eastern regions show higher growth rates in revenue and the number of events, indicating the emergence of new centers of business activity. Despite this growth, the overall contribution of eastern regions to the national structure of the industry in terms of revenue and event count remains minor. Institutional and infrastructural barriers limiting sectoral development outside the central regions have been identified. **Conclusion.** The study concludes that congress and exhibition activities have significant potential for economic diversification, investment stimulation, the development of regional business activity, territorial branding, and increasing the investment attractiveness and visibility of regions. Unlocking this potential requires decentralization of the sector, increased state support, development of event infrastructure, and the creation of a sustainable network of regional congress initiatives.

Keywords: congress and exhibition industry, economic development of regions, event industry, gross regional product, multiplier effect

For citation: Mieda A. K. The Impact of Congress and Exhibition Activities on the Modern Economic Development of Russia // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 55–67 (In Rus.). EDN: DOCPML

Введение

Конгрессно-выставочная деятельность (далее — КВД) выступает значимым фактором стимулирования несырьевого сектора, объединяя интересы бизнеса, науки и органов власти, а также создавая мультипликативный экономический эффект. На пике экономической активности в 2019 г. российская событийная индустрия достигла рекордных показателей, но в 2020–2021 гг. конгрессно-выставочная отрасль пережила сильный спад вследствие кризиса, вызванного COVID-19. К 2024 г. выставочная индустрия не только восстановилась, но и превысила допандемийный уровень по ряду ключевых показателей: объем выручки достиг 376,7 млрд руб. против 212,8 млрд в 2019 г., а количество действующих компаний увеличилось с 2593 до 3618 (по данным R&C)¹.

При этом развитие выставочной деятельности в России носит географически неравномерный характер: большая часть мероприятий и выручки сконцентрирована в Центральном федеральном округе (ЦФО, преимущественно Москва), тогда как Уральский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа существенно отстают по показателям. В данной работе проведен сравнительный анализ влияния конгрессно-выставочной деятельности на экономическое развитие регионов России в 2019–2024 гг. с упором на сравнение ЦФО и совокупности Уральского, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов. Основными индикаторами анализа являются выручка компаний конгрессно-выставочной отрасли, количество мероприятий, занятость, налоговые отчисления, доля КВД в валовом региональном продукте (ВРП) и дополнительные экономические эффекты. Анализ базируется на данных отраслевых отчетов Российского союза выставок и ярмарок (РСВЯ), Выставочного научно-исследовательского центра R&C и научных публикаций.

Материалы и методы

Для анализа привлечены количественные показатели событийной индустрии за 2019–2024 гг. с разбивкой по регионам. В частности, использованы оценки объема рынка (совокупной выручки компаний отрасли), данные по занятости (среднесписочная численность работников организаций ОКВЭД 82.30), а также рассчитана доля КВД в отдельных регионах. Данные собраны из отраслевых обзоров ВНИЦ R&C, публикаций Российского союза выставок и ярмарок, а также из материалов научных статей российских исследователей. Центральный федеральный округ в рамках исследования ассоциируется преимущественно с Москвой и Московской областью, на которые приходится львиная доля показателей округа. Уральский, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа рассматриваются совокупно как «восточные» регионы России, удаленные от центральных экономических агломераций. Такой групповой подход позволяет сравнить развитый столичный центр с удаленными регионами, где конгрессно-выставочная деятельность только формируется. Методически проведено сравнение динамики показателей Центрального федерального округа и восточных округов за период 2019–2024 гг., расчет их долей в общероссийских итогах, а также относительных изменений, темпов падения и роста. Для визуализации применены таблица для отражения ключевых цифр и графики для иллюстрации трендов. В обсуждении результатов делается упор на выявление трендов и региональных дисбалансов: восстановление конгрессно-выставочной отрасли после кризиса, усиление/ослабление концентрации в Москве, рост активности в регионах, а также влияние отрасли на диверсификацию экономики.

Обзор литературы

Вопросы влияния конгрессно-выставочной деятельности на социально-экономическое развитие регионов активно исследуются в отечественной научной литературе. Выставки рассматриваются как катализатор деловой активности, способ продвижения территорий и инструмент стимулирования несырьевого роста.

¹ Событийная индустрия России. Итоги 2024 года [Электронный ресурс] // ВНИЦ R&C. URL: https://static.rnc-consult.ru/netcat_files/userfiles/Sobytnaya_industria_itogi_2024.pdf (дата обращения: 10.07.2025).

Специалист дирекции конгресс-менеджмента фонда Росконгресс С. А. Маненков акцентирует внимание на институциональных аспектах конгрессно-выставочной отрасли, рассматривая выставочную деятельность как элемент инновационной экономики. Он подчеркивает необходимость ее интеграции в государственную экономическую политику и отмечает, что отсутствие устойчивой нормативно-организационной базы ограничивает потенциал отрасли [6].

Специалисты в области стратегирования туризма и выставочно-ярмарочной деятельности А. В. Садовнича и И. З. Чхотуа анализируют особенности конгрессно-выставочной деятельности на примере Дальнего Востока, выделяя ее мультипликативный эффект и влияние на занятость, развитие малого бизнеса и инвестиционную привлекательность региона [7].

Доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью СПбПУ Д. А. Карпов в своих исследованиях трактует выставки как форму делового туризма и межрегионального сотрудничества, а также подчеркивает значимость устранения инфраструктурных и кадровых ограничений. Он отмечает важность цифровизации и государственной поддержки для повышения эффективности конгрессно-выставочной отрасли и ее конкурентоспособности на международном уровне [3; 4].

Таким образом, проанализированные исследования российских ученых подтверждают комплексный характер влияния конгрессно-выставочной деятельности как с точки зрения институциональных условий и региональных различий, так и в контексте инфраструктуры и кадрового потенциала. Это позволяет сформулировать исследовательский вопрос: в какой степени развитие конгрессно-выставочной деятельности в российских регионах влияет на их экономический рост и способствует преодолению пространственной асимметрии?

Поставленный исследовательский вопрос предполагает решение следующих задач: анализ региональных показателей отрасли, сравнение развития в различных федеральных округах, оценка мультипликативного эффекта и выявление институциональных барьеров.

Результаты и обсуждение

Экономический вклад КВД в экономику России оценивается на основе прямых и совокупных эффектов. Согласно данным Российского союза выставок и ярмарок, общий экономический оборот, формируемый мероприятиями КВД, может достигать 3,2 трлн руб., или порядка 3% ВВП страны¹. В отдельных исследованиях совокупный вклад событийной индустрии, включая деловой туризм и MICE-сегмент (направление, связанное с организацией и проведением различных корпоративных мероприятий), оценивается на уровне 2% ВВП². При этом прямой вклад, отражающий доходы организаторов и выставочных операторов, составляет около 0,19% ВВП³. Разница между оценками объясняется различиями методологий: совокупный эффект учитывает не только прямую выручку, но и косвенные результаты — в том числе сделки и соглашения, заключенные в ходе мероприятий и в поствыставочный период. По оценкам экспертов, объем таких контрактов может превышать 3% ВВП (более 3,2 трлн руб. в 2022 г.) [1]. Таким образом, КВД следует рассматривать как инфраструктурный и институциональный механизм, способствующий росту несырьевых секторов через генерацию инвестиционной и деловой активности.

Международные исследования также подтверждают значительное экономическое и стратегическое значение КВД. Согласно данным аналитических обзоров UFI Global Barometer и Международной ассоциации конгрессов и конференций (ICCA), участие в выставках и деловых мероприятиях рассматривается как эффективный инструмент продвижения продукции, стимулирования экспорта и ускоре-

¹ Буторина Е., Буторина Т., Миронова А. [и др.]. Борьба за имидж и успешность: какие регионы наиболее активны на конгрессно-выставочном рынке России [Электронный ресурс] // ФедералПресс. 25.10.2024. URL: <https://fedpress.ru/article/3344931> (дата обращения: 26.05.2025).

² World Market Studies. Экономика России и конгрессно-выставочная деятельность. Итоги года [Электронный ресурс] // Институт изучения мировых рынков (ИИМР). 31.12.2023. URL: <https://worldmarketstudies.ru/article/ekonomika-rossii-i-kongressno-vystavocnaa-deatelnost-itogi-goda/> (дата обращения: 26.05.2025).

³ Воронков Сергей: «Конгрессы и выставки — новый двигатель экономики и институт социализации» [Электронный ресурс] // Бизнес России. 2024. URL: <https://businessofrussia.com/items/sergej-voronkov-kongressyi-i-vystavki-%E2%80%93-novyyj-dvigatel-ekonomiki-i-institut-socIALIZACII> (дата обращения: 26.05.2025).

ния внедрения инноваций. Такие мероприятия способствуют формированию внешнеэкономических связей и росту деловой активности в несырьевых секторах. Практика государственной поддержки экспорта через участие российских компаний в международных выставках, организуемая при содействии Российского экспортного центра, продемонстрировала высокую эффективность: зафиксирован рост несырьевого экспорта и расширение географии присутствия российских производителей на внешних рынках [3].

Пандемия COVID-19 стала беспрецедентным шоком для глобальной индустрии встреч, приведя к резкому сокращению деловой активности. Согласно оценке Всемирной ассоциации выставочной индустрии (UFI), в 2020 г. конгрессно-выставочная отрасль потеряла в среднем от 60 до 68% выручки по сравнению с докризисным 2019 г.¹ В постпандемийный период внимание исследователей сосредоточено на темпах и особенностях восстановления отрасли. Наблюдается постепенное возвращение к очным форматам мероприятий, сопровождающееся устойчивым ростом их количества и масштабов. При этом структура отрасли претерпевает изменения: широкое распространение получили гибридные и цифровые форматы, усилились требования к безопасности, качеству сервиса и уровню цифровизации². По состоянию на середину 2023 г. глобальная выставочная индустрия восстановила около 94% от докризисных объемов выручки (за исключением Китая), что позволяет говорить о завершении фазы посткризисного восстановления и переходе к новому этапу развития.

В таблице приведены ключевые показатели, характеризующие состояние конгрессно-выставочной отрасли с 2019 по 2024 г.

Таблица

Основные показатели событийной индустрии в России в 2019–2024 гг.

Table. Main Performance Indicators of the Event Industry in Russia, 2019–2024

Показатель	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Объем выставочной индустрии, млрд руб. (выручка компаний)	212,8	132,2	187,8	204,8	268,7	376,7
Кол-во компаний, ед.	2593	2760	2964	3272	3560	3618
Число посетителей-специалистов, чел.	3 447 235	–	2 929 969	2 888 462	2 756 938	–
Объем среднесписочной численности, чел.	23 060	20 782	20 259	20 466	19 960	21 479

Источник: составлено автором на основании данных Выставочного научно-исследовательского центра R&C: Событийная индустрия России. Итоги 2024 года [Электронный ресурс]. URL: https://static.mnc-consult.ru/netcat_files/userfiles/Sobytnaya_industria_itogi_2024.pdf.

Пандемия COVID-19 в 2020 г. вызвала резкое сокращение деловой активности в сфере выставок в России: подавляющее большинство очных мероприятий было отменено или перенесено, что привело к падению объемов выставочной индустрии более чем в два раза — в полной корреляции с общемировыми тенденциями [2]. Постепенное восстановление началось в 2021 г.: в условиях сохраняющихся санитарных ограничений в первой половине года мероприятия проводились ограниченно, однако во второй половине выставочная индустрия начала демонстрировать признаки оживления. Согласно данным Выставочного научно-исследовательского центра R&C, к 2022 г. российская событийная индустрия практически достигла докризисного уровня: совокупная выручка составила 204,8 млрд руб., что всего на 3,7% ниже показателя 2019 г. Для сравнения, в тот же период глобальная конгрессно-выставочная отрасль в среднем отставала от допандемийных уровней на 20%, что свидетельствует о более высоких темпах адаптации российской выставочной индустрии. Согласно данным аналитического отчета Moscow Convention Bureau, рост внутреннего спроса стал одним из

¹ UFI releases figures stating the impact of COVID-19 on the global exhibition economy in 2020 [Электронный ресурс] // UFI. February 2021. URL: https://www.ufi.org/wp-content/uploads/2021/02/MR_UFI-releases-figures-stating-the-impact-of-COVID-19_4february2021.pdf (дата обращения: 26.05.2025).

² UFI Global Barometer 2023: the industry puts the pandemic behind and embraces the future [Электронный ресурс] // Trade Show News Network (TSNN). 02.02.2023. URL: <https://tsnn.com/news/ufi-global-barometer-2023-looks-bright-industry-puts-pandemic-behind-and-embraces-future> (дата обращения: 26.05.2025).

ключевых факторов восстановления отрасли, частично компенсировав снижение международной деловой активности¹.

В соответствии со «Стратегией развития конгрессно-выставочной отрасли Российской Федерации на период до 2030 года»², под конгрессно-выставочной отраслью понимается совокупность мероприятий и инфраструктуры, обеспечивающих организацию делового взаимодействия, трансфер знаний и продвижение продукции через выставочные и конгрессные форматы. Наиболее полные и официально подтвержденные статистические данные касаются 2023 г.

В 2023 г. в России было организовано более 1,5 тыс. выставок, а общий экономический эффект конгрессно-выставочной отрасли оценивался на уровне порядка 10% ВВП от заключенных контрактов³. Суммарный объем контрактов и соглашений, заключенных в рамках этих мероприятий, превысил 17 трлн руб., что эквивалентно приблизительно 10% ВВП. Эта величина отражает совокупный экономический эффект отрасли, включающий инвестиционные соглашения, внешнеэкономические контракты, сделки купли-продажи и межкорпоративные договоренности, формирующие деловую активность и стимулирующие несырьевой рост. При этом прямая выручка профильных компаний отрасли составила 268,7 млрд руб., подтвердив восстановительную динамику и расширение внутренней выставочной индустрии.

Конгрессно-выставочная деятельность в России представляет собой сложную институциональную систему, включающую широкий круг участников: организаторов мероприятий, выставочные комплексы, конгресс-бюро, сервисные агентства и технических подрядчиков. По данным за 2024 г. в сегменте MICE функционировало 3618 компаний, обеспечивавших занятость около 21 тыс. штатных сотрудников⁴. Число занятых сотрудников отражает лишь прямую занятость; при учете косвенного вовлечения — персонала стендовых служб, временных сотрудников, а также работников гостиниц, транспорта и кейтеринга — реальное количество задействованных в выставочной индустрии существенно выше. Объем выручки выставочных центров в 2024 г. составил 111 млрд руб., что на 32% превышает показатели 2021 г. и превышает уровень 2019 г., свидетельствуя о восстановлении сектора. Динамика выручки предприятий КВД представлена на рис. 1 и иллюстрирует траекторию выхода конгрессно-выставочной отрасли из кризиса.

Региональный сегмент конгрессно-выставочной деятельности демонстрирует признаки восстановления. Так, в 2024 г. совокупная выручка выставочных комплексов в десяти ведущих субъектах РФ (за исключением Москвы и Московской области) увеличилась на 28% по сравнению с предыдущим годом, что свидетельствует о постепенном росте деловой активности вне центра. Однако структура выставочной индустрии по-прежнему характеризуется высокой степенью концентрации: на Москву и Московскую область приходилось около 78% совокупной выручки отрасли (295,9 млрд руб. из 376,7 млрд руб.). Такая структура распределения выручки указывает на существенные диспропорции и одновременно на значительный потенциал роста регионального сектора. Ключевым ограничением остается инфраструктурная база: развитие отрасли напрямую зависит от наличия современных выставочных центров, конгресс-холлов и гостиниц, адаптированных под проведение деловых мероприятий. По состоянию на 2024 г. общая площадь закрытых выставочных пространств в России превышала 1 млн м², при этом их значительная часть продолжает быть сосредоточена в двух крупнейших агломерациях.

По количеству закрытых выставочных площадок (от 5 тыс. м² и выше) Россия входит в первую десятку стран, аккумулируя около 2,2% мирового объема выставочных пространств [5].

¹ Российский рынок событийной индустрии: регионы проявляют активность [Электронный ресурс] // CongressTime: журнал Выставочного научно-исследовательского центра (ВНИЦ) R&C. 2024. № 3 (28). С. 100–105. URL: <https://www.calameo.com/read/0062647811138d47a6a2e> (дата обращения: 26.05.2025).

² Стратегия развития конгрессно-выставочной отрасли Российской Федерации на период до 2030 г. [Электронный ресурс]. М. : Российский союз выставок и ярмарок, 2023. 62 с. URL: https://ruef.ru/assets/files/documents/1Стратегия развития отрасли_14.01.2023.pdf?ysclid=md4jyczar796848006 (дата обращения: 26.05.2025).

³ Воронков С. Выставки и форумы стали эффективным инструментом пересборки экономики [Электронный ресурс] // РБК Санкт-Петербург. 03.10.2024. URL: <https://spb.plus.rbc.ru/news/66fd2fb07a8aa926d450d031> (дата обращения: 26.05.2025).

⁴ Событийная индустрия России. Итоги 2024 года [Электронный ресурс] // ВНИЦ R&C. URL: https://static.rnc-consult.ru/netcat_files/userfiles/Sobytnaya_industria_itogi_2024.pdf.

Рис. 1. Динамика выручки компаний по видам деятельности в 2019–2024 гг., млрд руб.

Fig. 1. Revenue dynamics of companies by type of activity in 2019–2024, billion rubles

Источник: составлено автором на основании данных Выставочного научно-исследовательского центра R&C: Российский рынок событийной индустрии: регионы проявляют активность [Электронный ресурс]. URL: <https://www.calameo.com/read/0062647811138d47a6a2e>.

На территории РФ насчитывается около 40 специализированных объектов, предназначенных для проведения выставок, конгрессов и других деловых мероприятий. Из них 27 обладают экспозиционной площадью свыше 5 тыс. м², что позволяет проводить события федерального и международного уровней. Географически крупнейшие центры сосредоточены в восьми городах — Москве, Санкт-Петербурге, Екатеринбурге, Казани, Уфе, Новосибирске, Минеральных Водах и Краснодаре, на долю которых приходится порядка 80% всей закрытой выставочной инфраструктуры страны. При этом потенциальная событийная база охватывает до 165 городов России, где имеются условия для проведения мероприятий различного масштаба. Эти данные подчеркивают как высокий потенциал конгрессно-выставочной отрасли, так и сохраняющийся перекос в территориальной доступности инфраструктуры.

Концентрация выставочной инфраструктуры в столичных агломерациях формирует выраженный территориальный дисбаланс и ограничивает возможности проведения крупных мероприятий в ряде федеральных округов. В частности, на весь Дальневосточный федеральный округ приходится лишь один выставочный комплекс с экспозиционной площадью, превышающей 5 тыс. м², что указывает на острую нехватку современной инфраструктуры в макрорегионе. Вместе с тем в последние годы наблюдается тенденция к децентрализации: реализуются инвестиционные проекты, направленные на строительство и модернизацию объектов в регионах. Новые конгрессные площадки введены во Владивостоке, осуществляется обновление инфраструктуры в Сибирском и Южном федеральных округах. Отдельный пример — город Сочи, где благодаря использованию олимпийского наследия (медиацентр, переоборудованный в конгресс-холл) сформирована устойчивая событийная инфраструктура, позволяющая ежегодно проводить инвестиционные форумы и отраслевые мероприятия федерального уровня.

Конгрессно-выставочные мероприятия выполняют важную функцию инвестиционной платформы, способствуя заключению соглашений между бизнесом, органами власти и институтами развития. Крупнейшие события — Санкт-Петербургский международный экономический форум (ПМЭФ), Восточный экономический форум, выставка «Иннопром» и др. — ежегодно сопровождаются подписанием контрактов и меморандумов на сотни миллиардов рублей, значительная часть которых направлена на реализацию региональных проектов. По итогам 2023 г. около 25% от общего объема зафиксированных соглашений

(из 17 трлн руб.) пришлось на ПМЭФ, что отражает инвестиционные ожидания и стратегические приоритеты развития. Таким образом, КВД выступает не только средством демонстрации продукции и технологий, но и важным инструментом формирования институциональной среды для продвижения инвестиционных инициатив в субъектах Российской Федерации¹.

Центральный федеральный округ, в особенности Москва и Московская область, традиционно доминирует в структуре российской выставочной индустрии. Еще в 2019 г. на столичный регион приходилось от 66 до 79% совокупного объема конгрессно-выставочной отрасли: выручка составляла 134,5 млрд руб. при общероссийском показателе 212 млрд руб., что указывало на крайне низкую долю остальных регионов². В 2022 г. доля Москвы и МО достигла 79%, при совокупной выручке 156,5 млрд руб., что объясняется более быстрым восстановлением столичного сегмента после пандемии на фоне слабой активности в субъектах³. Несмотря на незначительное снижение уровня концентрации в 2024 г., Москва и Московская область продолжили формировать около 76% совокупной выручки отрасли⁴. Санкт-Петербург (СЗФО) обеспечил дополнительно около 10% (26 млрд руб.), тогда как все остальные регионы страны — менее 14%.

Степень географической диспропорции подтверждается данными научно-исследовательского центра R&C⁵: на десять ведущих регионов (за исключением Москвы) в 2024 г. приходилось чуть более 18,7% совокупной выручки в сфере конгрессно-выставочной деятельности, тогда как на все остальные субъекты — около 2,68%. Это свидетельствует о сохраняющейся сверхконцентрации инфраструктуры и спроса в центральной части России.

В то же время восточные регионы продемонстрировали более высокие темпы восстановления и роста. Так, в Свердловской области объем выручки увеличился с 2 млрд руб. в 2019 г. до 4,4 млрд руб. в 2023 г. при одновременном росте числа крупных мероприятий вдвое. Новосибирская область (СФО) достигла уровня 2,7 млрд руб. против 1–1,5 млрд руб. в 2019 г. Приморский край стал лидером на Дальнем Востоке, обеспечивая около 41% отраслевой выручки макрорегиона и опережая Хабаровский край. Эти результаты подтверждают формирование точек роста за пределами центра, несмотря на сохраняющийся масштабный разрыв.

Совокупно в 2022 г. столичные показатели выставочной индустрии все еще отставали от своего допандемийного пика на 8%, тогда как суммарный объем выставочной индустрии десяти ведущих регионов (без Москвы) уже превысил уровень 2019 г. на 2%. Это означает, что регионы вне центра восстанавливались быстрее, несмотря на их меньшую экономическую базу. По состоянию на 2023 г. большинство субъектов РФ вышли на допандемийный уровень выручки раньше Москвы, что свидетельствует о более высоких относительных темпах посткризисного роста. При этом в абсолютных значениях сохраняется структурный дисбаланс: около 80% всех отраслевых доходов формируют Москва и МО, в то время как на Урал, Сибирь и Дальний Восток приходится лишь незначительная часть. Доля федеральных округов по объему выручки представлена на рис. 2.

Сохранение высокой концентрации выставок в Центральном федеральном округе объясняется рядом экономических факторов. В первую очередь это высокая деловая активность, наличие корпоративных штаб-квартир крупнейших компаний, а также концентрация платежеспособного спроса в Москве и Санкт-Петербурге. Дополнительно доминирующее положение этих городов обеспечивается развитой инфраструктурой: здесь сосредоточено наибольшее число современных выставочных и конгрессных комплексов, способных обслуживать мероприятия международного уровня.

¹ Буторина Е., Буторина Т., Миронова А. [и др.] Борьба за имидж и успешность: какие регионы наиболее активны на конгрессно-выставочном рынке России [Электронный ресурс] // ФедералПресс. 25.10.2024. URL: <https://fedpress.ru/article/3344931>.

² Событийная индустрия России. Итоги 2024 года [Электронный ресурс] // ВНИЦ R&C. URL: https://static.rnc-consult.ru/netcat_files/userfiles/Sobytnaya_industria_itogi_2024.pdf.

³ Экономика России и конгрессно-выставочная деятельность: итоги года [Электронный ресурс]. Russia Convention Bureau, 2023. 15 с. URL: <https://russiabc.com/upload/iblock/728/0iru3bbxmz1bv9rnb6ena70aqvhgve.pdf> (дата обращения: 26.05.2025).

⁴ Российский рынок событийной индустрии: регионы проявляют активность [Электронный ресурс] // CongressTime: журнал Выставочного научно-исследовательского центра (ВНИЦ) R&C. 2024. № 3 (28). С. 100–105. URL: <https://www.calameo.com/read/0062647811138d47a6a2e>.

⁵ Воронков Сергей: «Конгрессы и выставки — новый двигатель экономики и институт социализации» [Электронный ресурс] // Бизнес России. 2024. URL: <https://businessofrussia.com/items/sergej-voronkov-kongressyi-i-vyistavki-%E2%80%93-novyy-dvigatel-ekonomiki-i-institut-soczializacii>.

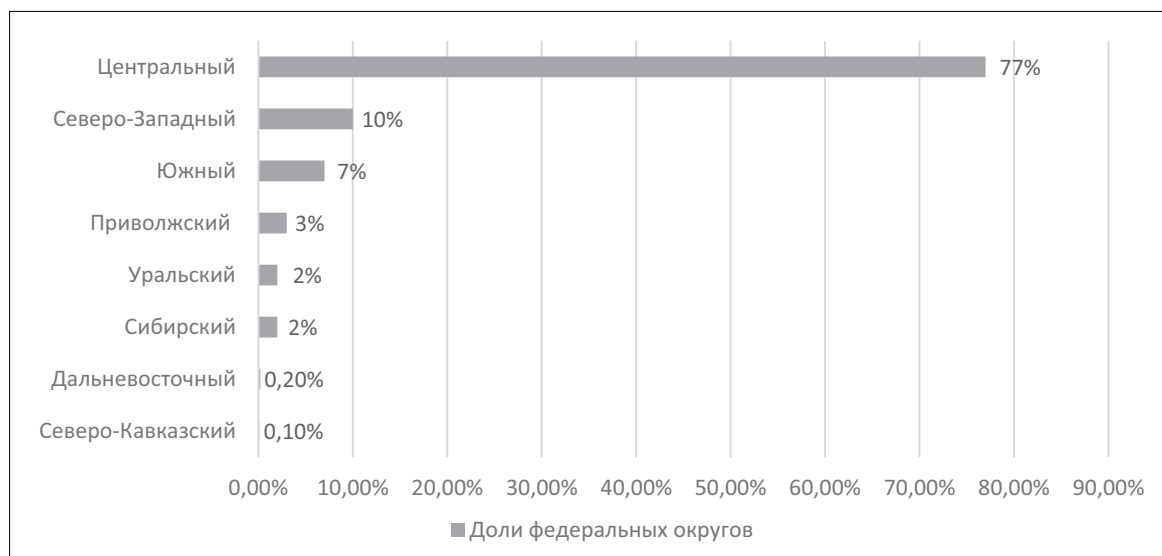

Рис. 2. Доли федеральных округов выставочной индустрии России по объему выручки в 2023 г.

Fig. 2. Shares of federal districts in Russia's event industry by revenue volume in 2023

Источник: составлено автором по материалам Выставочного научно-исследовательского центра R&C: Событийная индустрия России. Итоги 2024 года [Электронный ресурс]. URL: https://static.mnc-consult.ru/netcat_files/userfiles/Sobytnaya_industria_itogi_2024.pdf.

Восточные регионы, несмотря на отдельные прорывные проекты, продолжают испытывать инфраструктурные ограничения. Хотя в 2010-х гг. в Екатеринбурге, Новосибирске и Владивостоке были введены новые экспоцентры, их совокупные мощности существенно уступают ресурсам центральных агломераций. Тем не менее в последние годы фиксируются позитивные сдвиги: восточные регионы активизируют участие в событийной деятельности, делая ставку на внутренний рынок и трансграничное сотрудничество.

После 2022 г. структура российской выставочной индустрии претерпела существенные изменения, связанные с геополитическими ограничениями и перераспределением спроса. Если ранее значительная доля мероприятий приходилась на международные события с участием иностранных организаторов и экспонентов, то в новых условиях конгрессно-выставочная отрасль приобрела ярко выраженный локальный характер. Согласно данным, в 2022 г. было отменено 22% всех запланированных деловых мероприятий, а около 28% международных событий оказались под угрозой срыва [8]. Это привело к освобождению рыночной ниши, которую начали заполнять внутрироссийские события, форумы по импортозамещению и мероприятия, ориентированные на страны БРИКС, ШОС и СНГ.

На фоне этих трансформаций заметно усилилась роль региональных мероприятий. В ряде субъектов с развитой инфраструктурой — Екатеринбурге, Казани, Владивостоке — наблюдалась стабильность или даже рост числа крупных событий. Так, в Свердловской области количество масштабных мероприятий в 2020–2022 гг. удвоилось, несмотря на общероссийское снижение. Эти данные подтверждают, что регионы, обладающие институциональной зрелостью и инфраструктурными ресурсами, сумели адаптироваться к внешним вызовам за счет переориентации на внутренний рынок и формирование устойчивой событийной активности.

В 2019 г. в секторе было занято порядка 21,4 тыс. чел. (по среднесписочной численности), при этом значительная часть трудовых ресурсов была сосредоточена в московской агломерации. Пандемия COVID-19 привела к значительным кадровым потерям: многие компании сократили штаты или прекратили деятельность. Однако к 2024 г. спрос на квалифицированный персонал начал восстанавливаться, в результате чего конгрессно-выставочная отрасль столкнулась с выраженным дефицитом специалистов. Экспертные оценки указывают на формирование в отрасли «кадрового голода», особенно

в сегменте управления мероприятиями, технической поддержки и операционного сопровождения¹. Компании активизировали внутреннее обучение, привлекают волонтеров и молодые кадры для компенсации нехватки ресурсов, что свидетельствует о восстановлении занятости и выходе на допандемийные уровни в ряде субъектов.

Тем не менее сохраняется значительный территориальный дисбаланс: основная часть занятых по-прежнему сосредоточена в Москве и Санкт-Петербурге. Восточные регионы вносят ограниченный вклад в структуру занятости. Так, крупнейшие региональные площадки — «Екатеринбург-Экспо», «Новосибирск Экспоцентр» и кампус ДВФУ во Владивостоке — обеспечивают лишь сотни рабочих мест, тогда как крупнейшие комплексы столичного региона, включая «Экспоцентр», «Крокус Экспо» и «Экспофорум», вовлекают в постоянную и временную занятость тысячи специалистов.

Прямой экономический вклад конгрессно-выставочной деятельности в структуру валового регионального продукта остается неравномерным по регионам России, при этом наиболее высокий уровень отраслевых доходов наблюдается в крупнейших экономических центрах. Так, по данным ВНИЦ Р&С за 2023 г., выручка выставочной индустрии в Санкт-Петербурге и Ленинградской области составила 26 млрд руб. (около 10% от общероссийского объема)². Существенно более низкие значения зафиксированы в Свердловской области (около 4,4 млрд руб.), Новосибирской области (2,7 млрд руб.) и Приморском крае (1 млрд руб.). Это отражает сохраняющийся высокий уровень территориальной концентрации отраслевой инфраструктуры и спроса. Центральный и Северо-Западный федеральные округа генерируют совокупно более 85% выручки событийного сектора.

Тем не менее с учетом мультипликативного эффекта влияние КВД существенно возрастает. По оценкам экспертов, в совокупности с деловым туризмом конгрессно-выставочная отрасль формирует до 2% ВВП России³, а потенциал мультипликативного воздействия, по данным РСВЯ, может достигать 3% ВВП, или около 3,2 трлн руб.⁴ Таким образом, разрыв между прямым вкладом (около 0,5% ВВП) и совокупным эффектом (2–3% ВВП) отражает высокую степень опосредованного влияния КВД на экономику. Это особенно актуально для регионов, где даже относительно скромные показатели отраслевой выручки способны генерировать значимый эффект за счет вовлечения смежных сфер — гостиничного бизнеса, транспорта, общепита и сферы услуг.

Конгрессно-выставочная деятельность характеризуется выраженным мультипликативным эффектом, оказывая опосредованное воздействие на развитие смежных отраслей. Каждое крупное мероприятие способствует активизации таких секторов, как гостиничный бизнес, пассажирские перевозки, общественное питание, рекламно-полиграфические услуги и туризм. За счет роста потребления в городе проведения мероприятий формируется дополнительный приток доходов в региональные бюджеты и усиливается деловая активность на локальном уровне. Согласно данным ВНИЦ Р&С, в структуре посетителей выставок и конференций в среднем 94% составляют граждане Российской Федерации, и лишь 6% — иностранные участники, что подтверждает ориентированность отрасли преимущественно на внутреннюю аудиторию⁵. Это усиливает значимость выставок как инструмента территориального развития, в особенности в условиях ограниченного международного взаимодействия.

Таким образом, КВД становится не только источником прямого экономического эффекта, но и важным элементом формирования имиджевых преимуществ территории, инструментом регионального брендинга и развития механизмов «мягкой силы». Ее вклад в укрепление деловых связей и рост инве-

¹ Тренды конгрессно-выставочной индустрии в интервью с Александром Стуглевым [Электронный ресурс] // Российский союз выставок и ярмарок. 04.12.2024. URL: <https://ruef.ru/novosti-i-media/novosti/trendy-kongressno-vystavochnoy-industrii-v-intervyu-s-aleksandrom-stuglevym.html> (дата обращения: 26.05.2025).

² Российский рынок событийной индустрии: регионы проявляют активность [Электронный ресурс] // CongressTime: журнал Выставочного научно-исследовательского центра (ВНИЦ) Р&С. 2024. № 3 (28). С. 100–105. URL: <https://www.calameo.com/read/0062647811138d47a6a2e>.

³ Экономика России и конгрессно-выставочная деятельность: Итоги года [Электронный ресурс]. Russia Convention Bureau, 2023. 15 с. URL: <https://russiabc.com/upload/iblock/728/0iru3bbexmz1bv9rnb6ena70aqvhgve.pdf> (дата обращения: 26.05.2025).

⁴ Стратегия развития конгрессно-выставочной отрасли Российской Федерации на период до 2030 г. [Электронный ресурс]. М. : Российский союз выставок и ярмарок, 2023. 62 с. URL: https://ruef.ru/assets/files/documents/!Стратегия развития отрасли_14.01.2023.pdf?ysclid=md4jyczar796848006.

⁵ Стратегия развития конгрессно-выставочной отрасли Российской Федерации на период до 2030 г.

стиционной привлекательности регионов делает выставки стратегическим ресурсом в контексте пространственного и структурного развития российской экономики.

Несмотря на позитивную динамику в отдельных субъектах, структура КВД в России продолжает характеризоваться выраженным территориальным дисбалансом. Гиперконцентрация конгрессно-выставочной отрасли в Москве и прилегающих территориях указывает на сохраняющееся неравномерное распределение ресурсов и возможностей. Потенциал восточных регионов в значительной степени остается нереализованным. Проведение крупных мероприятий вне столичного центра сдерживается как институциональными барьерами (в том числе недостаточным развитием сети региональных конгресс-бюро и слабой маркетинговой поддержкой территорий), так и инфраструктурными ограничениями, связанными с нехваткой современных выставочных площадок.

Региональный анализ подтверждает фрагментарность развития: в Сибирском федеральном округе более 50% отраслевой выручки приходится на Новосибирск, при практически полном отсутствии событийной активности в других субъектах округа. Схожая ситуация наблюдается в Уральском федеральном округе, где около 80% выручки формируется в Екатеринбурге, тогда как другие города остаются вне фокуса конгрессно-выставочной отрасли. Такая монополизация событийного потенциала на уровне отдельных региональных центров препятствует формированию устойчивой сети деловой активности.

В этой связи приоритетом государственной политики становится поддержка модели полицентричного развития конгрессно-выставочной отрасли. Речь идет о стимулировании проведения мероприятий в широком круге городов, расширении географии событийной инфраструктуры и усилении маркетинговой поддержки регионов. Эти ориентиры уже частично реализуются в рамках Стратегии развития конгрессно-выставочной отрасли Российской Федерации до 2030 г. По мнению экспертов, дальнейший рост КВД в России должен опираться на внутренний спрос, развитие региональных брендов и формирование устойчивых событийных кластеров, способных привлечь инвестиции и активизировать местные экономики.

Заключение

Был проведен анализ количественных показателей конгрессно-выставочной деятельности за 2019–2024 гг. при помощи статистического анализа динамики показателей за выбранный период. Прямая выручка отраслевых компаний в 2024 г. оценивается примерно в 376,7 млрд руб., при этом рост относительно 2019 г. составил 77%.

Также были сопоставлены Центральный федеральный округ и восточные регионы по следующим показателям: выручка, число мероприятий, плотность инфраструктуры, динамика восстановления после пандемии. Для данной оценки использовался метод сравнительного анализа. Центральный федеральный округ, в первую очередь Москва и Московская область, продолжает доминировать в выставочной индустрии, аккумулируя более 75% всей выручки и основную часть событийной инфраструктуры. В то же время восточные федеральные округа — Уральский, Сибирский и Дальневосточный — демонстрируют позитивную динамику: несмотря на меньший масштаб, в ряде регионов (Свердловская область, Новосибирская область, Приморский край) темпы роста числа мероприятий и выручки опережают федеральные показатели. Это свидетельствует о формировании новых точек роста и постепенной децентрализации конгрессно-выставочной отрасли.

Кроме того, прямой вклад КВД в экономику регионов остается сравнительно небольшим — в большинстве субъектов он составляет от 0,1 до 0,2% ВРП. Однако с учетом мультипликативного эффекта, включающего сопутствующие отрасли (туризм, транспорт, гостиничный бизнес, общественное питание), совокупный экономический результат может достигать 2–3% регионального ВРП.

Также был выполнен анализ институциональных и инфраструктурных барьеров. Он показал, что ключевыми ограничениями развития КВД в российских регионах остаются высокая концентрация площадок в столичном центре, отсутствие развитой событийной инфраструктуры в восточных субъектах, а также слабое развитие региональных конгресс-бюро и дефицит квалифицированных кадров.

Во многих территориях Урала, Сибири и Дальнего Востока проведение крупных мероприятий ограничено как физически (из-за нехватки площадей свыше 5 тыс. м²), так и организационно — из-за недостаточной маркетинговой поддержки и отсутствия специализированных институтов отраслевого продвижения. Эти барьеры требуют целенаправленной господдержки и институциональных решений на региональном уровне.

Список литературы

1. Дуненкова Е. Н., Исаева М. И. Развитие конгрессно-выставочной отрасли в Российской Федерации // Вестник университета. 2022. № 5. С. 100–107. EDN: MEDYJK. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-5-100-107.
2. Жукова М. А., Жуков В. А., Цаболова О. Р. [и др.] Конгрессно-выставочный туризм во время пандемии // Инновации и инвестиции. 2022. № 4. С. 213–217. EDN: LXHRYN.
3. Карпов Д. А. Проблемы конгрессно-выставочной деятельности как фактора развития // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2024. № 3. С. 138–144. EDN: BUGLZM. DOI: 10.24412/1994-3776-2024-3-138-144.
4. Карпов Д. А. Роль международных конгрессов и выставок в развитии бизнес-сферы // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. 2024. Т. 34, № 4. С. 621–628. EDN: EQNSMU. DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-4-621-628.
5. Карпов Д. А., Смирнова Н. А. Конгрессно-выставочные центры: места притяжения для деловых туристов и инвесторов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2024. № 1 (145). С. 103–107. EDN: LBOMDX.
6. Маненков С. А. Институционализация конгрессно-выставочной деятельности в инновационной экономике // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 1. С. 86–95. EDN: RAIVJB. DOI: 10.21603/2500-3372-2021-6-1-86-95.
7. Садовническая А. В., Чхотуа И. 3. Стратегическая оценка потенциала развития туризма и выставочно-ярмарочной деятельности на Дальнем Востоке России // Стратегирование: теория и практика. 2023. Т. 3, № 1. С. 34–51. EDN: TVPGCM. DOI: 10.21603/2782-2435-2023-3-1-34-51.
8. Федосеева О. В. Трансформация российской конгрессно-выставочной индустрии в новых условиях современной экономики // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № 1. С. 33. EDN: JULRDZ.

Об авторе:

Миэда Антон Кэндзиевич, аспирант экономического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: st133846@student.spbu.ru; ORCID: 0009-0001-3223-7577

References

1. Dunenkova, E. V., Isayeva, M. I. Development of the Congress and Exhibition Industry in the Russian Federation // Vestnik universiteta. 2022. No. 5. P. 100–107 (In Rus.). EDN: MEDYJK. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-5-100-107.
2. Zhukova, M. A., Zhukov, V. A., Tsabolova, O. R. [et al.] Convention and Exhibition Tourism during the Pandemic // Innovation & Investment. 2022. No. 4. P. 213–217 (In Rus.). EDN: LXHRYN.
3. Karpov, D. A. Problems of Congress and Exhibition Activity as a Factor of Development // Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research. 2024. No. 3. P. 138–144 (In Rus.). EDN: BUGLZM. DOI: 10.24412/1994-3776-2024-3-138-144.
4. Karpov, D. A. The Role of International Congresses and Exhibitions in the Development of Business Sphere // Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law. 2024. Vol. 34, No. 4. P. 621–628 (In Rus.). EDN: EQNSMU. DOI: 10.35634/2412-9593-2024-34-4-621-628.

5. Karpov, D. A., Smirnova, N. A. Congress and Exhibition Centers: Places of Attraction for Business Tourists and Investors // News of the SPbSUE. 2024. No. 1 (145). P. 103–107 (In Rus.). EDN: LBOMDX.
6. Manenkov, S. A. Institutionalization of Exhibition and Convention Activity in Innovation-Based Economy // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological, and Economic Sciences. 2021. Vol. 6, No. 1. P. 86–95 (In Rus.). EDN: RAIVJB. DOI: 10.21603/2500-3372-2021-6-1-86-95.
7. Sadovnichaya, A. V., Chkhotua, I. Z. Tourism, Industrial Exhibitions, and Trade Fairs in the Russian Far East: Strategic Assessment of the Potential for Development // Strategizing: Theory and Practice. 2023. Vol. 3, No. 1. P. 34–51 (In Rus.). EDN: TVPGCM. DOI: 10.21603/2782-2435-2023-3-1-34-51.
8. Fedoseeva, O. V. Transformation of the Russian Convention and Exhibition Industry in the New Conditions of the Modern Economy // The Eurasian Scientific Journal. 2023. Vol. 15, No. 1. P. 33 (In Rus.). EDN: JULRDZ.

About the author:

Anton K. Mieda, PhD student, Faculty of Economics, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: st133846@student.spbu.ru; ORCID: 0009-0001-3223-7577

© Миэда А. К., 2025

Взаимодействие Шанхайской организации сотрудничества с Интерполом в контексте борьбы с киберпреступностью

Сергевнин С. Л.^{*}, Алексеев Г. В., Калкэй Е. И.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Россия

^{*} e-mail: sergevnin-sl@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-7397-4023

РЕФЕРАТ

Взаимодействие государств — членов Шанхайской организации сотрудничества с *Международной организацией уголовной полиции* (Интерполом) в деле борьбы с общеуголовной киберпреступностью предполагает формирование общей системы ценностей и гармонизацию национального уголовного права государств в Евразийском регионе. Анализ международно-правовых норм и правил взаимодействия Шанхайской организации сотрудничества и Интерпола демонстрирует широкие перспективы международного взаимодействия правоохранительных органов в деле борьбы с киберпреступностью на универсальном и региональном уровнях. **Цель.** Характеристика международно-правового принципа неделимости безопасности при взаимодействии государств — членов Шанхайской организации сотрудничества с Интерполом. Региональный евразийский дискурс по проблеме борьбы с киберпреступностью позволяет не только развить классификацию составов киберпреступлений, но и — при участии Интерпола в нем — способствует достижению всеобъемлющей и неделимой информационной безопасности в процессе цифровой трансформации мирового сообщества. **Методология.** Формально-юридическая, сравнительно-правовая и дискурсивная методики исследования демонстрируют интерес государств Евразии к проблеме борьбы с киберпреступностью и формируют теоретическую основу для гармонизации регионального и универсального правопорядков в киберпространстве. **Результаты.** Вовлечение международных организаций и институтов гражданского общества в практику противодействия киберпреступности на региональном и универсальном уровнях способствует легитимации норм международного уголовного права. Формирование международной системы справедливого и соразмерного тяжести преступлений уголовного преследования лиц, совершивших общественно опасные деяния в киберпространстве, отвечает интересам достижения целей устойчивого развития, Уставу Интерпола 1956 г. и положениям Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г. **Выводы.** Пропаганда экстремизма и оправдание терроризма в киберпространстве несут в себе значительную угрозу международной безопасности, и такие преступления не должны оставаться безнаказанными, особенно ввиду религиозного и политического разнообразия Евразийского региона. Участие институтов гражданского общества в формировании политики Шанхайской организации сотрудничества и Интерпола по противодействию киберпреступности будет способствовать росту доверия в Евразийском регионе, становлению прогрессивных форматов международного взаимодействия для борьбы с кибермошенничеством и пропагандой насильственного экстремизма в сети Интернет.

Ключевые слова: преступность, безопасность, искусственный интеллект, экстремизм, терроризм, мошенничество, робототехника

Для цитирования: Сергевнин С. Л., Алексеев Г. В., Калкэй Е. И. Взаимодействие Шанхайской организации сотрудничества с Интерполом в контексте борьбы с киберпреступностью // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 3. С. 68–79. EDN: DPHRBL

Interaction between the Shanghai Cooperation Organization and Interpol in the Context of Combatting Cybercrime

Sergey L. Sergevnin*, George V. Alexeyev, Elina I. Kalkey

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, Saint Petersburg, Russia

* e-mail: sergevnin-sl@ranepa.ru

ORCID: 0000-0001-7397-4023

ABSTRACT

The interaction of the member States of the Shanghai Cooperation Organization with the International Criminal Police Organization (Interpol) in combating ordinary law cybercrime involves the formation of a common system of values and harmonization of national criminal law of States in the Eurasian region. An analysis of international legal norms and rules of interaction between the Shanghai Cooperation Organization and Interpol demonstrates broad prospects for international interaction between law enforcement agencies in combating cybercrime at the universal and regional levels. **Aim.** Characteristics of the international legal principle of indivisibility of security in the interaction of the member States of the Shanghai Cooperation Organization with Interpol. The regional Eurasian discourse on the problem of combating cybercrime allows not only to develop the classification of cybercrime, but also, with the participation of Interpol, contributes to the achievement of comprehensive and indivisible information security in the process of digital transformation of the world community. **Methods.** The formal-legal, comparative-legal and discursive research methodology shows both the interest of the Eurasian states in the problem of combating cybercrime and the theoretical basis for the harmonization of regional and universal legal order in cyberspace. **Results.** The involvement of international organizations and civil society institutions in the practice of combating cybercrime at the regional and universal levels contributes to the legitimization of the norms of international criminal law. The formation of an international system of fair and proportionate to the gravity of the crimes public prosecution of persons who have committed socially dangerous acts in cyberspace meets the interests of achieving the goals of sustainable development, the Interpol Constitution 1956 and the provisions of the Shanghai Convention on Combating Terrorism, Separatism and Extremism 2001. **Conclusions.** Propaganda of extremism and justification of terrorism in cyberspace pose a significant threat to international security, and such crimes should not go unpunished because of the religious and political diversity in the Eurasian region. The participation of civil society institutions in the formation of Interpol and the Shanghai Cooperation Organization policies on combating cybercrime will contribute to the growth of trust in the Eurasian region, the establishment of progressive formats of international cooperation to combat cyber fraud and propaganda of violent extremism on the Internet.

Keywords: crime, security, artificial intelligence, extremism, terrorism, fraud, robotics

For citation: Sergevnin S. L., Alexeyev G. V., Kalkey E. I. Interaction between the Shanghai Cooperation Organization and Interpol in the Context of Combatting Cybercrime // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 68–79 (In Rus.). EDN: DPHRBL

Введение

Генеральный секретарь Интерпола Вальдеси Уркиса (Valdecy Urquiza) по итогам операции НАЕЧИ V отметил, что «последствия киберпреступности могут быть разрушительными — жизни перевернуты, бизнес разрушен, а доверие к цифровым системам подорвано... Объединившись, мы можем сделать как реальный, так и цифровой мир безопаснее»¹. Глобальная операция Интерпола НАЕЧИ V (июль — ноябрь

¹ Interpol financial crime operation makes record 5,500 arrests, seizures worth over USD 400 million [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2024/INTERPOL-financial-crime-operation-makes-record-5-500-arrests-seizures-worth-over-USD-400-million> (дата обращения: 05.06.2025).

2024 г.) была направлена на борьбу с различными типами кибермошенничества, онлайн-шантажом и незаконной организацией азартных игр в сети Интернет (online gambling); завершилась операция арестом более 5500 подозреваемых в финансовых преступлениях с изъятием более 400 млн долл. США в виртуальных активах. Интерпол координировал взаимодействие правоохранительных органов около 40 государств, среди которых Китайская Народная Республика, Республика Индия, Кыргызская Республика и Исламская Республика Пакистан — члены Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Глобальный характер операций Интерпола и региональное взаимодействие государств под эгидой ШОС демонстрируют заинтересованность государств и международных организаций в снижении уровня киберпреступности. Профессионализм секретариата Интерпола и аппарата ШОС позволяет трансформировать современную геополитическую неопределенность в последовательную политику противодействия опасным проявлениям киберпреступности, таким как фишинг [20], другое компьютерное мошенничество, распространение вредоносных программ и кибертерроризм [6].

Материалы и методы

Сравнительный анализ отражает становление институтов международного сотрудничества в деле борьбы с правонарушениями в киберпространстве и демонстрирует то, как компетенция Интерпола и ШОС реализуется в сфере противодействия киберпреступности.

В Уставе Интерпола 1956 г. и Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г. международная безопасность получает различную интерпретацию. В соответствии со второй целью Устава Интерпола организация призвана «создавать и развивать институты, которые могут эффективно способствовать предотвращению и пресечению общеуголовных преступлений»¹. После основания Интерпола в 1923 г. актуализировались попытки использовать международную уголовную полицию в политических целях, что привело к использованию структур Интерпола нацистами в годы Второй мировой войны для борьбы с антифашистским движением [26], и после реформирования в 1956 г. Уставом «организации категорически запрещается осуществлять какое-либо вмешательство или деятельность политического, военного, религиозного или расового характера» (ст. 3).

Борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом в формате ШОС, напротив, имеет как политическое, так и идеологическое содержание. ШОС предполагает региональное сотрудничество в обеспечении безопасности киберпространства при реализации суверенных прав государств. Соглашение о сотрудничестве между правительствами государств — членов ШОС в борьбе с преступностью 2010 г.² определяет преступления в сфере информационных технологий как одно из направлений регионального взаимодействия правоохранительных органов (п. 1 ст. 1). Астанинская декларация Совета глав государств — членов ШОС от 4 июля 2024 г.³ призывает к разработке документа ШОС о сотрудничестве в борьбе с преступлениями в сфере информационных технологий.

В своей работе Интерпол руководствуется Конвенцией о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.)⁴, в то время как государства — члены ШОС выступают за широкое признание Конвенции ООН против киберпреступности от 24 декабря 2024 г.⁵, которая предполагает защиту государственного суверенитета в киберпространстве (ст. 5) и правовую помощь государств на принципах взаимности (ст. 40). Конвенция ООН против киберпреступности 2024 г. нацелена на

¹ The Constitution of the International Criminal Police Organization (ICPO) — Interpol [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interpol.int/Who-we-are/Legal-framework/Legal-documents> (дата обращения: 15.05.2025).

² Бюллетень международных договоров, февраль 2013. № 2. С. 17–22.

³ Шанхайская организация сотрудничества [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.sectscs.org/20240704/1420683.html> (дата обращения: 15.05.2025).

⁴ Council of Europe — Convention on Cybercrime (ETS No. 185) [Электронный ресурс]. URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2014_2019/documents (дата обращения: 15.05.2025).

⁵ Конвенция ООН против киберпреступности; укрепление международного сотрудничества в борьбе с определенными преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-коммуникационных систем, и в обмене доказательствами в электронной форме, относящимися к серьезным преступлениям. Резолюция 79/243 Генеральной Ассамблеи ООН от 24 декабря 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-79-243> (дата обращения: 15.05.2025).

противодействие киберугрозам посредством реализации государствами юрисдикции в киберпространстве, а Будапештская конвенция 2001 г. направлена на гармонизацию национального законодательства в сфере противодействия киберпреступности.

Согласно Будапештской конвенции 2001 г. международная помощь по вопросам противодействия киберпреступности осуществляется через Интерпол (пп. b п. 9 ст. 27). Поскольку исключительной юрисдикцией Интерпол Уставом не наделен, постольку основные направления деятельности организации включают координацию международных расследований преступлений, выходящих за пределы национальных юрисдикций, а также содействие предотвращению или раскрытию киберпреступлений. Для реализации этих задач Интерпол обеспечивает взаимодействие между своими структурными подразделениями, а также Национальными центральными бюро (НЦБ) в странах-участницах, что позволяет эффективно организовать обмен оперативной информацией и оказывать поддержку в проведении расследований.

Правовое взаимодействие Интерпола и ШОС характеризуется как правовая коммуникация, в которой публичные и частные акторы международной системы осуществляют противодействие преступности и содействие в правоохранительной деятельности [10]. Содействие ШОС и Интерпола осуществляется в соответствии с Всеобщей декларацией прав человека 1948 г. и другими принципами международного права. Правовое взаимодействие государств в рамках Интерпола, ШОС и других организаций, заинтересованных в обеспечении кибербезопасности, формирует транснациональный цифровой правопорядок.

И Интерпол, и ШОС реализуют собственную независимую политику по борьбе с киберпреступностью, однако преследуют общие цели в области кибербезопасности. Если Интерпол фокусируется на создании инновационных методик расследований, оперативном обмене информацией между странами-участницами и разработке стандартов работы с цифровыми доказательствами [2], то для ШОС проявления экстремизма и терроризма в киберпространстве являются основной критической угрозой. Дополнительный протокол к Конвенции о киберпреступности, касающийся криминализации деяний расистского и ксенофобского характера, совершаемых с помощью компьютерных систем (2003 г.¹) показывает, что все международные механизмы борьбы с киберпреступностью дополняют друг друга, формируя принципиальную основу международного реагирования на вызовы цифровой эпохи, однако результаты исследования отражают ряд институциональных отличий в работе Интерпола и ШОС.

Результаты

Проявления киберпреступности характеризуются как комплекс преступлений международного характера, где политическая преступность, общеуголовное мошенничество и компьютерные преступления используются как организованными преступными сообществами, так и одиночными субъектами для достижения противоправных экономических и политических целей. Борьба с киберпреступностью и противодействие терроризму в условиях цифровой трансформации как со стороны Интерпола, так и в форматах ШОС, требуют международной вовлеченности в правоохранительную деятельность не только государств, но и структур гражданского общества.

Совместная разработка и реализация академических проектов — перспективная форма сотрудничества Интерпола и государств — членов ШОС. Интерпол регулярно проводит конференции, круглые столы и семинары для сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих мероприятия по борьбе с киберпреступностью [4; 16].

Повышение квалификации полицейских — перспективное направление международного сотрудничества в деле борьбы с преступностью вообще [9] и киберпреступностью в частности [24]. Подготовку полицейских кадров по международным стандартам осуществляет совместный учебный центр в Ташкенте, созданный в 2023 г. Центр проводит сертифицированные курсы по расследованию криптовалютных схем и противодействию кибератакам, объединяя методологии Интерпола и специфику противодействия киберугрозам в Евразийском регионе. Ежегодные киберучения в Центре (проводятся с 2019 г.) стали

¹ Additional Protocol to the Convention on Cybercrime, concerning the criminalisation of acts of a racist and xenophobic nature committed through computer systems. 2003. (ETS № 189).

примером эффективного сотрудничества, так, например, в 2024 г. на учениях моделировались атаки на финансовые системы с участием 120 экспертов, что позволило отработать механизмы экстренного взаимодействия правоохранительных органов.

Противодействие киберпреступности предполагает скоординированные усилия на международной арене, где значимую роль играют полицейские организации различного уровня авторитета и компетенции. Глобальные структуры, такие как Интерпол, обеспечивают и соответствующий универсальный охват, координируя действия правоохранительных органов разных государств и способствуя оперативному обмену информацией об актуальных киберугрозах. Региональные объединения государств, такие как ШОС, сосредотачиваются на специфических вызовах в своих географических рамках, разрабатывая специализированные подходы к кибербезопасности с учетом социально-культурных особенностей региона. На универсальном уровне Организация Объединенных Наций (ООН) задает стратегические направления международной политики в цифровой сфере, способствуя выработке единых стандартов и правовых норм всеми акторами международной системы.

Совместными усилиями ООН, Интерпол и ШОС ведут работу по нескольким направлениям: повышение киберграмотности, укрепление межгосударственного взаимодействия правоохранительных структур, сближение национальных законодательных систем в области противодействия компьютерной преступности, мошенничеству и распространению запрещенной информации через сеть Интернет, что в совокупности формирует многоуровневую систему противодействия цифровой преступности. Такое мультилатеральное сотрудничество становится необходимым в условиях, когда киберугрозы приобретают все более широкий трансграничный характер.

Перспективы дальнейшего развития партнерства Интерпола и ШОС связаны с углублением институциональных связей, включая создание совместных рабочих групп по конкретным видам киберпреступлений, а также гармонизацию правовых норм в области расследований правонарушений в киберпространстве.

Консенсус в определении кибертерроризма между Интерполом и ШОС может способствовать обеспечению всеобъемлющей информационной безопасности. Термин «кибертерроризм» впервые появился в 1980 г. и был введен специалистом Института безопасности и разведки в Калифорнии Барри Коллином (Barry Collin) для характеристики активности террористов в Сети [22]. Данным термином теперь обозначаются провокации террористических атак через киберпространство и дезорганизация работы государственных сетевых ресурсов [30]. Между тем мировое сообщество до сих пор не выработало единообразного и общепризнанного определения термина «кибертерроризм», что обусловлено политическими и религиозными разногласиями в национальных элитах.

Интерпол обоснованно рассматривает терроризм как общеуголовное преступление и координирует борьбу с проявлениями политизированного насилия [29]. Вместе с тем многие типичные правонарушения экстремистского характера редко квалифицируются Интерполом как тяжкие или общеуголовные деликты, несмотря на то, что они приводят к проявлениям международного терроризма [7] и преступлениям, связанным с ненавистью [19].

Стратегическим направлением в обеспечении всеобъемлющей кибербезопасности и борьбе с политической киберпреступностью стала кибердипломатия, особенно в свете инициатив ШОС по формированию альтернативных моделей управления интернетом, которые, с одной стороны, могут противоречить западным подходам, но с другой — открывают новые возможности для выстраивания многосторонних механизмов противодействия киберпреступности и поддержания необходимой свободы в сети. Форматы кибервзаимодействия, учитывающие интересы всех заинтересованных сторон (stakeholders), продвигаются через специальные учреждения ООН и призваны способствовать поддержанию доверия к открытым сетевым технологиям. Сотрудничество Интерпола и ШОС может стать элементом глобальной архитектуры кибербезопасности, показывая пример того, как региональные и международные организации могут дополнять друг друга в деле борьбы с общими угрозами цифровой эпохи.

Национальные стратегии противодействия киберпреступности и кибертерроризму требуют гармонизации уголовного и транснационального цифрового права, а также оперативного полицейского

сотрудничества. Одной из заметных инициатив сотрудничества ШОС с Интерполом стал оперативный проект Cyber SCO-Interpol, запущенный в 2021 г. Цифровая платформа объединяет ресурсы стран — членов ШОС для мониторинга DDoS-атак на критическую инфраструктуру, и с 2023 г. она интегрирована с глобальной системой обмена данными Интерпола I-24/7, что значительно ускоряет реагирование на транснациональные инциденты [32].

Принцип оперативности противодействия кибератакам реализуется при обмене информацией между странами — участницами Интерпола через защищенную глобальную полицейскую сеть, которая позволяет правоохранительным органам получать доступ к информации о мошенниках и террористах.

Взаимодействие Интерпола и экспертных групп, созданных при международных организациях для противодействия киберпреступности, представляет собой комплексный и динамично развивающийся процесс, сочетающий в себе элементы формального сотрудничества и неформальных партнерских инициатив. Опыт сотрудничества Интерпола с экспертным сообществом может быть полезен для взаимодействия государств в форматах ШОС и СНГ.

Интерпол является межправительственной организацией, чья деятельность строго регламентирована учредительными документами и ограничена национальными юрисдикциями, чем принципиально отличается от экспертных групп по обеспечению кибербезопасности, которые непосредственно участвуют в разработке универсальных технических решений, необходимых для обеспечения законности в киберпространстве.

Одним из ключевых направлений полицейского взаимодействия является обмен информацией и согласование методик экспертиз. Интерпол, обладая глобальной сетью правоохранительных агентств, предоставляет широкому спектру организаций доступ к данным о новых видах киберпреступлений, тенденциях в области цифровой преступности и методах расследования, в то время как экспертные группы специализируются на технических аспектах кибербезопасности, защите цифровых прав от уязвимостей программного обеспечения и разработке правил кибербезопасности [27]. Например, в рамках Организации гражданской авиации (ICAO) функционирует целая система экспертных групп программистов для обеспечения кибербезопасности авиации¹, такие группы по мере необходимости задействуются в операциях по противодействию киберпреступности.

Компетенция Интерпола определяется его Уставом и положениями национального административного права, которые нацелены на вовлечение гражданского общества в борьбу с международной преступностью. В частности, Положение о Национальном центральном бюро Интерпола Министерства внутренних дел Российской Федерации (НЦБ Интерпола МВД России)² в качестве одной из основных функций определяет «выявление и обобщение положительного опыта взаимодействия с международными правоохранительными организациями» (п. 10.27), среди которых множество профсоюзных и добровольческих объединений полицейских.

Эффективность борьбы с киберпреступностью зависит от международного взаимодействия гражданского общества с правоохранительными органами в силу глобального характера и технической природы цифровых коммуникаций. Стратегия государственно-частного партнерства позволяет Интерполу реализовывать проекты в области криптографии и робототехники для экспертного анализа потенциальных угроз и уязвимостей в сети Интернет.

Совместные операции Интерпола и экспертных групп при международных организациях, как правило, соответствуют национальным интересам государств — членов ШОС. Так, например, при нейтрализации ботнета Retadup в 2019 г. исследователи из гражданского сектора помогли выявить инфраструктуру преступников; другой пример — операция HAECHI IV (2023 г.) против финансового кибермошенничества в Азии с участием экспертов по блокчейн-аналитике³.

¹ Aviation Cybersecurity. ICAO Expert Groups [Электронный ресурс]. URL: <https://www.icao.int/aviationcybersecurity/Pages/ICAO-Expert-Groups.aspx> (дата обращения: 15.05.2025).

² Утверждено приказом МВД России от 31 марта 2012 г. № 305 «Об утверждении положения о Национальном центральном бюро Интерпола Министерства внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Upravlenija/Nacionalnoe_centralnoe_bjuro_Interpol (дата обращения: 15.05.2025).

³ Interpol. International cooperation dismantles Retadup malware network. 2019.

Особого внимания заслуживает операция Silent Network 2022 г., в ходе которой были нейтрализованы бот-сети, использовавшие серверы в Казахстане и Китае для масштабного банковского мошенничества. Успех операции стал возможен благодаря координации через Национальные центральные бюро Интерпола и использованию аналитических институтов ШОС. Такая практика подтверждает конструктивность инициатив по подключению региональных инициатив ШОС к глобальной сети Интерпола.

Обсуждение

Работы профессора Ю. А. Тихомирова демонстрируют то, как юридические коллизии [17] приводят к нарушению правопорядка и кризисным явлениям вплоть до распада мироустройства [18]. Несомненно, «влияние национальных нормативных правовых актов на международные акты ощущается по линии межгосударственных интеграционных объединений» [5], которые формируют региональный правопорядок. Партнерство Интерпола и ШОС может способствовать «включенности национальных правовых систем в метасистему мирового правопорядка в их соотношении и взаимодействии с наднациональными юридическими инструментами и механизмами» [15, с. 17], что приведет к разрешению многих коллизий цифрового права и сформирует универсальный и безопасный цифровой правопорядок.

К коллизиям международного и национального цифрового правопорядка приводит принципиальное расхождение в подходах к безопасности. В частности, международные правозащитные организации последовательно критикуют практики массового сбора информации правоохранительными органами, рассматривая их как угрозу фундаментальным правам человека. Юридические барьеры также осложняют транснациональное взаимодействие — например, в Европейском союзе (ЕС) жесткие требования директивы GDPR¹ создают сложности для оперативного международного обмена информацией. С одной стороны, государственные институты и правозащитные организации формируют систему региональной кибербезопасности в ЕС [25], с другой стороны, опыт ЕС в деле борьбы с нарушением авторских прав показывает то, как ограничения цифровой свободы способствуют формированию цифрового разрыва.

Сочетание научных исследований, технического прогресса и активной гражданской позиции позволяет интернет-сообществу содействовать государствам в борьбе с киберпреступностью. Эксперты не только расследуют киберделикты (например, атаки на журналистов с помощью шпионской программы Pegasus), но и разрабатывают технические инструменты защиты, такие как детекторы вредоносного кода [28].

Экспертные группы необходимы в деле обеспечения кибербезопасности. Показателен пример того, как коллаборация экспертов Quad9 и Интерпола позволила заблокировать тысячи фишинговых доменов, нацеленных на больницы во время пандемии COVID-19 в 2020 г.² Экспертные группы систематически участвуют в нейтрализации угроз глобальной кибербезопасности под эгидой Интерпола [21], и этот опыт международного сотрудничества, безусловно, полезен.

Международные неправительственные организации и экспертные группы формируют систему институтов вокруг Инженерного совета Интернета (IETF)³. Эксперты IETF компетентны в сфере обнаружения уязвимостей в сети Интернет, они документируют кибератаки и разрабатывают инструменты для отслеживания криптовалютных транзакций [12].

Усилия экспертных групп дополняют возможности Интерпола, так как кибербезопасность — общий интерес государств, транснациональных корпораций и гражданского общества [31]. Вместе с тем в развитых государствах сохраняется настороженное отношение к неправительственным организациям, чью деятельность обоснованно воспринимают как потенциальный инструмент деструктивного иностранного вмешательства в работу правоохранительных органов [3]. Политизация международного правосудия создает препятствия для полноценного международного полицейского сотрудничества.

¹ Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) [Электронный ресурс]. URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=LEGISSUM:310401_2&from=EN (дата обращения: 15.05.2025).

² Quad9 & Interpol (2020). Cybercrime Directorate Disrupts COVID-19 Phishing Campaigns [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/Cybercrime-Directorate-disrupts-COVID-19-phishing-campaigns> (дата обращения: 15.05.2025).

³ Internet Engineering Task Force [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ietf.org> (дата обращения: 15.05.2025).

Взаимодействие Интерпола с экспертными группами по кибербезопасности и его сотрудничество с государствами — членами ШОС в сфере противодействия киберпреступности развиваются в принципиально разных форматах, отражающих особенности содействия при обеспечении кибербезопасности. В то время как в России и странах ШОС господствует государственный подход к обеспечению кибербезопасности [14], западный опыт показывает преимущества и недостатки международного содействия с привлечением широкого круга заинтересованных сторон (multi-stakeholder) в соответствии с Глобальным цифровым договором 2024 г.¹

Интерпол, обладая универсальным мандатом и глобальным охватом, выступает для ШОС центральным партнером в вопросах оперативного обмена информацией и координации расследований. В свою очередь, ШОС, фокусирующаяся на региональной безопасности в Центральной Азии и сопредельных регионах, предлагает Интерполу доступ к критическим данным о киберугрозах, включая деятельность хакерских групп, связанных с организованной преступностью и терроризмом.

Заключение

Усилия Международной организации уголовной полиции (Интерпола) в деле противодействия киберпреступности совпадают с целями и задачами Шанхайской организации сотрудничества по этой злободневной для обеспечения всеобъемлющей международной безопасности тематике. Вместе с тем далеко не все государства — члены ШОС принимают активное участие в операциях Интерпола по противодействию киберпреступности по ряду причин политического и правового характера.

Во-первых, любые операции Интерпола носят информационно-аналитический характер, который в своей проевропейской политизированной юридической оценке состояния угроз киберпреступности не может разделяться всеми государствами — членами ШОС. Поскольку Интерпол ориентирован только на борьбу с преступлениями международного характера по обычному уголовному праву (ordinary law crimes), постольку в условиях цифровой трансформации политизация дискурса вокруг киберпреступности приводит к правовым коллизиям в вопросах квалификации пропаганды терроризма и проявлений экстремизма в киберпространстве. Например, между исламскими республиками (Ираном и Пакистаном) и Китайской Народной Республикой существуют как много общего в деле понимания необходимости пресечения мошенничества и наркоторговли в Сети, так и принципиальные противоречия в вопросах реагирования на речевые правонарушения против официальной идеологии. Международное сотрудничество под эгидой Интерпола наглядно демонстрирует преимущество гармонизации уголовного законодательства. Международное уголовное право, характеризуя проявления политической преступности, призвано — в соответствии с Уставом ООН — опираться на позицию Совета Безопасности.

Во-вторых, развитие цифровых технологий приводит к появлению новых форм преступности, которые в ближайшее время потребуют инновационных методов работы как Интерпола, так и правоохранительных органов государств — членов ШОС. Успешная борьба с киберпреступностью предполагает способность международных организаций гибко и адаптивно реагировать на новые возможности искусственного интеллекта и робототехники. Технологическое лидерство государств — членов ШОС необходимо для успеха в борьбе с киберпреступностью, и работа по укреплению сотрудничества с Интерполом может способствовать юридическому признанию мировым сообществом не только аксиологической основы международного права, но и правил рационального использования цифровых инноваций и робототехники, что приведет к созданию более безопасного киберпространства.

В-третьих, партнерство Интерпола с региональными организациями и неправительственными структурами возможно только при условии их светского и профессионального характера. Участие профсоюзов полицейских, творческих ассоциаций и общественных движений в совершенствовании дефиниции кибертерроризма может способствовать широкому международному консенсусу в понимании границ допустимого поведения в виртуальном мире.

¹ Global Digital Compact 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/digital-emerging-technologies/global-digital-compact> (дата обращения: 15.05.2025).

Гармонизация национального законодательства о противодействии киберпреступности с принципами международного права и преодоление политических разногласий в Евразийском регионе позволят создать основанную на доверии и защищенную нормами международного уголовного права цифровую экосистему, где региональное лидерство ШОС дополняется глобальным охватом Интерпола и технологическими инновациями.

Список литературы

1. Алескеров В. И., Баранов В. В. Телекоммуникация и киберпространство как средство преступления экстремистской и террористической направленности // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 1 (53). С. 104–113. EDN: MZGXHY.
2. Алиева М. Н., Аримова С. А. Деятельность Интерпола по раскрытию преступлений в компьютерной сфере // Закон и право. 2021. № 11. С. 194–196. EDN: MKHZPC. DOI: 10.24412/2073-3313-2021-11-194-196.
3. Гончаров В. В. Общественный контроль за филиалами и представительствами международных неправительственных организаций на территории России // Общество: политика, экономика, право. 2023. № 7 (120). С. 94–99. EDN: EKKZAR. DOI: 10.24158/per.2023.7.11.
4. Евдокимов К. Н., Хобонкова К. В. К проблеме совершенствования международного сотрудничества в сфере противодействия киберпреступности // Сибирский юридический вестник. 2022. № 3 (98). С. 90–95. EDN: BEPXHH. DOI: 10.26516/2071-8136.2022.3.90.
5. Каширкина А. А., Морозов А. Н. Международно-правовое регулирование борьбы с коррупцией: уровни взаимодействия и потенциал развития // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 148–154. EDN: UUCSTA. DOI: 10.24411/2078-5356-2018-1002.
6. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. Киберпреступность и цифровая трансформация // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 1. С. 39–53. EDN: UDZCMU. DOI: 10.22394/2686-7834-2021-1-39-53.
7. Кириленко В. П., Хлутков А. Д., Алексеев Г. В. Методология борьбы с экстремизмом в киберпространстве: опыт Шанхайской организации сотрудничества // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17, № 4. С. 29–42. EDN: SXNLED. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-04-29-42.
8. Мороз Н. О. Деятельность Интерпола по координации сотрудничества в борьбе с преступностью в сфере высоких технологий // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Сер. D. Экономич. и юрид. науки. 2011. № 14. С. 147–148. EDN: ULXVQD.
9. Нижник Н. С., Лясович Т. Г. Полицейская деятельность и профессиональная подготовка сотрудников органов внутренних дел как предмет правовых исследований // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2024. Т. 10 (76), № 1. С. 410–426. EDN: TYBDBP.
10. Панченко В. Ю. Правовое взаимодействие как вид социального взаимодействия. М. : Проспект, 2015. 232 с. ISBN: 978-5-392-18871-0. EDN: WOIQJU.
11. Пузырева Ю. В., Мысина А. И. Международное полицейское сотрудничество по вопросам раскрытия и расследования преступлений в сфере информационных технологий. М. : Инфра-М, 2020. 92 с. EDN: LEVJZF.
12. Репецкая А. Л., Миронов А. О. Криптовалюта как объект уголовно-правового и криминологического исследования // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2022. № 3 (102). С. 109–120. EDN: XLTNYQ. DOI: 10.55001/2312-3184.2022.78.15.010.
13. Рыжов В. Б. Участие Интерпола в борьбе с терроризмом // Международное право. 2020. № 2. С. 56–69. EDN: BHEFSS. DOI: 10.25136/2644-5514.2020.2.29854.
14. Северин В. А. Правовые аспекты обеспечения информационной безопасности цифровой экономики // Проблемы в российском законодательстве. 2023. Т. 16, № 8. С. 46–51. EDN: QIHBEF.
15. Сергеев С. Л. К вопросу о факторах эффективности позитивного права // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2021. № 1. С. 7–17. EDN: VOYHYV. DOI: 10.22394/2686-7834-2021-1-7-17.
16. Ситков А. С. Международное сотрудничество полиции в рамках Интерпола по противодействию киберпреступности и обеспечению кибербезопасности // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 238–242. EDN: TMBVAR. DOI: 10.24412/2073-0454-2022-5-238-242.
17. Тихомиров Ю. А. Юридическая коллизия, власть и правопорядок // Государство и право. 1994. № 1. С. 3–11. EDN: QYUJLL.
18. Тихомиров Ю. А. Мироустройство: устойчивость и распад // Журнал российского права. 2025. Т. 29, № 2. С. 5–16. EDN: RXKDYS. DOI: 10.61205/S160565900032645-3.

19. Уткин Н. И., Ермолович Г. П., Воробейчикова А. А. Американская система профилактики преступлений, связанных с ненавистью (Hate Crimes) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2001. № 2 (10). С. 153–158. EDN: GFNNVP.
20. Юсупов М. Ю., Путилов А. О. Фишинг как угроза конфиденциальности в сети // E-Scio. 2021. № 10 (61). С. 223–232. EDN: BSZNZY.
21. Bartoli L. Cybersecurity and the Fight against Cybercrime: Partners or Competitors? // European Journal of Risk Regulation. 2025. Vol. 16, Iss. 2. P. 498–513. DOI: 10.1017/err.2025.31.
22. Collin B. C. The Future of Cyber Terrorism // Crime & Justice International. 1997. Vol. 13, No. 2. P. 15–18.
23. Emmert F. Cryptocurrencies: The Impossible Domestic Law Regime? // The American Journal of Comparative Law. 2022. Vol. 70, Iss. Supp_1. P. i185–i219. DOI: 10.1093/ajcl/avac022.
24. Hadlington L, Chivers S. Segmentation Analysis of Susceptibility to Cybercrime: Exploring Individual Differences in Information Security Awareness and Personality Factors // Policing: A Journal of Policy and Practice 2020. Vol. 14, Iss. 2. P. 479–492. DOI: 10.1093/police/pay027.
25. Hustinx P. Data Protection and International Organizations: A Dialogue between EU Law and International Law // International Data Privacy Law. 2021. Vol. 11, Iss. 2. P. 77–80. DOI: 10.1093/idpl/ipab015.
26. Ling C. W. Mapping Interpol's Evolution: Functional Expansion and the Move to Legalization // Policing: A Journal of Policy and Practice 2010. Vol. 4, Iss. 1. P. 28–37. DOI: 10.1093/police/pap060.
27. Mačák K. From Cyber Norms to Cyber Rules: Re-engaging States as Law-makers // Leiden Journal of International Law. 2017. Vol. 30, Iss. 4. P. 877–899. DOI: 10.1017/S0922156517000358.
28. Olivas Osuna, J. J. The Pegasus Spyware Scandal: A Critical Review of Citizen Lab's "CatalanGate" report 2023. DOI: 10.13140/RG.2.2.17511.93603.
29. Sandler T., Arce D. G., Enders W. An Evaluation of Interpol's Cooperative-Based Counterterrorism Linkages // The Journal of Law & Economics. 2011. Vol. 54, Iss. 1. P. 79–110. DOI: 10.1086/652422.
30. Shandler R., Gross M. L., Backhaus S., Canetti D. Cyber Terrorism and Public Support for Retaliation — A Multi-Country Survey Experiment // British Journal of Political Science. 2022. Vol. 52, Iss. 2. P. 850–868. DOI: 10.1017/S0007123420000812.
31. Wang X. Global (re-)Framing of Cybercrime: An Emerging Common Interest in Flux of Competing Normative Powers? // Leiden Journal of International Law. 2024. P. 1–27. DOI: 10.1017/S0922156524000402.
32. Zheng Z., Lin H. SCO's Cyber Counterterrorism Law Enforcement Cooperation: Current Status, Challenges, and Countermeasures // Advances in Social Behavior Research. 2024. No. 9. P. 16–19. DOI: 10.54254/2753-7102/9/2024077.

Об авторах:

Сергевнин Сергей Львович, доктор юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, профессор, декан юридического факультета, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: sergevnin-sl@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-7397-4023

Алексеев Георгий Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного и гуманитарного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: alekseev-gv@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-3720-0105

Калкэй Елина Игоревна, преподаватель кафедры международного и гуманитарного права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: kalkey-ei@ranepa.ru ORCID: 0009-0009-1327-3722

References

1. Aleskerov, V. I., Baranov, V. V. Telecommunications and Cyberspace as Means of Extremist and Terrorist Crimes // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. No. 1 (53). P. 104–113 (In Rus.). EDN: MZGXHY.

2. Alieva, M. N., Arimova, S. A. The Activities of Interpol in Solving Crimes in the Computer Sphere // Law and Legislation. 2021. No. 11. P. 194–196 (In Rus.). EDN: MKHZPC. DOI: 10.24412/2073-3313-2021-11-194-196.
3. Goncharov, V. V. Public Control over Branches and Representative Offices of International Non-Governmental Organizations in Russia // Society: Politics, Economics, Law. 2023. No. 7 (120). P. 94–99 (In Rus.). EDN: EKKZAR. DOI: 10.24158/pep.2023.7.11.
4. Evdokimov, K. N., Hobonkova, K. V. On the Problem of Improving International Cooperation in Countering Cybercrime // Siberian Law Review, 2022. No. 3 (98). P. 90–95 (In Rus.). EDN: BEPXHH. DOI: 10.26516/2071-8136.2022.3.90.
5. Kashirkina, A. A., Morozov, A. N. International Legal Regulation of Combating Corruption: The Level of Interaction and Potential for Development // Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2 (42). P. 148–154 (In Rus.). EDN: UUCSTA. DOI: 10.24411/2078-5356-2018-1002.
6. Kirilenko, V. P., Alekseev, G. V. Cybercrime and Digital Transformation // Theoretical and Applied Law. 2021. No. 1. P. 39–53 (In Rus.). EDN: UDZCMU. DOI: 10.22394/2686-7834-2021-1-39-53.
7. Kirilenko, V. P., Khlutkov, A. D., Alekseev, G. V. Methodology for Combating Extremism in Cyberspace: Experience of the Shanghai Cooperation Organization // Eurasian Integration: Economic, Law, Politics. 2023. Vol. 17, No. 4. P. 29–42 (In Rus.). EDN: SXNLED. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-04-29-42.
8. Moroz, N. O. Interpol Activity on Cooperation Coordination in Struggle against Criminality in the Sphere of High Technologies // Bulletin of Polotsk State University. Series D. Economic and Legal Sciences. 2011. No. 14. P. 147–148 (In Rus.). EDN: ULXVQD.
9. Nizhnik, N. S., Lyasovich, T. G. Policing and Professional Activities Training of Employees of the Internal Affairs Bodies as a Subject of Legal Research // Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science. 2024. Vol. 10 (76), No. 1. P. 410–426 (In Rus.). EDN: TYBDBP.
10. Panchenko, V. Yu. Legal Interaction as a Type of Social Interaction. Moscow : Prospect Publishing House, 2015. 232 p. ISBN: 978-5-392-18871-0 (In Rus.). EDN: WOIQJU.
11. Puzyreva, Yu. V., Mysina, A. I. International Police Cooperation in Investigating and Solving IT Crimes : monograph. Moscow : Infra-M, 2020. 92 p. (In Rus.). EDN: LEVJZF.
12. Repetskaya, A. L., Mironov, A. O. Cryptocurrency as an object of criminal law and criminological research // Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 3 (102). P. 109–120 (In Rus.). EDN: XLTNYQ. DOI: 10.55001/2312-3184.2022.78.15.010.
13. Ryzhov, V. B. Interpol's Participation in the Fight against Terrorism // International Law. 2020. No. 2. P. 56–69 (In Rus.). EDN: BHEFSS. DOI: 10.25136/2644-5514.2020.2.29854.
14. Severin, V. A. Legal Aspects of Ensuring Information Security of the Digital Economy // Gaps in Russian Legislation. 2023. Vol. 16, No. 8. P. 46–51 (In Rus.). EDN: QIHBEF.
15. Sergevnin, S. L. On the Efficiency Factors of Positive Law // Theoretical and Applied Law. 2021. No. 1. P. 7–17 (In Rus.). EDN: VOYHYV. DOI: 10.22394/2686-7834-2021-1-7-17.
16. Sitkov, A. S. International Police Cooperation within the Framework of Interpol on Combating Cybercrime and Ensuring Cybersecurity // Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 5. P. 238–242 (In Rus.). EDN: TMBVAP. DOI: 10.24412/2073-0454-2022-5-238-242.
17. Tikhomirov, Yu. A. Legal Collision, Power and Law and Order // State and Law. 1994. No. 1. P. 3–11 (In Rus.). EDN: QYUJLL.
18. Tikhomirov, Yu. A. World Order: Stability and Disintegration // Journal of Russian Law. 2025. Vol. 29, No. 2. P. 5–16 (In Rus.). EDN: RXKDYS. DOI: 10.61205/S160565900032645-3.
19. Utkin, N. I., Ermolovich, G. P., Vorobeychikova, A. A. American System of Prevention of Crimes Related to Hatred // Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2001. No. 2 (10). P. 153–158 (In Rus.). EDN: GFNNVP.
20. Yusupov, M. Yu., Putilov, A. O. Phishing as a Threat to Online Privacy // E-Scio. 2021. No. 10 (61). P. 223–232 (In Rus.). EDN: BSZNZY.
21. Bartoli, L. Cybersecurity and the Fight against Cybercrime: Partners or Competitors? // European Journal of Risk Regulation. 2025. Vol. 16, Iss. 2. P. 498–513. DOI: 10.1017/err.2025.31.
22. Collin, B. C. The Future of Cyber Terrorism // Crime & Justice International. 1997. Vol. 13, No. 2. P. 15–18.
23. Emmert, F. Cryptocurrencies: The Impossible Domestic Law Regime? // The American Journal of Comparative Law. 2022. Vol. 70, Iss. Supp_1. P. i185–i219. DOI: 10.1093/ajcl/avac022.

24. Hadlington, L, Chivers, S. Segmentation Analysis of Susceptibility to Cybercrime: Exploring Individual Differences in Information Security Awareness and Personality Factors // *Policing: A Journal of Policy and Practice* 2020. Vol. 14, Iss. 2. P. 479–492. DOI: 10.1093/police/pay027.
25. Hustinx, P. Data Protection and International Organizations: A Dialogue between EU Law and International Law // *International Data Privacy Law*. 2021. Vol. 11, Iss. 2. P. 77–80. DOI: 10.1093/idpl/ipab015.
26. Ling, C. W. Mapping Interpol's Evolution: Functional Expansion and the Move to Legalization // *Policing: A Journal of Policy and Practice* 2010. Vol. 4, Iss. 1. P. 28–37. DOI: 10.1093/police/pap060.
27. Mačák, K. From Cyber Norms to Cyber Rules: Re-engaging States as Law-makers // *Leiden Journal of International Law*. 2017. Vol. 30, Iss. 4. P. 877–899. DOI: 10.1017/S0922156517000358.
28. Olivas Osuna, J. J. The Pegasus Spyware Scandal: A Critical Review of Citizen Lab's "CatalanGate" report 2023. DOI: 10.13140/RG.2.2.17511.93603.
29. Sandler, T., Arce, D. G., Enders, W. An Evaluation of Interpol's Cooperative-Based Counterterrorism Linkages // *The Journal of Law & Economics*. 2011. Vol. 54, Iss. 1. P. 79–110. DOI: 10.1086/652422.
30. Shandler, R., Gross, M. L., Backhaus, S., Canetti, D. Cyber Terrorism and Public Support for Retaliation — A Multi-Country Survey Experiment // *British Journal of Political Science*. 2022. Vol. 52, Iss. 2. P. 850–868. DOI: 10.1017/S0007123420000812.
31. Wang, X. Global (re-)Framing of Cybercrime: An Emerging Common Interest in Flux of Competing Normative Powers? // *Leiden Journal of International Law*. 2024. P. 1–27. DOI: 10.1017/S0922156524000402.
32. Zheng, Z., Lin, H. SCO's Cyber Counterterrorism Law Enforcement Cooperation: Current Status, Challenges, and Countermeasures // *Advances in Social Behavior Research*. 2024. No. 9. P. 16–19. DOI: 10.54254/2753-7102/9/2024077.

About the authors:

Sergey L. Sergevnin, Doctor of Science (Jurisprudence), Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Dean of the Faculty of Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: sergevnin-sl@ranepa.ru; ORCID: 0000-0001-7397-4023

George V. Alexeyev, PhD in Jurisprudence, Associate Professor, Head of the Department of International and Humanitarian Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: alekseev-gv@ranepa.ru; ORCID: 0000-0003-3720-0105

Elina I. Kalkey, Lecturer Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: kalkey-ei@ranepa.ru; ORCID: 0009-0009-1327-3722

© Сергеевнин С. Л., Алексеев Г. В., Калкэй Е. И., 2025

Единое транспортное пространство ЕАЭС: от деклараций к механизму правовой конвергенции

Дроздова М. А.

Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I,
Санкт-Петербург, Россия

e-mail: drozdova@pgups.ru

ORCID: 0000-0001-9691-0575

РЕФЕРАТ

Исследование направлено на изучение актуальных вопросов формирования единого транспортного пространства в рамках ЕАЭС в современных геополитических условиях. **Цель.** Исследовать возможность создания единого транспортного пространства в рамках ЕАЭС на современном этапе развития интеграционного объединения. **Задачи.** Выявить существующие в актуальной геополитической ситуации препятствия, мешающие созданию единого транспортного пространства в рамках ЕАЭС, и предложить основные направления развития сотрудничества и развития нормативно-правовой базы для максимального использования транспортного потенциала интеграционного объединения. **Методология.** Для анализа существующих возможностей и препятствий для создания единого транспортного пространства ЕАЭС были использованы сравнительно-правовой и формально-юридический и системный методы исследования. **Результаты.** Обосновывается мысль о значимости достижения цели по созданию единого транспортного пространства в рамках ЕАЭС как необходимого условия для эффективной экономической интеграции и повышения глобальной роли организации как на евразийском пространстве, так и в качестве противовеса европейскому центру силы. **Выводы.** Для развития дальнейших интеграционных процессов в рамках ЕАЭС и получения максимального синергетического эффекта от интеграции необходимо дальнейшее движение в сторону создания единого транспортного пространства. Это позволит не только повысить эффективность экономической интеграции, но и создаст кумулятивный эффект для всех стран-участниц, сделав ЕАЭС глобальным логистическим игроком и создав альтернативу европейскому влиянию на развитие транспорта и логистики в Евразии. Одним из центральных документов должен стать единый план развития транспортной инфраструктуры ЕАЭС для обеспечения возможности максимального использования транзитного потенциала международных транспортных коридоров и устранения «узких мест», где пропускная способность грузо- и пассажиропотоков ограничена из-за недостаточного уровня ее развития. Единое транспортное пространство как выведет на новый уровень значимость ЕАЭС в целом, так и будет способствовать экономическому процветанию каждого государства-участника в отдельности. Координация внешних и внутренних политик стран — участниц ЕАЭС позволит устранить существующие препятствия для реализации идеи о конвергенции их транспортных систем.

Ключевые слова: интеграционное право, транспортная интеграция, единое транспортное пространство, ЕАЭС, конвергенция транспортных систем

Для цитирования: Дроздова М. А. Единое транспортное пространство ЕАЭС: от деклараций к механизму правовой конвергенции // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 3. С. 80–90. EDN: CGTUBK

Common Transport Space of the EAEU: From Declarations to a Mechanism of Legal Convergence

Maria A. Drozdova

Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, Saint Petersburg, Russia

e-mail: drozdova@pgups.ru

ORCID: 0000-0001-9691-0575

ABSTRACT

The research is aimed at studying the topical issues of forming a common transportation space within the EAEU in the current geopolitical conditions. **Aim.** To study the possibility of creating a common transportation space within the EAEU at the current stage of development of the integration association. **Tasks.** To identify the existing obstacles in the current geopolitical situation that hinder the creation of a common transport space within the EAEU and to propose the main directions for the development of cooperation and development of the legal framework to maximize the use of transport potential of the integration association. **Methods.** Comparative-legal and formal-legal and systematic methods of research were used to analyze the existing opportunities and obstacles to the creation of a common transport space of the EAEU. **Results.** The paper substantiates the idea of the importance of achieving the goal of creating a common transport space within the EAEU as a necessary condition for effective economic integration and increasing the global role of the organization both in the Eurasian space and as a counterweight to the European center of power. **Conclusions.** To develop further integration processes within the EAEU and to maximize the synergetic effect of integration, it is necessary to continue moving towards the creation of a common transport space. This will not only increase the efficiency of economic integration but also create a cumulative effect for all member states, making the EAEU a global logistics player and creating an alternative to the European influence on the development of transport and logistics in Eurasia. One of the central documents should be a unified plan for the development of the EAEU transport infrastructure in order to maximize the use of the transit potential of international transport corridors and eliminate bottlenecks where the capacity of cargo and passenger traffic is limited due to its insufficient level of development. The common transport space will bring to a new level of significance both for the EAEU as a whole and contribute to the economic prosperity of each member state individually. Coordination of external and internal policies of the EAEU member states will eliminate existing obstacles to the realization of the idea of convergence of their transport systems.

Keywords: integration law, transport integration, common transport space, EAEU, convergence of transport systems

For citation: Drozdova M. A. Common Transport Space of the EAEU: From Declarations to a Mechanism of Legal Convergence // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 80–90 (In Rus.). EDN: CGTUBK

Введение

Цель по созданию единого транспортного пространства (далее — ЕТП) в рамках ЕАЭС была поставлена странами-участницами еще в 2008 г.¹ Важными чертами ЕТП в соответствии с указанным документом должны стать техническая и технологическая совместимость транспортных процессов и гармонизация законодательства, включая единые правила конкуренции. Однако, несмотря на значительные шаги, предпринятые для достижения цели, к 2025 г. она так и не была достигнута.

¹ Решение Межгосударственного совета ЕАЭС от 25.01.2008 № 2 «О формировании правовой базы Таможенного союза в рамках Евразийского экономического сообщества» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/08a00002/> (дата обращения: 21.06.2025).

Отметим, что в настоящее время уровень геополитической напряженности достиг максимального значения за последние двадцать пять лет, а ведущим трендом развития мирового сотрудничества стала дезинтеграция и блоковость международного сотрудничества. Но даже с учетом этого развитие интеграционных процессов в транспортной сфере в Евразийском регионе имеет большой потенциал. В настоящее время ведение диалога между странами, направленного на развитие торговых маршрутов и создание бесшовной логистики, может стать той сферой, которая позволит сохранить ЕАЭС как ведущий экономический союз региона. Создание и развитие единой транспортно-логистической экосистемы может стать той цементирующей силой, которая, преодолев многовекторность внешних политик отдельных государств-членов, в среднесрочной перспективе обеспечит дальнейшую экономическую интеграцию объединения [3; 4; 6; 10].

Материалы и методы

Автором проведен анализ международного-правового регулирования сотрудничества государств — участников ЕАЭС в сфере создания единого транспортного пространства, включая реализуемые планы мероприятий и дорожные карты, соглашения об устранении барьеров в сфере конвергенции транспортно-логистических систем для обеспечения бесшовной логистики, а также научных публикаций отечественных и зарубежных исследователей по теме транспортной и экономической интеграции в ЕАЭС. В работе использовались общенаучные и специальные методы исследования, включая сравнительно-правовой и формально-юридический и системный методы исследования.

Результаты

Как в юридической, так и в экономической и логистической науках не существует единого подхода к определению ЕТП. Так, Р. Э. Слейтер определяет ЕТП как «единую непрерывную сеть путей сообщения, в полной мере удовлетворяющую потребности людей и способствующую полноценному развитию международной торговли» [5]. Отметим, что транспортное сотрудничество любого уровня способствует развитию международной торговли и удовлетворению потребностей людей в повышении мобильности.

Особое внимание в контексте формирования ЕТП ЕАЭС уделяется развитию международных транспортных коридоров. Согласно материалам Евразийской экономической комиссии, через евразийские транспортные коридоры проходит порядка 70% всего транзитного грузопотока ЕАЭС¹. При этом ключевыми остаются направления «Восток — Запад» и «Север — Юг», обеспечивающие сопряжение с китайской инициативой «Один пояс — один путь» и выход на рынки Ближнего Востока и Южной Азии.

В «Комплексном плане развития Евразийских транспортных коридоров» (распоряжение ЕЭК № 179 от 5 декабря 2023 г.) обозначены десять приоритетных мер, направленных на устранение узких мест и синхронизацию инфраструктурных проектов². Так, в частности, речь идет о модернизации железнодорожных участков Орск — Бейнеу, Шалкар — Бейнеу, строительстве линии Дарбаза — Мактаарал, вторых путей на участке Казалы — Арыс, а также об ускоренном внедрении цифровых сервисов (e-CMR, электронные накладные, навигационные пломбы). Развитие транспортных коридоров рассматривается ЕЭК не только как инфраструктурный, но и как правовой приоритет, напрямую связанный с формированием единого транспортного пространства. Пропускная способность коридоров и темпы их модернизации становятся ключевыми индикаторами успешности интеграционных процессов в транспортной сфере.

Гипотезой исследования является предположение о том, что если в ЕАЭС будет институционализирована модель «функциональной правовой конвергенции» транспортного сектора — через союзные стандарты цифровой совместимости, ускоренную имплементацию наднациональных норм, экспериментальные правовые режимы для цифровых сервисов и систему мониторинга и принуждения к испол-

¹ ЕАЭС развивает евразийские транспортные коридоры [Электронный ресурс]. URL: https://www.alta.ru/ts_news/116676/?ysclid=mff56zfo8c490783366 (дата обращения: 01.09.2025).

² Распоряжение ЕЭК № 179 от 05.12.2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.alta.ru/tamdoc/23r00179/?ysclid=mff59urugh659007202> (дата обращения 01.09.2025).

нению, — то это приведет к статистически значимому повышению пропускной способности ключевых международных транспортных коридоров ЕАЭС и сокращению транзитных издержек / сроков в сопоставимых коридорах по сравнению с базовым трендом, а также к сближению метрик ЕАЭС с референтными значениями интеграционных объединений ЕС и АСЕАН в горизонте 3–5 лет.

Концепция ЕТП предполагает предельно высокий уровень транспортной интеграции, характеризующийся бесшовностью транспортно-логистических процессов на всей территории интеграционного объединения. И логистическая составляющая играет значимую роль в эффективности функционирования ЕТП, поскольку без достаточного количества, качества и правильной территориальной распределенности логистических хабов (и иных мощностей) невозможно обеспечить полноценное использование транзитного потенциала ЕАЭС. Таким образом, ЕТП как единая транспортно-логистическая экосистема интеграционного объединения помимо транспортной должна включать логистическую составляющую и собственное развитое цифровое пространство, поскольку в условиях работы в рамках Индустрии 4.0 транспортная отрасль может быть конкурентоспособной на глобальном уровне и обеспечивать необходимую скорость перевозок только путем внедрения цифровых сервисов, электронного документооборота и цифровизации процессов отслеживания грузов и управления цепями поставок. Складские операции, хотя они не всегда имеют прямое отношение к функционированию транспорта, также должны быть цифровизированы для обеспечения скорости их проведения и оптимизации.

Единая транспортно-логистическая экосистема современного интеграционного образования включает элементы, указанные на рис. 1. Однако именно уровень их связанности, сгармонизированности, соответствия их технических параметров, уровня и темпов технического развития, синхронности функционирования процессов являются критериями сформированности ЕТП.

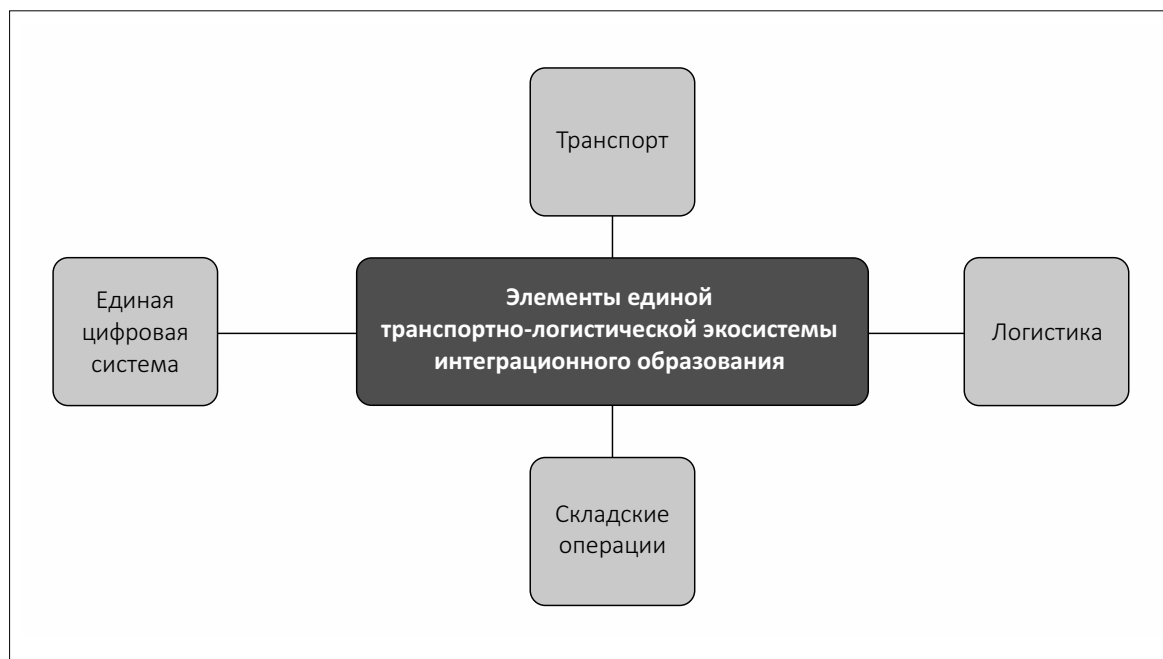

Рис. 1. Схема единой транспортно-логистической экосистемы интеграционного образования

Fig. 1. The scheme of the unified transport and logistics ecosystem of integrational organisation

Источник: составлено автором

В рамках создания эффективного ЕТП государства-участники должны согласовать правовое и техническое регулирование своих экосистем, а также синхронизировать программы развития транспортного комплекса (рис. 2).

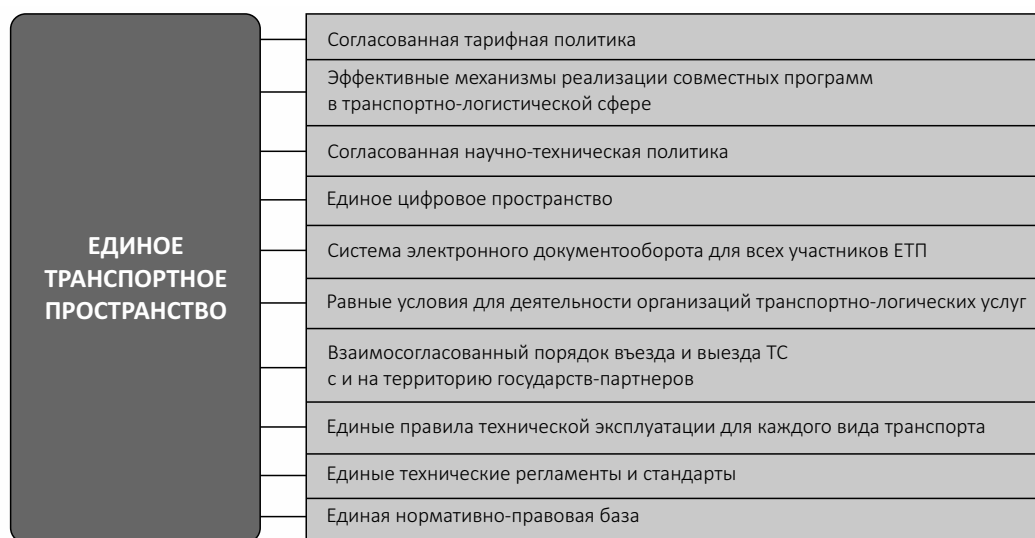

Рис. 2. Единое транспортное пространство
Fig. 2. Unified transport space

Источник: составлено автором

Обсуждение

Основы формирования массива нормативно-правового регулирования ЕТП ЕАЭС заложены в Договоре об учреждении ЕЭС¹, Основных направлениях и этапах реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств — членов ЕАЭС², Концепции формирования ЕТП ЕАЭС³ и других документах. Так, в ст. 90–95 Договора о ЕАЭС сформированы основы правового регулирования в сфере транспорта, включая принципы свободы транзита, недискриминационного доступа, унификации требований к транспортным средствам, а также согласования транспортной политики. Эти положения служат юридическим фундаментом для построения ЕТП ЕАЭС. На пути реализации этой задачи за семнадцать лет сняты многие барьеры, оптимизированы процессы. Однако в настоящее время полноценной единой транспортно-логистической экосистемы ЕАЭС, включая ее цифровую составляющую, так и не создано.

Помимо разнонаправленности внешних политик государств-участников, когда страны (Киргизия и Узбекистан) начали реализацию крупных инфраструктурных транспортных проектов, например, с Китаем в обход России⁴, важным препятствием остается отсутствие эффективного правового регулирования, включающего современные форматы регламентации внедрения цифровых технологий. При составлении дорожной карты мероприятий по реализации согласованной транспортной политики ЕАЭС должны быть внедрены иные инструменты, помимо «жесткого» и «мягкого» права. Это позволит повысить эффективность и актуальность.

Так, для регламентации функционирования ЕТП ЕАЭС могут использоваться инструменты правового регулирования, указанные в таблице.

¹ Договор о ЕАЭС (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 21.06.2025).

² Основные направления и этапы реализации скоординированной (согласованной) транспортной политики государств — членов ЕАЭС. Решение ВЕЭС от 26.12.2016 № 19 [Электронный ресурс]. URL: <https://eec.eaeunion.org/upload/medialibrary/58b/Onstp.pdf> (дата обращения: 21.06.2025).

³ Концепция формирования Единого транспортного пространства Евразийского экономического сообщества. Решение № 374 Межгосударственного совета ЕАЭС от 25.01.2008 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.evrases.com/print/docs/68> (дата обращения: 21.06.2025).

⁴ Владимир Скосырев. Китай строит железную дорогу в обход России [Электронный ресурс] // Независимая газета. 07.04.2025. URL: https://www.ng.ru/world/2025-04-07/1_6_9229_china.html (дата обращения: 21.06.2025).

Таблица

Возможные инструменты правового регулирования функционирования ЕТП ЕАЭС

Table. Possible instruments of legal regulation of the functioning of the EAEU UTS

Название инструмента	Описание
«Жесткое право»	Принимаются нормативно-правовые документы, наделяющие государства и международные организации правами и обязанностями, имеющими обязательный характер
Саморегулирование	Возможность каждого субъекта транспортной инфраструктуры разрабатывать собственные правила и стандарты функционирования
«Мягкое право»	Правила поведения, не имеющие обязательной юридической силы. Нормы слабее, чем обязательная сила традиционного права, однако они имеют положительный эффект для дальнейшего развития правового регулирования в отрасли. Примером являются совместные коммюнике, заявления и т. д., которые задают векторы дальнейшего развития сотрудничества
Экспериментальный правовой режим	Специфическое правовое регулирование, применяемое в отношении его участников в течение определенного периода времени по направлениям разработки, апробации и внедрения цифровых инноваций на транспорте с целью определения эффективности и наличия положительного результата для дальнейшего широкого распространения

Источник: составлено автором

Таким образом, структура правового регулирования ЕТП ЕАЭС включает в себя различные элементы, такие как «жесткое право» [9], «мягкое право» [2; 7; 11, р. 631; 12], экспериментальный правовой режим [1], саморегулирование [8]. Формирование ЕТП начинается с принятия документов «мягкого права», закладывающих траекторию развития интеграционных процессов в транспортной сфере в интеграционных образованиях, затем на этапе формирования единых стандартов и правил технической эксплуатации различных видов транспорта необходим переход к сложению «жесткого права», создающего обязательные для применения участниками транспортно-логистической деятельности правила. Актуальным современным инструментом правового регулирования цифровых технологий на транспорте, необходимых для повышения конкурентоспособности и реализации транзитного потенциала транспортных коридоров ЕАЭС, является экспериментальный правовой режим, применяющийся в России для целей регментации беспилотных технологий на транспорте, искусственного интеллекта и других технологий Индустрии 4.0 (рис. 3).

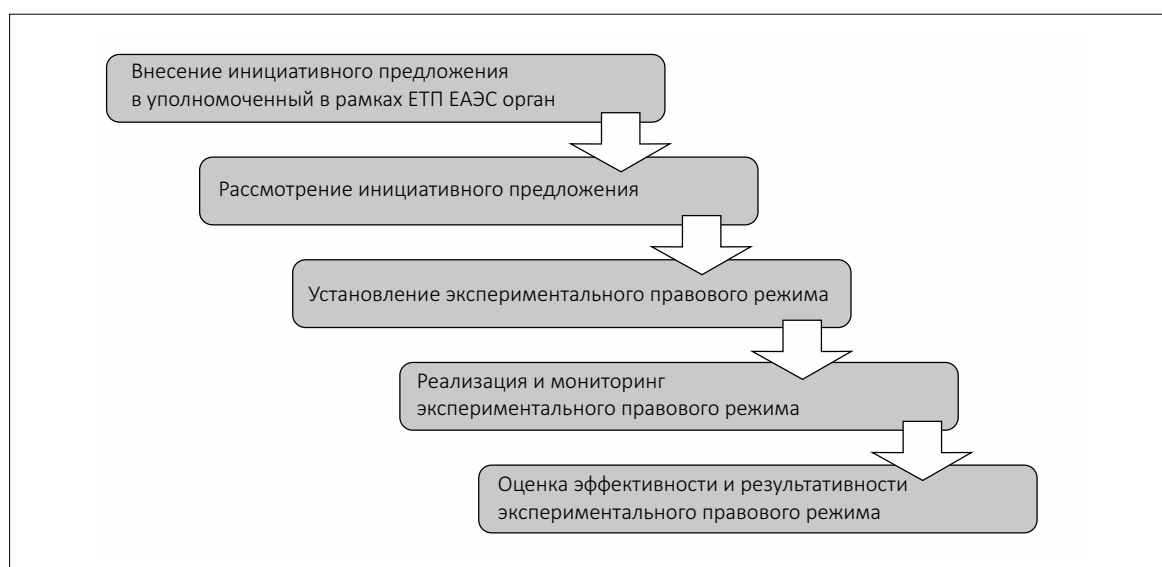

Рис. 3. Схема применения экспериментального правового режима в рамках ЕТП ЕАЭС

Fig. 3. The scheme of application of the experimental legal regime within the framework of the EAEU UTS

Источник: составлено автором

Отметим, что Решения Евразийской экономической комиссии ЕАЭС, принимаемые в сфере транспорта, могут быть обязательными, рекомендательными или носить разъясняющий характер. Несмотря на наднациональный статус, их имплементация зависит от механизмов внутренней трансформации правовых норм в национальные системы, которая часто занимает длительное время. Для повышения эффективности правоприменения в ЕАЭС необходимо ускорить процедуру имплементации новых норм наднационального характера, а также сформировать механизм мониторинга их внедрения, аналогичный системе *infringement procedures* (процедуры нарушения прав) в ЕС¹.

Развитие концепции «технологического неприсоединения» для обеспечения цифрового суверенитета государств-участников в рамках создания ЕТП требует не только политической декларации, но и институционального оформления. Собственная цифровая среда ЕАЭС должна включать в себя единые стандарты электронного документооборота, доверенной аутентификации и кибербезопасности, обеспечивающие независимость от зарубежных платформ. В этой связи предполагается адаптация и гармонизация существующих международных стандартов, таких как UN/CEFACT (в сфере электронных накладных и смарт-контрактов)², а также наработок Международного союза железных дорог (UIC) и Международной морской организации (ИМО) в части цифровизации транспортных процессов.

Ключевым инструментом апробации таких решений становится экспериментальный правовой режим. Его применение в рамках ЕАЭС позволит обкатывать новые цифровые сервисы — от машиночитаемых доверенностей и электронных транспортных накладных до технологий искусственного интеллекта и беспилотных перевозок — в условиях регулируемой правовой «песочницы». Опыт России по запуску экспериментальных правовых режимов (ЭПР) в сфере беспилотного транспорта и ИИ может быть масштабирован на союзном уровне.

Ответственность за мониторинг внедрения норм технологического неприсоединения целесообразно закрепить за Евразийской экономической комиссией, при этом создать Совет по цифровому транспорту и логистике ЕАЭС как специализированный наднациональный орган. Он будет вести учет проектов, проверять соответствие стандартам и формировать ежегодные доклады о состоянии цифрового суверенитета.

Особое значение имеет механизм имплементации наднациональных норм в национальные правовые системы. Для сокращения временного лага между принятием решений и их реальным действием следует разработать процедуру ускоренной имплементации, аналогичную *infringement procedures* в ЕС: в случае затягивания гармонизации национальных актов странами-участницами ЕЭК получает право инициировать обязательные планы корректировки законодательства с четкими сроками. Таким образом, «жесткое право» ЕАЭС будет подкрепляться механизмами контроля и ответственности, что обеспечит реальную работоспособность концепции «технологического неприсоединения» и устойчивость цифровой транспортной экосистемы Союза.

Исследуя существующие в мире модели транспортной конвергенции, отметим успешный опыт ЕС («жесткая» правовая конвергенция, предполагающая наднациональную правосубъектность и прямое действие значительной части норм, развитые инструменты принуждения (*infringement procedures*, С-суд ЕС), унификация технических стандартов, общие цифровые рамки (eFTI, eCMR/eFTI-регламенты, единство рынка услуг). Преимуществом этой модели является высокая предсказуемость регулирования, быстрая имплементация, устойчивые межвидовые стыки (*rail/road/sea/air*), развитая «мягкая» и «жесткая» цифровая инфраструктура.

Опыт стран АСЕАН демонстрирует модель «мягкой» и сетевой конвергенции, в которой преобладают межправительственные соглашения и «мягкое право», предусмотрена поэтапная либерализация, коридорные инициативы, модель «узлов» и пилотов. Цифровые проекты продвигаются через согласованные, но не всегда обязательные рамки. Преимуществом этой модели является гибкость, быстрый запуск пилотных проектов, а недостатком — более долгий и неравномерный выход на единые стандарты.

¹ *Infringement procedures* [Электронный ресурс] // European Commission. URL: https://commission.europa.eu/law/application-eu-law/implementing-eu-law/infringement-procedure_en (дата обращения: 21.06.2025).

² *Trade Facilitation and E-business(UN/CEFACT)*. [Электронный ресурс] URL: <https://unece.org/trade/unecefact> (дата обращения 11.09.2025).

Для ЕАЭС целесообразно сочетать жесткую компоненту (союзные обязательные акты + ускоренная имплементация) и мягкую/пилотную (ЭПР-«песочницы», коридорные/узловые проекты), чтобы объединить предсказуемость ЕС и адаптивность АСЕАН. Это согласуется с концепцией статьи о правовой конвергенции и цифровой экосистеме ЕТП.

Анализ существующей динамики транспортной конвергенции в ЕАЭС предполагает три возможных сценария развития транспортной интеграции.

1. «Базовый инерционный», влекущий сохранение текущего темпа гармонизации и цифровизации, точечное устранение «узких мест», пилоты без масштабирования. Ожидаемые эффекты: умеренный рост пропускной способности, частичная совместимость е-документов, сохраняющиеся задержки на стыках видов транспорта / границ. Основным риском является уязвимость при внешних шоках.

2. «Ускоренная функциональная конвергенция» (целевой) предполагает запуск союзных минимально обязательных стандартов цифровой совместимости (идентификаторы, форматы е-накладных, доверенная среда), ускоренная имплементация через союзные «дорожные карты» и экспериментальные правовые режимы (ЭПР) для масштабирования цифровых сервисов. Ожидаемые эффекты включают быстрое снижение времени/стоимости транзита; рост межвидовой и кросс-границной совместимости; повышение устойчивости к геополитическим шокам. Главными рисками являются краткосрочные издержки синхронизации и потребность в управлении киберрисками и кадрами.

3. «Фрагментация и коридорная автономия» предполагает переход к согласованию в основном в пределах двусторонних/многосторонних коридоров без единых союзных стандартов; ставка на внешние платформы. Ожидаемые эффекты включают быстрые локальные улучшения в отдельных коридорах при высоком разбросе технических стандартов, «цифровые барьеры» между участниками. Основными рисками являются технологическая зависимость, рост транзакционных издержек на стыках, снижение привлекательности транзита в целом.

Критерии оценки эффективности интеграционных процессов могут включать такие показатели, как:

- правовая конвергенция и исполнение. Показатели: индекс имплементации союзных актов (процент актов ЕЭК, реализованных в нацправе в срок); средний лаг имплементации (месяцы от принятия до вступления в силу в государствах-членах); доля актов, прошедших мониторинг/аудит исполнения (по итогам ежегодного отчета наднационального органа);
- цифровая совместимость и охват сервисов. Показатели: доля перевозок с е-документами (е-CMR/е-накладные, машиночитаемые доверенности) в общем объеме, степень интероперабельности (количество стыков «вид транспорта × граница», где обеспечен сквозной e-workflow), доля участников, подключенных к доверенной среде ЕАЭС (категории: перевозчики, экспедиторы, терминалы);
- производительность транспортных коридоров. Показатели: время «дверь-в-дверь» на эталонных маршрутах (час/сутки); стоимость транзита на TEU/тонно-км; пропускная способность и ее использование (по «узким местам»); надежность доставки (OTIF);
- инвестиции и мультипликатор. Показатели: союзные/национальные вложения в «узлы и коридоры»; мультипликатор грузооборота (Δтонно-км / Δруб. инвестиций); доля проектов, прошедших ЭПР и масштабированных;
- устойчивость и кибербезопасность. Показатели: соответствие союзным требованиям по киберданным; доля критичных систем с хостингом и хранением данных в юрисдикциях ЕАЭС; количество инцидентов и SLA восстановления.

Методика / источники данных: отчеты ЕЭК и наднационального органа мониторинга; статистика госконтроля и инфраструктурных компаний, операционные данные терминалов/перевозчиков, результаты ЭПР, независимый аудит.

События 13 июня 2025 г., когда Израиль начал бомбардировки Ирана, вносят значительные коррективы в карту евразийской логистики и актуализируют вопрос создания ЕТП ЕАЭС как необходимого центра устойчивого транспортного развития в сложной геополитической ситуации на Ближнем Востоке и в Центральной Азии. Так, удары Израиля и разрушения энергетической и транспортной

инфраструктуры Ирана могут создать значительные препятствия для реализации иранской стороной своей части международного транспортного коридора «Север — Юг». Эта транспортная артерия, включающая территорию таких стран, как Индия, Иран, Россия, Азербайджан, Армения, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Беларусь, Турция, Оман и Сирия, должна была значительно повысить уровень транзитного потенциала Евразийского региона и с учетом сопряжения с евразийскими широтными транспортными коридорами стать фундаментом для единого транспортного каркаса на пространстве Евразии. Концепция формирования единого транспортного каркаса должна стать основой транспортной логистики в Евразийском регионе, где одним из наиболее значимых интеграционных образований является ЕАЭС. «Север — Юг» связывает маршрут от Санкт-Петербурга до Мумбаи, соединяясь с Центральным Евразийским и Трансазиатским коридорами. В случае военной блокады Персидского залива МТК «Север — Юг» теряет одно из важнейших звеньев. И в этом случае проект Трансафганской железной дороги, идущей к пакистанским портам Гвадар и Карачи, участниками которого являются Узбекистан, Пакистан, Афганистан и Россия, приобретает первостепенное значение, являясь вариантом диверсификации МТК¹.

Атаки Израиля в июне 2025 г. грозят коренным образом изменить карту логистики в Центральной Азии, что, безусловно, коснется и казахстанской части ЕАЭС. Так, Иран является ключевым логистическим партнером региона (это и крупнейший транспортный хаб, торговый шлюз Центральной Азии, важный нефтегазовый игрок, обеспечивающий транспортную отрасль — крупнейший потребитель энергии — питанием, важная часть китайской инициативы «Один пояс — один путь»). Иранские порты Бендер-Аббас и Чабахар служат морскими воротами Центральной Азии к Индийскому океану. Если эта важнейшая артерия вследствие военных действий будет перерезана, то Узбекистан, Казахстан и Туркменистан могут оказаться в логистическом геополитическом тупике, потеряв свой транзитный потенциал.

Центральная Азия, долгое время остававшаяся одним из островков стабильности и, находясь в геополитической тени, развивавшая свой транзитный потенциал низкими темпами, а ее транспортная инфраструктура мало соответствовала стандартам даже развивающихся стран, в современных условиях расширения военных конфликтов получила дополнительный импульс для развития. А атаки Израиля, поддерживаемые ЕС и Америкой, служащие важным дестабилизирующим фактором, делают сотрудничество с указанными странами потенциально опасным. Представляется, что в настоящее время именно политика внутривевразийского регионального развития в актуальных условиях должна способствовать смещению фокуса с диверсификации внешней политики к сложению единого понимания важного собственного евразийского будущего без оглядки на Запад.

Отметим, что за последние пять лет в рамках ЕАЭС принято несколько важных решений, направленных на цифровизацию транспортного регулирования, таких как внедрение электронных транспортных накладных (e-CMR, e-TIR), Единой системы идентификации и аутентификации (ЕСИА) и электронных паспортов транспортных средств (ЕПТС), развитие трансграничного пространства доверия между странами ЕАЭС. Эти инструменты формируют технологическую основу единого правового пространства и требуют скорейшей имплементации в национальное законодательство стран — участниц ЕАЭС.

Транспортная система ЕАЭС, находящаяся в центре Евразии, является тем важнейшим связующим запад и восток звеном, достаточный уровень транспортно-логистической экосистемы которой, с одной стороны, делает ее одним из важнейших игроков в евразийской логистике, а с другой — позволяет обеспечить техническую возможность соединения транспортных систем для обеспечения бесшовных перевозок.

Заключение

Реализованная цель по созданию ЕТП ЕАЭС может стать драйвером экономического развития евразийского пространства в долгосрочной перспективе, а технологическое развитие транспортной

¹ РФ и Узбекистан подписали документы о проекте Трансафганской железной дороги [Электронный ресурс] // ТАСС. 08.04.2025. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23624197> (дата обращения: 15.06.2025).

отрасли придаст импульс внедрению инноваций как в смежные отрасли, так и в экономики стран-участниц в целом. Однако для реализации этой задачи в правовое регулирование транспортной сферы ЕАЭС необходимо внедрять такие новые инструменты, как экспериментальный правовой режим. Ведь именно он позволит реализовать цифровизацию и необходимую для повышения конкурентоспособности транспортных коридоров платформизацию транспортно-логистической экосистемы ЕАЭС. При этом с учетом технологических вызовов перед правовыми институтами ЕАЭС стоит задача обеспечения технологического суверенитета интеграционного объединения (разработка и внедрение собственных стандартов цифровой совместимости, хранение данных в пределах ЕАЭС, отказ от критической зависимости от внешних платформ). С учетом этих вопросов представляется важным документально оформить в качестве раздела транспортной и цифровой доктрины ЕАЭС концепцию «технологического неприсоединения», означающую, что участники региональной транспортной интеграции не присоединяются к цифровой архитектуре отдельных государств, в частности, США, Китая или одного из государств — участников ЕАЭС. В рамках ЕАЭС создается собственная цифровая среда, хотя и включающая отдельные сервисы или аппаратные комплексы различных поставщиков, но обеспечивающая кибернезависимость от отдельных стран и крупных цифровых компаний-монополистов.

Список литературы

1. Гусарева А. Е. Экспериментальный правовой режим как новый инструмент правового регулирования: преимущества и недостатки // Вестник науки. 2024. № 3 (72). С. 199–206. EDN: AOQKHS.
2. Демин А. В. Феномен «мягкого права»: Pro et Contra // Вестник ОмГУ. Серия: Право. 2014. № 4 (41). С. 6–10. EDN: TAFRRV.
3. Дроздова М. А. Актуальные проблемы международно-правового регулирования конвергенции транспортно-логистических систем в рамках ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2023. Т. 17, № 4. С. 73–81. EDN: YRSNXU. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-04-73-81.
4. Дроздова М. А. Современные тренды международно-правового регулирования железнодорожного транспорта в рамках ЕАЭС // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2024. Т. 18. № 3. С. 75–82. EDN: VVXNTX. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-03-75-82.
5. Лесняков А. Единое транспортное пространство и процесс его формирования в Евразийском экономическом союзе // Постсоветский материк. 2018. № 1 (17). С. 47–54. EDN: YQIJUT.
6. Пак Е. В. 10 лет ЕАЭС: основные итоги и проблемы сотрудничества в области транспорта и логистики // Международная аналитика. 2025. Т. 16, № 1. С. 20–38. EDN: SGAEPE. DOI: 10.46272/2587-8476-2025-16-1-20-38.
7. Усенков И. А. Национальное мягкое право как правовой феномен и инструмент повышения стабильности законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15, № 1. С. 28–58. EDN: LBERCK. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.1.28.58.
8. Швагерус С. Е. Саморегулирование автотранспортной деятельности в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Транспорт Российской Федерации. Журнал о науке, практике, экономике. 2010. № 5 (30). С. 8–10. EDN: NCBMKV.
9. Abbott K. W., Snidal D. Hard and Soft Law in International Governance // International Organization. 2000. Vol. 54, No. 3. P. 421–456. DOI: 10.1162/002081800551280.
10. Bolgova E. EAEU International Transport Corridors in the Sustainable Development of a Regional Economy // E3S Web of Conferences. 2024. Vol. 471. P. 06005. EDN: CXZEQF. DOI: 10.1051/e3sconf/202447106005.
11. Brummer C. Why Soft Law Dominates International Finance — And Not Trade // Journal of International Economic Law. 2010. Vol. 13, No. 3. P. 623–643. DOI: 10.1093/jiel/jgq026.
12. Trubek D. M., Cottrell M. P., Nance M. “Soft Law”, “Hard Law”, and European Integration: Toward a Theory of Hybridity // University of Wisconsin Legal Studies Research Paper No. 1002. November, 2005. P. 11–12. DOI: 10.2139/ssrn.855447.

Об авторе:

Дроздова Мария Александровна, кандидат юридических наук, доцент, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I, кафедра «Логистика и коммерческая работа» (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: drozdova@pgups.ru; ORCID: 0000-0001-9691-0575

References

1. Gusareva, A. E. Experimental Legal Regime as New Instrument of Legal Regulation: Advantages and Disadvantages // Science Bulletin. 2024. No. 3 (72). P. 199–206 (In Rus.). EDN: AOQKHS.
2. Demin, A. V. The Soft Law Phenomenon: Pro et Contra // Herald of Omsk University. Series: LAW. 2014. No. 4 (41). P. 6–10 (In Rus.). EDN: TAFRRV.
3. Drozdova, M. A. Actual Problems of International Legal Regulation of the Convergence of Transport and Logistics Systems within the EAEU // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2023. Vol. 17, No. 4. P. 73–81 (In Rus.). EDN: YRSNXU. DOI: 10.22394/2073-2929-2023-04-73-81.
4. Drozdova, M. A. Modern Trends in International Legal Regulation of Railway Transport within the EAEU // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2024. Vol. 18, No. 3. P. 75–82 (In Rus.). EDN: VVXNTX. DOI: 10.22394/2073-2929-2024-03-75-82.
5. Lesnyakov, A. Approaches to the Definition of an Integral Transport Network and the Possibility of Its Formation in the Framework of the Eurasian Economic Union // Post-Soviet Continent. 2018. No. 1 (17). P. 47–54 (In Rus.). EDN: YQIJUT.
6. Pak, E. V. Marking 10th Anniversary of the EAEU: a Transport and Logistics Perspective // Journal of International Analytics. 2025. Vol. 16, No. 1. P. 20–38 (In Rus.). EDN: SGAEPE. DOI: 10.46272/2587-8476-2025-16-1-20-38.
7. Usenkov, I. A. National Soft Law as a Legal Phenomenon and a Tool for Increasing Stability of Legislation // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2022. Vol. 15, No. 1. P. 28–58 (In Rus.). EDN: LBERCK. DOI: 10.17323/2072-8166.2022.1.28.58.
8. Shvagerus, S. E. Self-Regulation of Motor Transport Activities in the Russian Federation: Problems and Prospects Transport of the Russian Federation. 2010. No. 5 (30). P. 8–10 (In Rus.). EDN: NCBMKV.
9. Abbott, K. W., Snidal, D. Hard and Soft Law in International Governance // International Organization. 2000. Vol. 54, No. 3. P. 421–456. DOI: 10.1162/002081800551280.
10. Bolgova, E. EAEU International Transport Corridors in the Sustainable Development of a Regional Economy // E3S Web of Conferences. 2024. Vol. 471. P. 06005. EDN: CXZEQF. DOI: 10.1051/e3sconf/202447106005.
11. Brummer, C. Why Soft Law Dominates International Finance — And Not Trade // Journal of International Economic Law. 2010. Vol. 13, No. 3. P. 623–643. DOI: 10.1093/jiel/jgq026.
12. Trubek, D. M., Cottrell, M. P., Nance, M. “Soft Law”, “Hard Law”, and European Integration: Toward a Theory of Hybridity // University of Wisconsin Legal Studies Research Paper No. 1002. November, 2005. P. 11–12. DOI: 10.2139/ssrn.855447.

About the author:

Maria A. Drozdova, PhD in Jurisprudence, Assistant Professor, Emperor Alexander I St. Petersburg State Transport University, Department of logistics and commerce (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: drozdova@pgups.ru; ORCID: 0000-0001-9691-0575

© Дроздова М. А., 2025

Мировая проблема недостатка воды: кейс Центральной Азии

Торопыгин А. В.^{1,*}, Киселева А. А.²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления, Санкт-Петербург, Россия

* e-mail: toropygin-av@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-0678-3347

² ООО «ЭКОлаб Северо-Запад», Санкт-Петербург, Россия

РЕФЕРАТ

Проблема недостатка чистой воды для населения многих стран планеты продолжает усугубляться по мере потепления климата. Являясь одной из самых насущных экологических проблем современности, она привлекает к себе пристальное внимание ученых, политиков, экспертов. На глобальном уровне решением проблемы занимаются многие универсальные и специальные учреждения. Основные направления в решении проблемы, как они видятся сегодня, обобщены в Программе Целей устойчивого развития, в цели номер шесть. Это задачи и для государств, и для международного сообщества. Одно из направлений уменьшения проблемы связано с нахождением более справедливого и эффективного использования трансграничных рек, которое, в свою очередь, основывается на механизме подсчета площади водной поверхности, зарегулированной международным соглашением. Статистически это отражается через ЦУР 6.5.2. **Цель.** Целью статьи является рассмотрение положения дел, связанных с недостатком воды в Центральной Азии, с политическим регулированием трансграничных рек. Эти проблемы характерны и для других регионов. **Задачи.** Проанализировать Конвенции ООН по решению водных проблем. Определить основные ЦУР, используемые для формирования механизмов управления проблемой. Показать имеющиеся многосторонние механизмы решения недостатка воды в ЦА. Предложить площадки для обсуждения возможных механизмов. **Методология.** На основе эмпирических и статистических данных ООН по решению ЦУР 6.5.2. с использованием общенаучных методов и кейс-стади по решению проблем ЦА разработаны предложения по решению проблемы в многостороннем формате. **Выводы.** Показано, что более эффективного использования трансграничных рек можно добиться при наличии регионального (бассейнового) механизма (многостороннего соглашения).

Ключевые слова: недостаток чистой воды, Центральная Азия, Цели устойчивого развития, Конвенции о регулировании водных проблем ООН, двусторонние и региональные соглашения, механизмы эффективного использования рек

Для цитирования: Торопыгин А. В., Киселева А. А. Мировая проблема недостатка воды: кейс Центральной Азии // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 3. С. 91–102. EDN: VKCBHV

The World Water Problem: The Central Asian Case

Andrey V. Toropygin^{a,*}, Anastasia A. Kiseleva^b

^a Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management, Saint Petersburg, Russia

* e-mail: toropygin-av@ranepa.ru

ORCID: 0000-0002-0678-3347

^b ECOLab North-West LLC, Saint Petersburg, Russia

ABSTRACT

The problem of the lack of clean water for the population of many countries of the world continues to worsen as the climate warms. Being one of the most pressing environmental problems of our time, it attracts the close attention of scientists, politicians, and experts. At the global level, many universal and special institutions are dealing with the problem. The main directions in solving the problem, as they are seen today, are summarized in the Program of Sustainable Development Goals, in goal number six. These are tasks for both States and the international community. One of the ways to reduce the problem is related to finding a more equitable and efficient use of transboundary rivers, which, in turn, is based on a mechanism for calculating the water surface area regulated by an international agreement. Statistically, this is reflected through SDG 6.5.2. **Aim.** The purpose of the article is to examine the state of affairs related to water scarcity in Central Asia, related to the political regulation of transboundary rivers. These problems are typical for other regions as well. **Tasks.** Objectives: to analyze the UN Conventions on solving water problems. Identify the main SDGs used to form problem management mechanisms. To show the existing multilateral mechanisms for solving the water shortage in Central Asia. To propose platforms for discussing possible mechanisms. **Methods:** based on empirical and statistical data from the United Nations on SDG 6.5.2. using general scientific methods and a case study on solving Central Asian problems. Proposals have been developed to solve the problem in a multilateral format. **Conclusions.** It is shown that more efficient use of transboundary rivers can be achieved if there is a regional (basin) mechanism (multilateral agreement).

Keywords: lack of clean water, Central Asia, Sustainable Development Goals, UN Conventions on the Regulation of Water Problems, bilateral and regional agreements, mechanisms for the effective use of rivers

For citation: Toropygin A. V., Kiseleva A. A. The World Water Problem: The Central Asian Case // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 91–102 (In Rus.). EDN: BKCБHV

Введение

Запасов пресной воды, необходимых для жизни на Земле, по мнению научного сообщества, вполне недостаточно. Проблема в том, что этот ресурс распределен, во-первых, неравномерно, а во-вторых, затраты для его использования сопряжены с огромными расходами (например, водоводы, опреснение морской воды, доставка льда). Поэтому сегодня речь идет о естественных ресурсах, не связанных с технологическими процессами, за исключением очистки загрязненных вод.

Географически водные ресурсы распределены неоднородно, и это не всегда соответствует расселению людей. Как правило, воды не хватает в развивающихся странах. Население растет, а водных ресурсов не становится больше, климат делается более сухим, развитие экономики и промышленности приводит к все большему потреблению воды, внедрение инновационных технологий в социально-экономической сфере отстает.

Проблема очевидна для всех; она находится в центре внимания как на глобальном, так и на национальном уровнях. И все же пока всех усилий хватает лишь для поддержания сегодняшнего достаточно низкого уровня потребления. Речь в данном случае идет о развивающихся странах Азии, Африки. Но, по сути дела, это «глобальное большинство».

Вопросы, связанные с водой, в том или ином виде входили в повестку дня ООН чуть ли не с момента создания этой организации (в контексте границ новых постколониальных государств). Но очевидно, что рост населения, технологический прогресс (как правило, до последнего времени новые технологии лишь употребляли воду), изменения климата постепенно приводят мир к красной черте нехватки пресной воды (при этом очевидна оговорка: положение развитых и развивающихся стран в вопросе потребления и нехватки воды существенно различны, воды не хватает развивающимся странам).

Понимая эти процессы, ООН создала механизм «ООН — водные ресурсы». Это скорее процесс стимулирования различных усилий, связанных задачами эффективного водопользования. ООН объявила 2005–

2015 гг. Международным десятилетием действий «Вода для жизни»¹. Очевидно, что это нужно рассматривать и как вариант достижения целей Программ ООН — целей тысячелетия и целей устойчивого развития².

Круг ведения вопросов механизма составляют такие проблемы, как стоимость воды, право на воду, трансграничные воды, зеленая экономика, нехватка воды и т. д. Членами механизма являются такие организации, как Всемирная метеорологическая организация (ВМО), Международная организация труда (МОТ), Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП), Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО), Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ), Программа ООН по населенным пунктам (ООН-Хабитат) и др., всего 29 структур семьи ООН³.

Одно из направлений деятельности ООН — подготовка и обнародование Доклада о положении дел в проблеме о состоянии водных ресурсов. В 2024 г. доклад был представлен ЮНЕСКО⁴. Уже само название доклада «Водный кризис угрожает миру во всем мире» — констатация существующего и заставляет задумываться о том, что это затронет весь мир. Глобальные проблемы выглядят яснее через происходящее в регионах. В любом регионе есть свои особенности, что очевидно, но в целом проблемы достаточно общие. Что же происходит в Центральной Азии?

Результаты и обсуждение

Важнейший мировой ресурс

Вода столь важный для жизни ресурс, что попытки контролировать его появились вместе с зарождением на берегах рек ранних цивилизаций. Сначала такое управление было важно для гигиены и ирригации, в средние века и новое время — для судоходства. Вопросы свободы судоходства вошли в повестку дня Венского конгресса 1815 г. [2], в середине прошлого века они становятся источником конфликтов между государствами (Индия и Пакистан относительно Инда; Египет и Судан — Нила; Канада и США — Колумбии и т. д.) [10] и попадают под более пристальное внимание со стороны ООН.

Комиссия международного права ООН разработала такие понятия, как «международный водоток», «многонациональные реки», «трансграничные реки», «несудоходное использование международных водотоков» и т. д, с одной стороны, с другой — были выделены четыре подхода в принципах разделения, в частности, международных водотоков, однако консенсуса в пользу одного из них не нашли. В табл. 1 представлено, как это может выглядеть в современной интерпретации.

Таблица 1

Концепции использования трансграничных рек
Table 1. Concepts for the use of transboundary rivers

Концепция	Интерпретация основных положений идеи
Идея абсолютного суверенитета	Рациональное использование всех запасов воды для поддержания местной общины
Абсолютная территориальная целостность	Поддержка стран ресурсом ниже по течению
Ограниченный территориальный суверенитет	Расширение ненанесения ущерба чужой собственности через поддержку стран ниже по течению
Теория общности интересов	Комплексное управление водными ресурсами

Источник: составлено по [9].

¹ Международное десятилетие действий «Вода для жизни», 2005–2015 годы [Электронный ресурс] // ООН. URL: <https://docs.un.org/ru/A/C.2/70/5> (дата обращения: 21.05.2025).

² Декларация ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420355765> (дата обращения: 21.05.2025); Цели устойчивого развития (ЦУР) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (дата обращения: 21.05.2025).

³ Международное десятилетие действий «Вода для устойчивого развития», 2018–2028 годы [Электронный ресурс] // ООН. URL: <https://docs.un.org/ru/A/RES/71/222> (дата обращения: 21.05.2025).

⁴ Водный кризис угрожает миру во всем мире (доклад) [Электронный ресурс] // «ЮНЕСКО» 2024. URL: <https://www.unesco.org/ru/articles/vodnyy-krizis-ugrozhaet-miru-vo-vsem-mire-doklad> (дата обращения: 21.05.2025).

Представленная таблица — это скорее некая рамка, в которой каждая страна разрабатывает свою водную политику. Иногда теорию общих интересов называют Доктриной справедливого использования водных ресурсов, призванной примирить противоречия сторон [7]. К большому сожалению, это не всегда удается. Как правило, проблемы возникают из-за раздела воды — кто, сколько и когда может ее использовать. Ситуации здесь похожие. Вода используется для ирригации и производства электроэнергии (помимо бытовых нужд). Так, в Центральной Азии (ЦА) это противоречие между «верхними» странами (расположенными выше по течению) — Киргизией и Таджикистаном, заинтересованными в выработке электроэнергии, и «нижними» — Узбекистаном, Казахстаном, производящими сельскохозяйственные продукты. Столкновение интересов государств приводило к тяжелым последствиям. С 2010 по 2022 г. было зафиксировано более 230 вооруженных пограничных инцидентов [Там же].

Существуют индикаторы конфликтности, показатели, имеющие количественные выражения. Это степень остроты водно-ресурсной ситуации в странах, имеющих трансграничные речные бассейны, и показатель доли транзитного речного стока, образующегося за пределами территории искомой страны (например, Узбекистан — 77%) [6].

Можно сказать, что в той или иной степени фактически все известные в этой сфере наработки вошли в Программу ООН — Цели в области устойчивого развития.

Для нашей темы важна Цель устойчивого развития № 6 (ЦУР 6) — «Чистая вода и санитария» — обеспечение доступности и устойчивого использования водных ресурсов и санитарии для всех. Как известно, программа имеет сложную структуру: есть цели и задачи, обозначаемые цифрами и буквами и имеющие количественную характеристику. Для нашего ракурса на проблему важны задачи, входящие в направление 6.5, что трактуется как «обеспечение комплексного управления водными ресурсами» (в табл. 1 это соответствует теории общности интересов). Направление 6.a — расширение поддержки развивающихся стран в области водоснабжения и санитарии — можно интерпретировать как теории абсолютной территориальной целостности или ограниченного территориального суверенитета; 6.b — поддержка местных общин в улучшении водного хозяйства и санитарии — доктрина абсолютного суверенитета.

С помощью показателя ЦУР 6.5.2 отслеживается трансграничное взаимодействие в международных водных бассейнах рек и озер. Основным параметром расчета этого показателя является площадь трансграничных водоемов, охваченных действующим механизмом международного сотрудничества. Механизмы очевидно различные. Это и двухсторонние и многосторонние договоры между странами, и региональные и глобальные конвенции. Большое значение в данном случае обращается на то, чтобы механизм был реально действующим. Для этого он должен удовлетворять четырем критериям: иметь совместный орган (например, организацию речного бассейна), проводить ежегодные встречи на политическом и техническом уровнях, иметь налаженный обмен данными и скоординированный план действий достижения целей¹. Таким образом, для раскрытия заявленной темы представляется необходимым рассмотреть две задачи: определить политико-юридическую рамку международного сотрудничества в рассматриваемой сфере отношений и ее эффективность. При этом в качестве численного значения эффективности взят показатель ЦУР 6.5.2. Глобальной юридической рамкой в рассматриваемом вопросе являются как общеполитические, так и специальные (функциональные) документы.

Общеполитические: Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Резолюция ГА ООН (2010 г.) «Право на безопасную чистую питьевую воду и санитарии», в которой право на питьевую воду и право на санитарии признано правами человека; Рекомендации Совета по правам человека и Специального докладчика по вопросам по правам человека и т. п.

Специальные конвенции: Конвенции по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер 1992 г. и 1999 г.; Конвенция по проблемам воды и здоровья; Конвенция о праве несудоходных видов использования международных водотоков (1997 г.); Рамсарская конвенция о водно-болотистых угодьях; Конвенция ООН по борьбе с опустыниванием; Рамочная конвенция ООН об измене-

¹ Цель устойчивого развития 6, показатель 6.5.2: трансграничное водное сотрудничество [Электронный ресурс] // ЮНЕСКО. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000384984_rus (дата обращения: 05.05.2025).

нии климата¹ [2]. Протокол по проблемам воды и здоровья (1999 г.) вступил в силу в 2006 г. и является первым юридическим документом, устанавливающим связь между устойчивым управлением водными ресурсами и снижением количества заболеваний, связанных с водой. Очевидно, что он является важнейшим из документов достижения как ЦУР 3, так и ЦУР 6. Интересно, что текст протокола ссылается не только на «водные конвенции», но и на Конвенцию о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусская конвенция)², что явно подчеркивает политический вектор документа. Из стран Центральной Азии к протоколу присоединился Узбекистан (2024 г.).

Обсуждение

Управление водными ресурсами в рамках гидрографических границ бассейнов является одним из основных принципов управления этим ресурсом. Главное здесь — *бассейновый принцип управления*, специалисты определяют его как управление водным фондом по гидрографическим признакам, реализуемое при распределении водных ресурсов в пределах бассейнов рек, озер и других водных объектов между административно-территориальными единицами (по сути, это ст. 1 Водного кодекса Российской Федерации). Иными словами, основным является гидрография, а не границы государства.

Бассейновый принцип управления природными ресурсами в мировой практике начал применяться на рубеже XIX–XX вв., когда были реализованы первые модели взаимосвязанного использования водных и земельных ресурсов в водосборных бассейнах в США.

В России бассейновый принцип стал применяться только в 1980-х гг., а в дальнейшем и в других республиках³. С рассматриваемой точки зрения ЦА представляет собой обширную бессточную область замкнутого Арало-Каспийского бассейна. В то же время эта территория по физико-географическим условиям может быть разделена на четыре крупных морских и озерных бассейна: бассейн Аральского моря, бассейн озера Балхаш, северо-восточная часть бассейна Каспийского моря, рек Урала и Эмбы и бассейн Карского моря. Границы первого бассейна почти совпадают с Центральной Азией, охватывает всю территорию Таджикистана, Узбекистана, большую часть Туркменистана, четыре области Кыргызстана, южную часть Казахстана и северную часть Афганистана и Ирана. Водные ресурсы бассейна Аральского моря принадлежат, главным образом, бассейнам рек Сырдарья и Амударья, и происходящее здесь, по сути, является главным для региона в целом [7].

Если взглянуть на соответствующие карты, то сразу же бросится в глаза яркий красный цвет, свидетельствующий о недостатке воды. Да что там карты. То, что воды нет или ее очень мало, знают по собственному опыту многие жители Центральной Азии — год от года становится жарче. То, что проблемы существуют, понимают все. Руководители центральноазиатских государств предлагают решения проблемы в международном масштабе, в частности, в партнерстве с ЕС [5].

Лидеры стран Центральной Азии используют и трибуну Генеральной Ассамблеи ООН, выдвигая различные инициативы. В частности, в 2016 г. по инициативе президента Таджикистана Э. Рахмона была принята Резолюция ГА ООН «Вода для жизни, 2005–2015». А сейчас претворяется в жизнь новая инициатива «Вода для устойчивого развития, 2018–2028 годы»⁴. Несмотря на все эти усилия, водная проблема как в мире, так и в Центральной Азии далека от решения. Основные вызовы, стоящие перед государствами ЦА в водно-энергетической сфере, следующие (табл. 2).

¹ Права человека на воду и санитарии на практике [Электронный ресурс] // ЕЭК ООН. URL: https://unece.org/sites/default/files/2021-04/ECE_MP.WH_17_RUS_web.pdf (дата обращения: 05.05.2025).

² Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусская конвенция) [Электронный ресурс] // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orhus.shtml (дата обращения: 05.05.2025).

³ ЭКОДЕЛО [Электронный ресурс]. URL: https://ecodelo.org/3680-basseinovyi_sovet_mekhanizm_konsolidatsii_vlasti_i_obshchestvennosti-basseinovyi_podkhod (дата обращения: 06.05.2025).

⁴ Конференция ООН по среднесрочному всеобъемлющему обзору хода реализации Международного десятилетия действий «Вода для устойчивого развития, 2018–2028 гг.» [Электронный ресурс] // Душанбинский водный процесс. URL: <https://dushanbewaterprocess.org/itogovye-dokumenty/?lang=ru> (дата обращения: 08.05.2025).

Основные вызовы, стоящие перед государствами Центральной Азии в водно-энергетической сфере
 Table 2. The main challenges facing the Central Asian States in the water and energy sector

Общие вызовы	
Воздействие климатических изменений	
Возникновение условий, ведущих к дефициту воды	
Диспропорция между предложением и спросом на воду, ведущая к политической конкуренции на региональном уровне	
Возникновение рисков для продовольственной безопасности	
В энергетическом секторе	В водном комплексе
Высокий износ генерирующих мощностей — 44–75%	Сокращение объемов водоснабжения в результате сокращения ледников и талой воды (Бассейн Аральского моря — 1,4 тыс. м ³ ; критический уровень — 1,7 тыс. м ³)
Высокий уровень потерь — 7–20%	Высокий уровень засоленности орошаемых земель — 50%
Разбалансировка производства и потребления	Нарушение проектных режимов работы водохранилищ и ГЭС
Снижение надежности снабжения в результате нехватки маневренных мощностей	Потеря регулирующей способности водохранилищ
Нерациональное использование гидроэлектроэнергии; несовпадение пиков производства и потребления	Противоречия стран верховья и низовья
Страновые различия в правовых механизмах, регуляторной и тарифной политике	Отсутствие эффективного межгосударственного регулирования

Источник: составлено авторами по докладу ЕАБР «Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии».
 URL: https://eabr.org/upload/iblock/185/EDB_WEC_CA_Report_RU_web.cleaned.pdf

Водная проблема относится к сложным социальным вопросам, она очень политизирована, поэтому часто эмоции и политические интересы преобладают над научными фактами. Среди местных экспертов нет единого мнения. Признано, что дефицит воды существует¹ (материал 2024 г.), и это необходимо решать как можно быстрее². По данным Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН ФАО, запасы водных ресурсов в странах Центральной Азии в расчете на душу населения достаточны (около 2,3 тыс. м³). Проблема заключается не в дефиците, а в нерациональном использовании. В Докладе ФАО говорится о том, что страны ЦА входят в десятку лидеров водопотребления. Но для получения единицы продукции в сельском хозяйстве государства ЦА расходуют в 2,5–3 раза больше воды, чем развитые страны³. По мнению специалистов Евразийского банка развития (ЕАБР), критичность этой ситуации в том, что более 80% доступной воды в Центральной Азии тратится на поливное орошение, 40% из этого объема теряется ежегодно во время доставки воды прямо на полях. Кроме того, на фоне уже видимого изменения гидрологического режима рек и устойчивого роста потребления воды в ближайшие несколько лет проблема нехватки воды усугубится⁴.

Управление водными ресурсами в Центральной Азии

Создание механизма, который был призван заменить советскую систему управления водными ресурсами Средней Азии и Казахстана, началось сразу же после обретения независимости странами этого региона. В 1992 г. было подписано соглашение между Казахстаном, Киргизией и Таджикистаном «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников». Координация водохозяйственной деятельности возлагается на Межгосударственную координационную водохозяйственную комиссию (МКВК), которая и определяет политику в данной сфере отношений. К сожалению, время показало невысокую эффективность такого

¹ Интернет-портал СНГ [Электронный ресурс]. URL: <https://e-cis.info/news/566/119605/> (дата обращения: 06.05.2025).

² Там же. URL: <https://e-cis.info/news/566/107472/> (дата обращения: 06.05.2025).

³ Там же.

⁴ Водный кризис в Центральной Азии: от диагностики к решительным действиям [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития. URL: <https://eabr.org/press/releases/vodnyy-krizis-v-tsentralnoy-azii-ot-dagnostiki-k-reshitelnym-deystviyam/> (дата обращения: 06.05.2025).

управления. Говоря о водных ресурсах, речь в первую очередь идет о реках. Государства, где находятся их истоки, используют энергию воды для получения электроэнергии. Ниже по течению занимаются сельским хозяйством; вода здесь нужна для полива растений. Пики потребления воды для этих хозяйственных нужд не совпадают (максимум необходимой электроэнергии надо производить зимой, следовательно, использовать в ГЭС максимум воды, которой зимой нечего поливать). В середине 1990-х гг. была предложена идея создания Международного водно-энергетического консорциума (МВЭК), наделенного большими полномочиями по регулированию оптимизации работы ГЭС. У идеи есть как сторонники, так и противники. Результат — решение по реализации не принято. Многосторонние и двухсторонние переговоры об эффективном регулировании водно-энергетического комплекса и трансграничного сотрудничества ведутся с 1992 г. Но ни один из проектов соглашения по этому вопросу общего одобрения не получил. Пока основным механизмом регулирования водного ресурса остаются международные и межгосударственные соглашения в этой сфере правоотношений. В принципе, это соответствует международному опыту. Речь идет о реализации показателя ЦУР 6.5.2. В таблице 3 показаны взаимные соглашения в рассматриваемой сфере правоотношений.

Таблица 3

Взаимные соглашения центральноазиатских государств сфере управления водными ресурсами

Table 3. Mutual agreements of the Central Asian States in the field of water resources management

Страна	1	2	3	4	5	6	7	8
1 Казахстан		++	+	+	++	+	—	—
2 Киргизия	+		+	—	+	—	—	—
3 Таджикистан	—	—		—	—	—	—	—
4 Туркменистан	+	+	—		+++	+ ¹⁺	—	+ ²⁺⁺
5 Узбекистан	+++	+++	+++	+++		—	—	—
6 Иран ³	—	—	—	—	—		—	—
7 Россия ⁴	—	—	—	—	—	—		—
8 Афганистан ⁵	—	—	—	+	—	+	—	

Примечания:

¹ Соглашение, заключенное между СССР и Персией (1926 г.), ныне между Туркменистаном и Ираном.

² Договор между СССР и Афганистаном 1958 г., ныне между Туркменистаном и Афганистаном.

³ Иран не дает данные в эту базу.

⁴ РФ в этой базе показала соглашения с европейскими странами.

⁵ Афганистан не дает данных в эту базу.

+ — соглашения разного уровня

— — нет либо не найдено данных

Источник: составлено авторами на основе URL: <https://unece.org/national-country-reports-sdg-indicator-652>

В соглашениях рассматриваются различные вопросы регулирования водных ресурсов. В том числе и вопросы мониторинга различного уровня, что важно для понимания реального потребления страной данного ресурса. Так, например, проводится установка счетчиков воды, чтобы в стране (речь идет в данном случае о Киргизии) фермеры могли распределить воду поровну¹. Еще дальше пошли в этом смысле Казахстан и Узбекистан. Они договорились установить счетчики друг у друга, чтобы отслеживать водопотребление и обмениваться данными в режиме онлайн². Но, как правило, все эти двусторонние соглашения общерегиональные, и также многосторонние соглашения отсутствуют.

¹ Водный кризис в Центральной Азии: от диагностики к решительным действиям [Электронный ресурс]. URL: <https://eabr.org/press/releases/vodnyy-krizis-v-tsentralnoy-azii-ot-diagnostiki-k-reshitelnyim-deystviyam/> (дата обращения: 05.05.2025).

² Водная политика [Электронный ресурс]. URL: <https://waterpolitics.com/kazakhstan-and-uzbekistan-agree-to-install-transboundary-water-meters/> (дата обращения: 05.05.2025).

Таким образом, в регионе ЦА указанный показатель находится на высоком уровне, но не отражает в полной мере положение дел. Поэтому многие эксперты говорят о необходимости многостороннего или регионального регулирования.

Международный фонд спасения Арала (МФСА) — единственная региональная организация, которая включает в себя все пять государств Центральной Азии [1]. На протяжении тридцати лет фонд является ключевой платформой для обсуждения водных проблем. Ожидается, что в ближайшее время закончится его реформирование, что поможет фонду раскрыть свой потенциал, проще говоря, стать эффективной структурой¹.

Проблема водных ресурсов постоянно фигурировала на различных уровнях обсуждения, не занимая первые полосы информгентств. Но многое изменилось в 2023 г. Возмутителем спокойствия стал Афганистан. Обычно в связи с этой страной упоминаются террористы и наркотрафик, но в данном случае речь идет о воде. Дело в том, что эта страна реализует, и весьма успешно, грандиозный проект по переброске воды из Амударьи с помощью строительства канала Куш-Тепа. Проект должны закончить в 2028 г. Протяженность канала составит 285 км, при глубине 8,5 м ширина должна быть от 100 до 215 м. По сути дела, точных данных очень мало. Но те, которые имеются, говорят о больших сложностях, ожидающих страны ЦА. Афганистан заберет от половины до одной трети воды этой реки. Что очевидно создаст большие трудности. Выше было показано, что с Афганистаном практически нет соглашений и договоренностей в сфере раздела водных ресурсов. На Пятой консультативной встрече глав государств ЦА (2023 г.) было принято решение о необходимости подготовки планов развития бассейнов Амударьи и Сырдарьи с учетом появления нового афганского фактора с участием международных консультантов. Но афганская сторона не проявила готовность участвовать в переговорном процессе [4].

В 1946 г. СССР и Афганистан подписали соглашение по Амударье, согласно которому последний имел право использовать до 9 км³ воды реки Пяндж из 19 км³ общего стока реки². Соглашения Туркменистана с Афганистаном, приведенные выше, касаются только приграничных рек, в основном чистки русел. В 1977 г. велись переговоры об уменьшении квоты до 6 км³, но афганская сторона не согласилась и новое соглашение не было подписано³. Иными словами, никаких договоров со странами Средней Азии об использовании вод реки у Афганистана никогда не было⁴. В этом смысле с тех пор ничего не изменилось. Но это справедливо только с точки зрения самого результата. В 2002 г. и 2014 г. афганские власти под патронатом США предложили подписать договор вместо соглашения 1946 г. Инициатива не была поддержана странами ЦА. Но правительству талибов предложили присоединиться к деятельности межгосударственной координационной водохозяйственной комиссии, определяющей квоты водопользования в ЦА. Здесь отказались талибы [Там же]. Региональные взаимодействия развиваются очень активно. Специальные представители по Афганистану Исламской Республики Иран, Китая, Пакистана и Российской Федерации встретились в Тегеране. На заседании Совета глав государств Шанхайской организации сотрудничества были приняты декларации по достижению прочного мира и стабильности в Афганистане. Мероприятия прошли в Мекке, Саудовская Аравия, а также состоялся форум под названием «Формируя будущее» в Казани, Российская Федерация⁵.

Но в нашей теме главное то, что Ташкент начал прямые переговоры с Кабулом по строительству канала⁶. Прошли три раунда переговоров. Официальная позиция Узбекистана однозначна: «Талибы то-

¹ Водный кризис в Центральной Азии: от диагностики к решительным действиям [Электронный ресурс]. URL: <https://eabr.org/press/releases/vodnyy-krizis-v-tsentralnoy-azii-ot-diagnostics-k-reshitelnym-deystviyam/> (дата обращения: 05.05.2025).

² Декларация тысячелетия и Цели развития тысячелетия [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/documents/decl_conv/declarations/summitdecl.shtml; <https://sdg.openshkola.org/mdg> (дата обращения 06.07.2025).

³ Ташкент поделится с Кабулом технологиями [Электронный ресурс] // Независимая газета 26.01.2023. URL: https://www.ng.ru/cis/2023-03-26/5_8689_asia.html (дата обращения 08.07.2025).

⁴ Водные ресурсы Центральной Азии: канал Куш-Тепа и фактор Афганистана [Электронный ресурс]. URL: <https://rivers.help/n/2963> (дата обращения: 06.05.2025).

⁵ Положение в Афганистане и его последствия для международного мира и безопасности. Доклад Генерального секретаря A/79/341–S/2024/664 [Электронный ресурс]. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n24/249/81/pdf/n2424981.pdf> (дата обращения: 05.05.2025).

⁶ Ташкент поделится с Кабулом технологиями [Электронный ресурс] // Независимая газета 26.01.2023. URL: https://www.ng.ru/cis/2023-03-26/5_8689_asia.html (дата обращения 08.07.2025).

же имеют право забирать воду из Амударьи». Узбекская сторона надеется, что со временем, к 2028 г., будут готовы соответствующие документы, которые позволят «разделить» воду. Очевидно, что просто сделать это не удастся; по мнению ЮНИСЕФ, это приведет к потере 250 тыс. рабочих мест в сельском хозяйстве Узбекистана и снизит ВВП страны на 0,7%¹.

Тем временем строительство идет достаточно быстро — для Афганистана это прорывной проект. Уже построено 87% второй фазы строительства и, по словам исполняющего обязанности министра сельского хозяйства, ирригации и животноводства А. Омари, уже идет распределение земель под создание сельскохозяйственных и промышленных комплексов вокруг канала Куш-Тепе². Канал представляется действительно грандиозным сооружением. Так, только на участке строительства второго этапа канала будет построено шесть автомобильных мостов, которые соединят деревни и районы. Однако до сих пор общественности не были раскрыты важные детали строительства. Афганская сторона утверждает, что использует самые современные методы возведения таких объектов. Но есть утверждения, что канал не имеет бетонного покрытия, а просто прорыт в грунте, что предполагает бесполезную потерю больших объемов воды. Третий раунд переговоров прошел в 2024 г. в Ташкенте, Узбекистан. До этого стороны встречались еще два раза в Кабуле и Мазари-Шарифе³. Результатом встреч стало создание совместной делегации по строительству канала. Но детали деятельности делегации не разглашаются. Для Афганистана канал жизненно необходим. Вода даст возможность производить достаточное количество пшеницы для удовлетворения нужд страны. Кроме того, это позволит возвратиться из Пакистана в Афганистан беженцам.

В Центральной Азии споры из-за водных ресурсов не редкость. Иногда они переходят в этнические и даже вооруженные конфликты. При этом, как было показано, если судить по результатам отчета достижения ЦУР 6.5.2, ситуация вполне благоприятная. Несмотря на это (наличие соглашений, см. табл. 2), Китай прекратил финансирование некоторых проектов из-за протестов третьей стороны. Россия прекращала некоторые проекты в Таджикистане под давлением Узбекистана⁴. В указанных документах по ЦУР в Отчете КНР приложена Записка о международной деятельности Китая в развитии трансграничных рек. В ней представлены принципы такого сотрудничества. Например, Китай придерживается следующих основных принципов при использовании и защите трансграничных рек:

- укрепление международного сотрудничества с целью поиска общих позиций, устранение разногласий путем взаимовыгодных переговоров со своими соседями по вопросам освоения, использования и защиты международных рек;
- упор должен быть сделан на установление хороших отношений сотрудничества с соседними странами в отношении использования и защиты международных рек;
- использование различных способов и различных форматов, включая создание механизмов сотрудничества;
- стремление к лучшему диалогу и более глубокому взаимному доверию для совместного строительства сообщества с общим будущим для человечества в международных речных бассейнах;
- ориентация на людей; развитие остается главным приоритетом.

Использование международных рек не только играет решающую роль в сокращении бедности, улучшении средств к существованию и содействии развитию, но также помогает странам реализовывать и защищать основные права человека, такие как права на выживание и развитие. При решении вопросов, связанных с международными реками, необходимо:

- придерживаться принципа разделения прав и обязанностей. Прибрежные страны международных рек как пользуются правами на рациональное развитие и использование водных ресурсов,

¹ В США обеспокоены строительством канала Куштепе [Электронный ресурс]. URL: <https://kun.uz/ru/news/2024/12/02/v-ssha-obespokoyeny-stroitelstvom-kanalom-kushtepa> (дата обращения: 05.05.2025).

² Исполняющий обязанности министра сельского хозяйства призывает к эффективному использованию земель канала Куш-Тепе [Электронный ресурс]. URL: <https://tolonews.com/index.php/afghanistan-193330> (дата обращения: 05.05.2025).

³ Третий раунд переговоров по каналу Куш-Тепе пройдет в Ташкенте [Электронный ресурс]. URL: <https://kun.uz/ru/98525910> (дата обращения: 05.05.2025).

⁴ Сеть водохозяйственных организаций стран Восточной Европы, Кавказа и ЦА [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eecca-water.net/content/view/10600/51/lang,ru/> (дата обращения: 05.05.2025).

так и несут обязанности учитывать разумные права и интересы других. Кроме того, они должны выполнять обязательства по защите водных ресурсов;

- настаивать на полном уважении прав всех прибрежных стран, согласовании разумных требований районов как верхнего, так и нижнего течения, а также левого и правого берегов, балансировании соответствующих прав и обязанностей и достижении общего устойчивого развития в бассейнах;
- уделять равное внимание развитию и защите. Международные реки являются ценными ресурсами и сокровищами для всех прибрежных стран.

Китай имеет более сорока межправительственных и межведомственных соглашений о сотрудничестве и меморандумов о взаимопонимании по комплексному управлению водными ресурсами трансграничных рек со всеми странами, с которыми у него есть дипломатические соглашения.

Часто соглашения имеют и соответствующие органы, комитеты, комиссии и т. д. Комиссии и комитеты есть в соглашениях между Китаем и Казахстаном, Китаем и Россией. Обмен техническими данными осуществляется с Киргизией и Таджикистаном.

Надо сказать, что Китай не просто повторяет чужой опыт, но движется дальше, углубляя сотрудничество. Наиболее успешной системой управления рекой является Дунайская комиссия. Китай с другими странами участвовал в трансграничном речном сотрудничестве со странами Меконга в рамках механизма диалога Комиссии по реке Меконг Китай — Мьянма. Механизм решает не только вопросы гидрологические, но и политические, а также проблему безопасности путем совместного патрулирования.

Заключение

Наблюдаемое повсеместно потепление усугубляет водные проблемы во всем мире. Не является исключением из этого и регион Центральной Азии. Этой проблеме уделяется постоянное внимание со стороны руководства государств региона. Но решение, удовлетворяющее всех, пока не найдено. В последние два года страны в разной степени столкнулись с новым вызовом — строительством канала Куш-Тепа на реке Амударья в Афганистане. Канал, безусловно, уменьшит количество воды в реке. Вызовом является и то, что по известным причинам между Афганистаном и другими странами отсутствуют какие-либо договоренности об использовании трансграничных рек. Мировой практикой проверена важность подобных договоренностей; формальным показателем в данном случае служит показатель ЦУР 6.5.2, учитывающий соглашения любого формата. Показано, что проблема должна решаться на региональном (квазибассейновом) уровне, в идеальном случае — международной интеграционной структурой или международной межправительственной организацией, включающей все заинтересованные страны.

У России имеются подобные проблемы [6]. В частности, очень сложная ситуация может возникнуть вокруг реки Иртыш¹. Авторы доклада «Бассейн реки Иртыш: трансграничные вызовы и практические решения» (сотрудники ЕАБР) склоняются к тому, что необходим общий механизм мониторинга и управления водными ресурсами. Подобные механизмы есть, и можно надеяться, что они будут разработаны и начнут действовать и в регионе Центральной Азии.

Авторы статьи согласны с предложением включить решение вопроса управления водными ресурсами в повестку дня ШОС и СНГ. И предлагают включить еще МПА СНГ, учитывая, что подобная работа проводилась МПА ЕвразЭС.

Список литературы

1. Бахретдинова Х. А., Дустназарова С. А. Факторы улучшения обстановки на территории Аральского моря // Вестник науки и образования. 2020. № 10-4 (88). С. 127–129. EDN: RLUENB. DOI: 10.24411/2312-8089-2020-11012.

¹ Бассейн реки Иртыш: трансграничные вызовы и практические решения [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития. Алматы, 2025. URL: https://eabr.org/upload/iblock/158/EDB_2025_Irtysh_Report_RU.pdf (дата обращения: 05.05.2025).

2. *Вылегжанин А. Н., Тертус Е. Е.* Международное водное право как учебная дисциплина // Московский журнал международного права. 2015. № 1. С. 60–86. EDN: XAMQIZ
3. *Жильцов С. С., Зонн И. С.* Роль водных ресурсов в Центральной Азии // Проблемы постсоветского пространства. 2019. Т. 6, № 3. С. 228–237. EDN: VZBOMC. DOI: 10.24975/2313-8920-2019-6-3-228-237.
4. *Зонн И. С., Жильцов С. С., Семенов А. В., Костяной А. Г.* Водная политика Афганистана в Центральной Азии // Вестник Московского университета имени С. Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2018. № 3 (26). С. 54–66. EDN: YLREKT. DOI: 10.21777/2587-554X-2018-3-54-66.
5. *Катагощина М. В., Комлева В. В., Кузьменко Е. А., Шеин С. А.* Многовекторность во внешней политике стран постсоветского пространства: актуальные проблемы и тенденции // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 4 (14). С. 105–123. EDN: FROGRA. DOI: 10.53658/RW2024-4-4(14)-105-123.
6. *Кочетков В. В., Медков А. А., Кузьменко Е. А., Нессар О. М.* «Водные войны» как источник и инструмент международных конфликтов // Россия и мир: научный диалог. 2023. № 4. С. 118–133. EDN: LDWFCH. DOI: 10.53658/RW2023-3-4(10)-118-133.
7. *Мустафайеви А. М.* Центральная Азия: проблема водопользования в контексте сооружения афганского канала Куш-Тепе // Россия и мир: научный диалог. 2024. № 2 (12). С. 66–79. EDN: FCOXOO. DOI: 10.53658/RW2024-4-2(12)-66-79.
8. *Никанорова А. Д., Егоров С. А.* Становление принципов и норм, регулирующих использование государствами трансграничных водных ресурсов // Водные ресурсы. 2019. Т. 46. № 1. С. 114–120. EDN: YZGLZR. DOI: 10.31857/S0321-0596461114-120.
9. *Саудамиров Б. Ш., Торопыгин А. В.* Водные проблемы Центральной Азии: механизмы решения на разных уровнях политического управления // Евразийская интеграция: экономика, право, политика 2018. № 4 (26). С. 34–42. EDN: SVXQLR.
10. *Эюбов Э. Я.* От Хельсинкских правил до Конвенции ООН о праве несудоходного использования международных водных водотоков 1997 г. // Московский журнал международного права. 2009. № 2 (74). С. 186–195. EDN: KVXTVP. DOI: 10.24833/0869-0049-2009-2-186-195.

Об авторах:

Торопыгин Андрей Владимирович, доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Северо-Западный институт управления (Санкт-Петербург, Российская Федерация);
e-mail: toropygin-av@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-0678-3347

Киселева Анастасия Андреевна, кандидат политических наук, заместитель генерального директора, ООО «ЭКОлаб Северо-Запад» (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: Anastasiaat@list.ru

References

1. Bahretdinova, H. A., Dustnazarova, S. A. Factors for Improving the Situation in the Aral Sea. 2020 // Bulletin of Science and Education. No. 10-4 (88). P. 127–129 (In Rus.). EDN: RLUEHB. DOI: 10.24411/2312-8089-2020-11012.
2. Vylegzhanin, A. N., Tertus, H. E. International Water Law as a Branch of Legal Science // Moscow Journal of International Law. 2015. No. 1. P. 60–86 (In Rus.). EDN: XAMQIZ.
3. Zhiltsov, S. S., Zonn, I. S. Role of Water Resources in Central Asia // Post-Soviet Issues. 2019. Vol. 6. No. 3. P. 228–237 (In Rus.). EDN: VZBOMC. DOI: 10.24975/2313-8920-2019-6-3-228-237.
4. Zonn, I. S., Zhiltsov, S. S., Semenov, A. V., Kastyanov, A. G. Water Policy of Afghanistan in Central Asia // Bulletin of Moscow Witte University. Series 1: Economics and Management. 2018. No. 3 (26). P. 54–66 (In Rus.). EDN: YLREKT. DOI: 10.21777/2587-554X-2018-3-54-66.

5. Katagoshchina, M. V., Komleva, V. V., Kuzmenko, E. A. Shein, S. A. Multi-vector Approach in the Foreign Policy of the Post-Soviet Countries: Current Issues and Trends // *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2024. No. 4 (14). P. 105–123 (In Rus.). EDN: FROGRA. DOI: 10.53658/RW2024-4-4(14)-105-123.
6. Kochetkov, V. V., Medvedkov, A. A., Kuzmenko, E. A., Nessar, O. M. “Water Wars” as a Source and Instrument of International Conflicts // *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2023. No. 4 (10). P. 118–133 (In Rus.). EDN: LDWFCH. DOI: 10.53658/RW2023-3-4(10)-118-133.
7. Mustafabeyli, A. M. Central Asia: the Problem of Water Use in the Situation of the Construction of the Afghan Kush-Tepa Canal // *Russia & World: Scientific Dialogue*. 2024. No. 2 (12). P. 66–79 (In Rus.). EDN: FCOXOO. DOI: 10.53658/RW2024-4-2(12)-66-79.
8. Nikanorova, A. D., Egorov, S. A. Development of Principles and Norms to Regulate Non-Navigational Use of International Water Flows // *Water Resources*. 2019. Vol. 46. No. 1. P. 114–120 (In Rus.). EDN: YZGLZR. DOI: 10.31857/S0321-0596461114-120.
9. Saidamirov, B. S., Toropygin, A. V. Water Problems of Central Asia: Solution Mechanisms at the Different Levels of Political Management // *Eurasian Integration: Economics, Law, Politics*. 2018. No. 4 (26). P. 34–42 (In Rus.). EDN: SVXQLR.
10. Eyyubov, E. From the Helsinki Rules to the UN Convention on Non-navigational Use of International Watercourses 1997 // *Moscow Journal of International Law*. 2009. No. 2 (74). P. 186–195 (In Rus.). EDN: KVXTVP. DOI: 10.24833/0869-0049-2009-2-186-195.

About the authors:

Andrey V. Toropygin, Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of International Relations, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, North-West Institute of Management (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: toropygin-av@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-0678-3347

Anastasia A. Kiseleva, Deputy General Director, ECOLab North-West LLC (Saint Petersburg, Russia), Candidate of Political Sciences;
e-mail: Anastasiaat@list.ru

© Торопыгин А. В., Киселева А. А., 2025

Генезис и доктринальные черты стратегической культуры России

Кожухова К. Е.

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

e-mail: kira.kozhuhova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1725-3042

РЕФЕРАТ

Российская стратегическая культура обладает исключительным набором характеристик, отражающих специфику проведения современной российской внешней политики. Исторические особенности основания российского государства и традиции военной мысли определили особенности применения Российской Федерацией военной силы и ее стратегической культуры, а также формат видения миропорядка, отражающего национальные интересы России. Сущность российской стратегической культуры составляют следующие идейные элементы: превентивность в отражении угроз со стороны внешнего мира, великодержавность и «срединность» государства относительно мирового порядка, «русский путь» милитаризованного начала российской внешней политики как основной базис национальной обороны, потребность в равном и справедливом мировом порядке, учитывающем интересы всех участников. Данные обстоятельства оказывают влияние на формирование доктринальных оснований современной российской внешней политики, формируя особую политическую риторику документов стратегического планирования Российской Федерации. **Цель.** Проанализировать генезис российской стратегической культуры и дать оценку реализации ее постулатов в документах стратегического планирования Российской Федерации.

Методология. В работе применяется контент- и дискурс-анализ для выявления сущности и содержания российской стратегической культуры в доктринальных документах. Также материал содержит анализ документов и источников, необходимый для понимания специфики российской стратегической культуры. **Результаты.** В ходе проведенного анализа выявлены проявления стратегической культуры России в таких документах, как Концепция внешней политики, Военная доктрина и др., что отражает преемственность идейных оснований внешней политики России, а также отображает идейные основания России в понимании мирового порядка: равенство всех государств, превалирование интересов государства перед личностью, отрицание гегемонизма и унификации культурно-цивилизационных особенностей стран мира. Немаловажно, что подобный стратегический взгляд российского народа находит выражение в практике современной российской внешней политики, ее содержательных и региональных приоритетах, отраженных, в частности, в актуальной Концепции внешней политики. **Выводы.** Особенности российской стратегической культуры детерминируют конструктивное и оборонительное начало внешнеполитического курса Российской Федерации, что отражается в документах стратегического планирования.

Ключевые слова: Россия, доктрина, безопасность, стратегическая культура, мировой порядок

Для цитирования: Кожухова К. Е. Генезис и доктринальные черты стратегической культуры России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 3. С. 103–112. EDN: BVXRFA

The Genesis and Doctrinal Features of Russia's Strategic Culture

Kira E. Kozhukhova

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

e-mail: kira.kozhuhova@mail.ru

ORCID: 0000-0002-1725-3042

ABSTRACT

Russian strategic culture has an exceptional set of characteristics reflecting the specifics of modern Russian foreign policy. The historical features of the founding of the Russian state and the traditions of military thought have determined the specifics of the use of military force by the Russian Federation and its strategic culture, as well as the format of the vision of the world order reflecting Russia's national interests and its place in it. The essence of the Russian strategic culture consists of the following ideological elements: prevention in repelling threats from the outside world, the great-power and mediocrity of the state in relation to the world order, the "Russian way" of the militarized beginning of Russian foreign policy as the main basis of national defense, the need for an equal and fair world order that takes into account the interests of all participants. These circumstances have an impact on the formation of the doctrinal foundations of modern Russian foreign policy, forming a special political rhetoric of the strategic planning documents of the Russian Federation. **Aim.** To analyze the genesis of the Russian strategic culture and to assess the implementation of its postulates in the strategic planning documents of the Russian Federation. **Methods.** The work uses content and discourse analysis to identify the essence and content of Russian strategic culture in doctrinal documents. The material also contains an analysis of documents and sources necessary to understand the specifics of Russian strategic culture. **Results.** The analysis revealed the manifestations of Russia's strategic culture in such documents as the Concept of Foreign Policy, Military Doctrine, etc., which reflects the continuity of the ideological foundations of Russia's foreign policy, as well as reflects the ideological foundations of Russia in understanding the world order: the equality of all states, the predominance of the interests of the state over the individual, the denial of hegemony and the unification of cultural civilizational features of the countries of the world. It is important that such a strategic view of the Russian people finds expression in the practice of modern Russian foreign policy, its substantive and regional priorities, reflected, in particular, in the current Concept of foreign Policy. **Conclusions.** The features of the Russian strategic culture determine the constructive and defensive beginning of the foreign policy course of the Russian Federation, which is reflected in the strategic planning documents.

Keywords: Russia, doctrine, security, strategic culture, world order

For citation: Kozhukhova K. E. The Genesis and Doctrinal Features of Russia's Strategic Culture // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 103–112 (In Rus.). EDN: BVXRFA

Введение

Российская внешняя политика изучается с учетом разноплановых факторов мировой политики, оказывающих влияние на международную политическую среду [4]. Широту спектра исследований отражают и материалы научных статей по российской внешней политике, затрагивающие как региональные векторы российского внешнеполитического курса, так и его глобальные ориентиры и проектирование [6]. Анализ современной политологической литературы показал, что исследователи сходятся во мнении об уникальности российского внешнеполитического поведения на международной арене, настаивают на существовании особого российского видения мирового порядка и наличии определенного стиля внешнеполитической реакции на внешние угрозы.

Немалый пласт современной научной литературы сосредоточен на изучении постсоветской России, ее внутренней и внешней политики, поиске точек бифуркации от имперскости до советского начала, а также поиске нового пути в международных отношениях после распада СССР. Это объясняется тем, что, несмотря на постоянное членство в Совете безопасности ООН и наличие права вето, Российская Федерация остается относительно новым субъектом международных отношений, хотя и является правопреемником внешнеполитического и прочего наследия Советского Союза.

Истоки российской стратегической культуры

Распад государства диктует и смену идеологических оснований как внутренней, так и внешней политики. В общем смысле идеологию России во внешнеполитическом отношении детерминировали следующие факторы: географическое положение, историческая память и психология осажденной крепости, экономическое развитие, религия, особенности внутривнутриполитической и международной сред [7]. Несмотря на подчеркнутую деидеологизированность, закрепленную конституционно, российское общество, как и любое другое, нуждается в идейных регуляторах. Российские политологи отмечают, что «устойчивая культурная среда всегда продуцирует собственные ценности в исторически сложившиеся институты» [8, с. 31], что дает конгруэнтную целостность общества.

Как справедливо комментируют в этой связи отечественные исследователи С. Ю. Белоконов, И. С. Бурикова и М. А. Коновалова, «Россия в XX веке прошла опыт резкой замены идеологии первого типа, опирающейся на христианскую догматику, утверждающую, что поврежденная человеческая природа вернется к своему первоначальному совершенству только после конца света, на идеологию второго типа, которая ставила перед собой задачу создания принципиально нового советского человека» [1, с. 185]. Казалось бы, такой сугубо внутренний процесс российской внешней политики, как идеология, должен иметь опосредованное влияние на внешнеполитическую деятельность, однако христианское начало имперской российской внешней политики продиктовало традицию отношения к международным оппонентам как к равным. Об этом писал еще российский философ Н. А. Бердяев: «Миссия России — быть носительницей и хранительницей истинного христианства, православия»¹, что отражает глобальную международную миссию России — народа-богоносца, несущего умеренный российский национализм для защиты самобытности и суверенности существования страны.

Советская система, которую упоминают авторы, добавила к существующей российской «христианской духовности» коммунистическую политическую структурированность и стратегическое планирование, которые впоследствии обусловили успехи в военном и техническом деле и достойное противостояние с другой мировой сверхдержавой — США. При этом, как отмечают российские политологи, «русская духовность трактуется как национальный феномен, присущий именно и только русскому народу. Она проявляется как ответственность за Россию и свой народ; соборность <...>; тяготение к размышлениям о том, что такое Россия, в чем ее сущность, призвание и место в мире; сильная межпоколенная связь <...>; сердечное восприятие красоты и доброты мира, целостное их постижение, а не вразбивку по аспектам и частям; целостно-синтетическое разумение; поиск смысла своего отношения к Богу; совестливость как основа нравственной оценки своих и чужих поступков (генетическая тяга к справедливости)» [8, с. 195]. Советская власть не смогла искоренить «русский дух», что говорит о высокой степени национального самосознания россиян, ведь, как писал философ И. А. Ильин, «Россия не есть пустое вместилище, в которое можно механически, по произволу, вложить все, что угодно, не считаясь с законами ее духовного организма. Россия есть живая духовная система, со своими историческими дарами и заданиями»².

Обратный процесс отхода от советского начала произошел уже в 2010-е гг. XXI в. после распада СССР. Ранний двадцатилетний постсоветский период можно охарактеризовать как неудавшуюся попытку имплементировать западную демократическую идеологию в российские постсоветские реалии. Российский исследователь В. Я. Гельман в своем труде «Авторитарная Россия» провокационно обозначил данный процесс как «российский тупик»: демократия не прижилась в Российской Федерации ни по «генетическим», ни по «эпигенетическим» обстоятельствам [2], поскольку ценности

¹ Бердяев Н. А. Русская идея [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Nikolaj_Berdyaev/russkaja-ideja/ (дата обращения: 09.07.2025).

² Иван Ильин о национальной идентичности и русском самосознании [Электронный ресурс]. URL: https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/38901/1/vd_2007_025.pdf (дата обращения: 11.07.2025).

индивидуализма и личной выгоды демократических ориентиров абсолютно неясны российскому обществу ни в отношении внутренних вопросов, ни в отношении внешних, ведь «либеральная идеология опирается на особенности западной ментальности — крайний индивидуализм, рассудочность, стремление к непрерывному расширению границ личной свободы» [1, с. 187], что по сути своей российскому народу просто чуждо. В общем смысле автор связывает наследственное отсутствие демократии в России с татаро-монгольским игом, царскими и имперскими установками, советской властью, о чем рассуждает и отечественный исследователь Г. Л. Тульчинский [9]. По мнению исследователей, подобное подданничество иноземцам и собственным правителям завершилось политической инертностью населения и невозможностью реализации демократических устоев ни во внутренней, ни во внешней политике. Данная полярная мысль подчеркивает исторические «неудачи» России как первооснову современного внешнеполитического «непринятия» ее со стороны западного мира.

Тем не менее с автором можно поспорить о действительной необходимости «вживления» западной ценностной парадигмы в мышление российского народа и отказе от собственного «российского пути». Например, А. И. Фурсов, анализируя монгольскую интервенцию и прочие исторические детерминанты современного российского политического мышления, пришел к необходимости создания термина «демонархия» — демократическая монархия — поскольку русская власть не моносубъектна по своему началу [10, с. 26]. Данная мысль говорит о самобытности российского политического мышления и, в частности, стратегической культуры, так как Россия никак не укладывается в прокрустово ложе западной цивилизации и «следованию пути Дао» восточной культуры. Как комментировал вышеупомянутый И. А. Ильин суть российской миссии, «как бы ни были велики наши исторические несчастья и крушения, мы призваны самостоятельно быть, а не ползать перед другими; творить, а не заимствовать; обращаться к Богу, а не подражать соседям; искать русского видения, русских содержаний и русской формы, а не ходить в кусочки, собирая на мнимую бедность»¹.

Российские международники П. А. Цыганков и А. П. Цыганков склоняются к наименованию данного феномена как «просвещенное державничество», суть которого авторы сводят к важности решения для России «задач внутреннего развития, стремясь соединить идеалы сильного, независимого государства с правами личности, проявляя при этом готовность учиться у других» [11, с. 176]. Солидарен с авторами и видный российский политолог Д. В. Ефременко, артикулируя в данном вопросе сходством идей великодержавничества и государства-цивилизации, к коим Россия причислена в Концепции внешней политики 2023 года. Цитируя Л. Ранке, автор выделяет два аспекта: «Во-первых, определяющее значение внешних вызовов для выбора той или иной державной модели поведения на мировой арене и осознания своей миссии. Во-вторых, предположение, что конкуренция великих держав пробуждает национальный дух, который обеспечивает сплочение общества для дальнейшей борьбы» [3, с. 56]. При этом Д. В. Ефременко подчеркивает, что «понимание императивов жизни на большом, богатом ресурсами и в основном открытом пространстве, которое необходимо внутренне упорядочить и защитить» [3, с. 57], является превалирующим во внешней политике уже Древней Руси. Немаловажно и то, что «слабость обоснований равенства с ключевыми европейскими державами Москве приходилось подкреплять мобилизацией ресурсов, достаточной, чтобы побудить международных партнеров на Западе признать или сделать вид, что признали ее притязания на статус» [Там же], что является актуальным до сих пор и отчасти служит причиной начала специальной военной операции на Украине.

Проведенный анализ позволяет выявить *постулаты российской стратегической культуры*.

Во-первых, государство и его интересы, интересы большинства всегда имели приоритет перед интересами отдельной личности. Как, например, комментирует независимый исследователь Е. Громогласова, «проблема Донбасса все последние годы представляла собой для России очень острый вопрос гуманитарного, этического, морально-нравственного характера. Это был вопрос

¹ Иван Ильин о национальной идентичности и русском самосознании [Электронный ресурс]. URL: https://elar.uspu.ru/bitstream/ru-uspu/38901/1/vd_2007_025.pdf (дата обращения: 11.07.2025).

о гуманитарной роли России и ее ответственности за защиту своих соотечественников и граждан»¹. Именно поэтому, несмотря на потери со стороны российской армии, большие вложения со стороны экономики и ряд оппозиционных настроений в обществе, российская политическая элита продолжает операцию для возвращения исторических русских регионов в состав государства.

Во-вторых, Россия традиционно борется против гегемонии в международных отношениях и выступает за справедливый мировой порядок. Так, отечественный исследователь В. В. Лякин комментирует, что суть борьбы России с гегемонией Запада должна строиться на следующих мерах: «Первое такое направление связано с обеспечением выполнения всеми государствами основополагающих принципов, лежащих в основе мирового порядка. В настоящее время имеет место избирательное отношение западных стран к выполнению этих принципов... Вторым направлением, вытекающим из приверженности идеям ООН, может стать обеспечение равноправного и уважительного отношения к национальным интересам различных стран. Это может касаться в первую очередь вопросов территориальной целостности и вооруженного вторжения... Третьим направлением может стать активное развитие экономического сотрудничества стран Коллективного Юга» [5, с. 97–98]. Можно сказать, что данные меры в настоящее время активно реализуются в проведении специальной военной операции на Украине, а также активизации и поддержке деятельности БРИКС.

В-третьих, российская стратегическая культура опирается на равенство государства среди других великих держав, отстаивая свой суверенитет. По заявлению Президента Российской Федерации В. В. Путина, «в основе наших отношений и совместной работы общие ценности и устремления. Мы выступаем за справедливость и равенство, за утверждение высоких идеалов дружбы и добрососедства, за согласие и взаимное уважение, за учет мнения и интересов каждого, за равную и неделимую безопасность для всех»². В практике российской внешней политики данная мысль находит реализацию в многосторонних форматах международного взаимодействия, такие как Шанхайская организация сотрудничества, Евразийский экономический союз, Организация Договора о коллективной безопасности, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии, а также во встречах с представителями стран Востока и глобального Юга для обмена опытом и мнениями по вопросам безопасности и мира³.

Исходя из выше проведенного анализа, можно обозначить и цивилизационные выборы и императивы, детерминирующие стратегическую культуру России и ее конструктивное начало. Российский цивилизационный выбор ведения внешнеполитической деятельности может быть определен следующими постулатами:

- примат этических норм, основанных на православных догмах — справедливость, уважение к прочим странам;
- коллективизм — активное участие в международных организациях;
- государственное развитие, основанное на самостоятельности — принцип невмешательства во внутренние дела прочих стран;
- позитивная свобода волеизъявления государства на международной арене — внешнеполитическая деятельность, не ущемляющая суверенность и идентичность прочих стран.

При этом основными императивами российского внешнеполитического операционного кода можно назвать догматическую духовность (Россия зачастую выступает с миссией миротворца и народа-богоносца), правдивость и честность (борьба за правое дело, общемировая популяризация российской точки зрения, борьба с искажением позиции), патриотизм, решительность в применении силы в случае угрозы государству или его союзника и Мы-мировоззрение (коллективное международное управление, взаимопомощь, открытость в отношениях с другими странами).

¹ Громогласова Е. Идентитарный аспект российской внешней политики в контексте признания ЛНР и ДНР [Электронный ресурс] // Россия в глобальной политике, 2022. URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/culture/identitarnyy-aspekt-rossiyskoy-vneshney-politiki-v-kontekste-priznaniya-lnr-i-dnr/?sphrase_id=90774124 (дата обращения: 11.07.2025).

² Россия выступает за равную и неделимую безопасность для всех, заявил Путин [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20250508/putin-2015866032.html> (дата обращения: 11.07.2025).

³ Путин: Россия выступает за равную архитектуру безопасности для всех [Электронный ресурс] // Коммерсант. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7755898> (дата обращения: 11.07.2025).

Концептуальные основы российской внешней политики: влияние национальной стратегической культуры

Проявления российской стратегической культуры можно обнаружить в доктринальных документах России. В целях более обстоятельного осмысления данного феномена предлагается изучение ряда стратегических документов, в том числе Концепций внешней политики 2016 и 2023 гг., Военной доктрины 2016 г., Указа Президента Российской Федерации «Об Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания», для анализа преемственности и концептуализации российской стратегической культуры в стратегическом мышлении Российской Федерации.

Следует начать с такой доктринальной установки, как место страны в мировом порядке. Каждое государство рассматривает свое место в системе международных отношений с уникальной позиции, и Россия не является исключением. Так, Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г. содержит следующую установку: «Россия всецело осознает свою особую ответственность за поддержание безопасности в мире как на глобальном, так и на региональном уровне и нацелена на совместные действия со всеми заинтересованными государствами в интересах решения общих задач. Внешняя политика Российской Федерации является открытой и предсказуемой, характеризуется последовательностью, преемственностью и отражает уникальную, сформированную веками роль России как уравнивающего фактора в международных делах и развитии мировой цивилизации»¹. Получается, что Россия видит себя одним из центральных игроков на международной политической арене, что вполне естественно для великой державы. Немаловажно подчеркнуть, что Российская Федерация с точки зрения своей стратегической культуры видит себя как ответственного, открытого и предсказуемого игрока, что реализуется и на практике. Являясь великой державой, Россия не может допустить существования реальной угрозы близ своих границ и поэтому проводит специальную военную операцию на Украине.

Заслуживают внимания и установки России относительно военной силы. В Военной доктрине Российской Федерации можно увидеть, что ее военная политика «направлена на сдерживание и предотвращение военных конфликтов, совершенствование военной организации, форм и способов применения Вооруженных Сил, других войск и органов, повышение мобилизационной готовности в целях обеспечения обороны и безопасности Российской Федерации, а также интересов ее союзников. Российская Федерация считает правомерным применение Вооруженных Сил, других войск и органов для отражения агрессии против нее и (или) ее союзников, поддержания (восстановления) мира по решению Совета Безопасности ООН, других структур коллективной безопасности, а также для обеспечения защиты своих граждан, находящихся за пределами Российской Федерации, в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации»². Здесь следует отметить, что Россия ввиду своих национальных интересов нацелена на решение проблем и защиту своего положения путем отражения агрессии не только против нее самой, но и ее союзников, что подчеркивает союзническую направленность российской стратегической культуры.

Другой важной сферой для рассмотрения российской стратегической культуры в практике международного взаимодействия являются международные отношения. В Концепции внешней политики Российской Федерации 2016 г. указано, что «Россия принимает необходимые меры для обеспечения национальной и международной информационной безопасности, противодействия угрозам государственной, экономической и общественной безопасности, исходящим из информационного пространства, для борьбы с терроризмом и иными криминальными угрозами с применением информационно-коммуникационных технологий, противодействует их использованию в военно-политических целях, не соответствующих нормам международного права»³. Таким образом, обращает на себя внимание контроль-

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // Сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk8B6Z29/content/id/2542248 (дата обращения: 31.05.2022).

² Военная доктрина Российской Федерации [Электронный ресурс] // Российская газета. 30.12.2014. URL: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения: 31.05.2022).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации [Электронный ресурс] // Сайт МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk8B6Z29/content/id/2542248 (дата обращения 31.05.2022).

ная функция России, воплощенная в нашей стратегической культуре. Российская Федерация принимает участие во многих мероприятиях по контролю за международной политической ситуацией, в том числе и в миротворческих операциях, что закономерно отражает «общественную», общемировую ориентацию российской стратегической культуры.

Также хотелось бы рассмотреть ядерную сферу в концепции стратегической культуры России. В Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания можно увидеть, что «сдерживание агрессии обеспечивается всей совокупностью военной мощи Российской Федерации, включая ядерное оружие... Государственная политика в области ядерного сдерживания носит оборонительный характер, направлена на поддержание потенциала ядерных сил на уровне, достаточном для обеспечения ядерного сдерживания, и гарантирует защиту суверенитета и территориальной целостности государства, сдерживание потенциального противника от агрессии против Российской Федерации и (или) ее союзников»¹. Итак, можно видеть, что российская стратегическая культура в ядерной сфере имеет подчеркнуто оборонительный характер. Россия провозглашает, что ее ядерное вооружение используется только для сдерживания, чем акцентируется внимание на оборонительном уравновешивающем характере российской стратегической культуры в общем смысле.

Начало специальной военной операции, проводимой Российской Федерацией на Украине, ознаменовало собой выход нашей страны из геополитической тени Запада и активизацию концептуализации национальной внешней политики. В этой связи знаменательна публикация обновленной Концепции внешней политики в 2023 г., чуть более чем через год после начала специальной военной операции.

В документе Россия представлена как «самобытное государство-цивилизация, обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава, сплотившая русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира»², что является фундаментальным новшеством в самовосприятии России на мировой политической арене. Интересно и то, что движителем российской внешней политики, помимо национальных интересов, становится идея «осознания особой ответственности за поддержание мира и безопасности на глобальном и региональном уровнях»³. Далее идет постулат, подсвечивающий сущность российской стратегической культуры как конструктивной: «Отношение России к другим государствам и межгосударственным объединениям определяется конструктивным, нейтральным или недружественным характером их политики в отношении Российской Федерации»⁴.

Мировой порядок в свете обновленной концепции должен отойти от идей гегемонии и колониализма, избегать навязывания либеральных установок коллективным Западом. Несмотря на то, что документ содержит немало сюжетов об идейной конфронтации Российской Федерации и США, Концепция внешней политики дает весьма однозначное решение данного проблемного узла: «Россия не считает себя врагом Запада, не изолируется от него, не имеет по отношению к нему враждебных намерений и рассчитывает, что в дальнейшем государства, принадлежащие к западному сообществу, осознают бесперспективность своей конфронтационной политики и гегемонистских амбиций, примут во внимание сложные реалии многополярного мира и вернутся к прагматичному взаимодействию с Россией, руководствуясь принципами суверенного равенства и уважения интересов друг друга»⁵. Подобные тезисы позволяют сделать вывод о высокой степени превентивности и конструктивности стратегической культуры России, акцентирующей внимание на вероятности уничтожения всего земного порядка ввиду открытого применения силы двумя оппонентами. В общем смысле Российская Федерация выступает за продуктивную систему международных отношений, основанных на системе международного права и учитывающих особенности национальных культур и моделей развития всех государств мира. Данное обстоятельство делает российскую стратегическую культуру схожей с китайской, однако в случае российского кейса

¹ Указ Президента Российской Федерации от 2 июня 2020 г. № 355 «Об основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45562> (дата обращения 31.05.2022).

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс] // МИД. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 09.07.2025).

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

применение твердой силы для стабилизации международного суверенитета и статуса страны-цивилизации все же находит свое место.

Именно поэтому в отношении применения военной силы в документе сказано, что «Россия намерена отстаивать свое право на существование и свободное развитие всеми имеющимися средствами»¹, однако приоритетом является налаживание конструктивных отношений с прочими государствами. Сущность актуальной современным требованиям системы международных отношений документ констатирует в «надежной безопасности, сохранении культурно-цивилизационной самобытности»², основанных на «принципе взаимности», который указан далее как основа международного мира и безопасности. Тем не менее документ декларирует обоснованное использование военной силы, что в корне изменило политическую риторику Российской Федерации: «В случае совершения иностранными государствами или их объединениями недружественных действий, представляющих угрозу суверенитету и территориальной целостности Российской Федерации, <...> Российская Федерация считает правомерным принять симметричные и асимметричные меры, необходимые для пресечения таких недружественных действий, а также для предотвращения их повторения в будущем»³. В конечном итоге суть применения Россией силы сводится к ликвидации «многолетней антироссийской политики» Запада под эгидой США и гибридной войны нового типа в контексте защиты американских интересов на Украине.

Небезынтересно, что российская стратегическая культура определяется открытостью намерений и действий страны на международной арене, именно поэтому рассматриваемый документ содержит примечательную информацию об информационном противоборстве со странами коллективного Запада и распространении истинных фактов о достижениях России, особенностях ее внутренней и внешней политики. Защита традиционных ценностей, приверженцем которых выступает Российская Федерация, ведет к усилению цивилизационного и ценностного основания российского общества, что отражается на проанализированных выше чертах российской стратегической культуры и, как следствие, российской внешней политики. Данное обстоятельство вызывает конфликтный потенциал между Россией, ее культурным ареалом и странами коллективного Запада, что отмечается в Указе Президента «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» 2022 г. Несмотря на то, что упомянутый документ ориентирован на внутреннюю политику государства, привлекает внимание следующий пассаж: «Идеологическое и психологическое воздействие на граждан ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей»⁴, что требует активной реакции со стороны российской внешней политики и активизации стратегико-культурных элементов.

Хочется отметить, что российская стратегическая культура еще находится в стадии формирования после распада СССР, однако обретает все более концептуализированные доктринальные черты. Тем не менее официальные доктринальные документы дают полное представление об основных постулатах российской стратегической культуры и формируемой ей российской внешнеполитической концепции — невмешательство в международно-политические дела вплоть до возникновения угрозы национальным интересам Российской Федерации или ее союзникам и нарушения общемирового порядка.

Заключение

Таким образом, проанализировав современную российскую стратегическую культуру на основе внешнеполитических доктринальных документов Российской Федерации, можно увидеть ее оборонительную и конструктивную составляющую, ценность мира как условие стабильности нашего государства,

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс] // МИД. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 09.07.2025).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс] // Сайт правительства Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 09.07.2025).

а также общемировую, гуманистическую ориентацию. Сущность российской стратегической культуры, несущей в себе приоритеты интересов государства, борьбу с гегемонией и равный мировой порядок, детерминирует применение силы для обеспечения мировой справедливости, что соответствует таким элементам российской стратегической культуры, как примат этики, коллективизм, равное и повсеместное развитие, любовь к Родине и уважительное отношение к прочим странам.

Список литературы

1. Белоконов С. Ю., Бурикова И. С., Коновалова М. А. Особенности формирования идеологии российского государства // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10, № 2. С. 183–194. EDN: GMKVZL. DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-2-183-194.
2. Гельман В. Авторитарная Россия: Бегство от свободы, или Почему у нас не приживается демократия. М. : Говард Рорк, 2022. 334 с. EDN: RNNOST.
3. Ефременко Д. В. Истоки российского великодержавия // Россия в глобальной политике. 2024. Т. 22, № 6. С. 52–73. EDN: MKWDYM. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-6-52-73.
4. Иохим А. Н. Гуманитарный дискурс как фактор формирования политической идентичности (на примере внешней политики России в постсоветский период) : дис. ... канд. полит. наук / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. 2019. 187 с. EDN: MIFXZU.
5. Лякин В. В. Перспективные направления внешней политики России в контексте формирования нового мирового порядка // Этносоциум и межнациональная культура. 2024. № 7 (193). С. 91–100. EDN: YXFAYS.
6. Новиков Д. П., Бочарова А. П. В поисках Евразии: сравнительный анализ экспертного и академического дискурсов о евразийском регионализме в России и КНР // Полис. Политические исследования. 2025. № 3. С. 25–40. EDN: MNKDBR. DOI: 10.17976/jpps/2025.03.03.
7. Разуваев В. В. Факторы внешней политики России: от Ивана III до Владимира Путина. Москва — Санкт-Петербург : Петроглиф: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 340 с. ISBN: 978-5-98712-318-8.
8. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В. С. Мартыанова, Л. Г. Фишмана. М. : Политическая энциклопедия, 2016. 334 с. ISBN: 978-5-8243-2067-1. EDN: WMVPAJ.
9. Тульчинский Г. Л. Политическая культура России: источники, уроки, перспективы. СПб. : Алетейя, 2018. 294 с. ISBN: 978-5-9905768-6-5.
10. Феномен русской власти: преемственность и изменение. Материалы научного семинара. Вып. 3 (12). М. : Научный эксперт, 2008. 161 с. ISBN: 978-5-91290-028-0.
11. Цыганков А. П., Цыганков П. А. Просвещенное державничество (А. Д. Богатуров и российская теория международных отношений) // Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 175–185. EDN: ZBGHRD. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.13.

Об авторе:

Кожухова Кира Евгеньевна, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Московский государственный лингвистический университет, Институт международных отношений и социально-политических наук (Москва, Россия);
e-mail: kira.kozhuhova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1725-3042

References

1. Belokonev, S. Yu., Burikova, I. S., Kononova, M. A. Features of the Formation of the Ideology of the Russian State // RUDN Journal of Public Administration. 2023. Vol. 10, No. 2. P. 183–194 (In Rus.). EDN: GMKVZL. DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-2-183-194.

2. Gelman, V. Authoritarian Russia: Escape from Freedom, or Why Democracy Doesn't Take Root in Our Country. Moscow : Howard Roark, 2022. 334 p. (In Rus.). EDN: RNNOC.
3. Efremenko, D. V. The Origins of Russian Great Power // Russia in Global Affairs. 2024. Vol. 22. No. 6. P. 52–73 (In Rus.). EDN: MKWDYM. DOI: 10.31278/1810-6439-2024-22-6-52-73.
4. Iokhim, A. N. Humanitarian Discourse as a Factor in the Formation of Political Identity (on the Example of Russia's Foreign Policy in the Post-Soviet Period) : dissertation for the degree of Candidate of Political Sciences / Lomonosov Moscow State University. 2019. 187 p. (In Rus.). EDN: MIFXZU.
5. Lyakin, V. V. Promising Directions of Russia's Foreign Policy in the Context of the Formation of a New world Order // Etnosocium (Multinational Society). 2024. No. 7 (193). P. 91–100 (In Rus.). EDN: YXFAYS.
6. Novikov, D. P., Bocharova, A. P. In Search of Eurasia: Discourse Analysis of the Views of Experts and Political Scientists in Russia and China // Polis. Political Studies. 2025. No. 3. P. 25–40 (In Rus.). EDN: MNKDBR. DOI: 10.17976/jpps/2025.03.03.
7. Razuvaev, V. V. Factors of Russia's Foreign Policy: From Ivan III to Vladimir Putin. Moscow — St. Petersburg : Petroglyph: Center for Humanitarian Initiatives, 2022. 340 p. ISBN: 978-5-98712-318-8 (In Rus.).
8. Russia in Search of Ideologies: Transformation of Value Regulators of Modern Societies / ed. by V. S. Martyanov, L. G. Fishman. Moscow : Political Encyclopedia, 2016. 334 p. (In Rus.). ISBN: 978-5-8243-2067-1. EDN: WMVPAJ.
9. Tulchinsky, G. L. Political Culture of Russia: Sources, Lessons, Prospects. St. Petersburg : Aleteya, 2018. 294 p. (In Rus.). ISBN: 978-5-9905768-6-5.
10. The Phenomenon of Russian Power: Continuity and Change. Materials of the scientific seminar. Issue No. 3 (12). Moscow : Scientific Expert, 2008. 161 p. (In Rus.). ISBN: 978-5-91290-028-0.
11. Tsygankov, A. P., Tsygankov, P. A. Enlightened Statism (A. D. Bogaturov and Russian International Relations Theory) // Polis. Political Studies. 2017. No. 4. P. 175–185 (In Rus.). EDN: ZBGHRD. DOI: 10.17976/jpps/2017.04.13.

About the author:

Kira E. Kozhukhova, PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science, Moscow State Linguistic University, Institute of International Relations and Socio-Political Sciences (Moscow, Russia);
e-mail: kira.kozhuhova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1725-3042

© Кожухова К. Е., 2025

Сравнительный анализ социалистической модернизации в Китае и Вьетнаме

Ван Минцзюнь, Погодин С. Н.*

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

* e-mail: pogodin56@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4780-4949

РЕФЕРАТ

Со времени работы XX Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая (КПК) дискуссия о социалистической модернизации стала фокусом внимания марксистских теоретических кругов. Китай и Вьетнам успешно осуществляют социалистическую модернизацию, которая имеет существенные различия по сравнению с западной модернизацией и предоставляет новые возможности для развивающихся и других социалистических стран. В статье рассматриваются пути реализации социалистической модернизации Китайской Народной Республики и Социалистической Республики Вьетнам, анализируются конкретные мероприятия в этом направлении, раскрываются универсальность и специфика социалистической модернизации, а также ее значение в продвижении модернизации китайского типа и в качестве ориентира для других социалистических и развивающихся стран. **Цель и задачи.** Анализ политики и состояния социалистической модернизации в Китае и Вьетнаме. Вьетнам выбран в качестве основного объекта исследования, поскольку одно из важных стратегических направлений для Китая — это Юго-Восточная Азия, и конкретно Вьетнам. Выявление сходства и различия в социалистической модернизации Китая и Вьетнама. **Методология.** Применен метод сравнительного ретроспективного анализа и синтеза политической системы, который позволил выявить становление характеристик формирования социалистической модернизации в Китае и Вьетнаме. **Результаты и выводы.** Сходство в процессах социалистической модернизации двух стран заключается в том, что они разделяют сходные атрибуты и ценности под руководством Коммунистической партии, ориентируясь на человека. В то же время различия между социалистической модернизацией Китая и Вьетнама проистекают из понимания ее национальной специфики. Несмотря на уровень развития и размер страны, успехи модернизации в Китае и Вьетнаме раскрывают возможности социалистической идеи и показывают пример развивающимся странам в модернизации своих политических систем.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Социалистическая Республика Вьетнам, марксизм, модернизация, социализм, капитализм, социалистическая модернизация

Для цитирования: Ван Миндзюнь, Погодин С. Н. Сравнительный анализ социалистической модернизации в Китае и Вьетнаме // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 3. С. 113–122. EDN: BZRLAC

Comparative Analysis of Socialist Modernization in China and Vietnam

Wang Mingjun, Sergey N. Pogodin*

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

* e-mail: pogodin56@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4780-4949

ABSTRACT

Since the 20th National Congress of the Communist Party of China (CPC), the discussion on socialist modernization has become a focus of attention for Marxist theoretical circles. China and Vietnam have successfully implemented socialist modernization, which has significant differences compared to Western modernization and provides new opportunities for developing and other socialist countries. The article examines the ways of implementing socialist modernization in the People's Republic of China and the Socialist Republic of Vietnam, analyzes specific measures in this regard, and reveals the universality and specificity of socialist modernization, as well as its significance in promoting Chinese-style modernization and serving as a reference for other socialist and developing countries. **Aim and tasks.** Analysis of the policy and state of socialist modernization in China and Vietnam. Vietnam is chosen as the main object of research, as one of the important strategic directions for China is Southeast Asia and, specifically, Vietnam. Identification of similarities and differences in the socialist modernization of China and Vietnam. **Methods.** The method of comparative retrospective analysis and synthesis of the political system is applied, which allowed for the identification of the formation of the characteristics of socialist modernization in China and Vietnam. **Results and conclusions.** The similarity in the processes of socialist modernization in the two countries lies in the fact that they share similar attributes and values under the leadership of the Communist Party, focusing on the individual. At the same time, the differences between the socialist modernization of China and Vietnam stem from an understanding of its national characteristics. Despite the level of development and the size of the country, the successes of modernization in China and Vietnam demonstrate the potential of the socialist idea and serve as an example for developing countries in modernizing their political systems.

Keywords: People's Republic of China, Socialist Republic of Vietnam, marxism, modernization, socialism, capitalism, socialist modernization

For citation: Wang Mingjun, Pogodin S. N. Comparative Analysis of Socialist Modernization in China and Vietnam // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 113–122 (In Rus.). EDN: BZRLAC

Введение

Модернизация представляет собой символ развития и прогресса человеческой цивилизации, а также процесс превращения традиционного общества в современное. Достижение модернизации является общим стремлением всех народов мира и одной из целей социалистических стран. Начиная с западного Просвещения и промышленной революции, модернизационное движение в мире продемонстрировало общую тенденцию к интернационализации, открытости и разнообразию, при этом формируя различные модели модернизации с их собственными особенностями.

Материалы и методы

В статье применен метод ретроспективного анализа и синтеза политической системы, позволивший выявить становления характеристик формирования социологической модернизации в Китае и Вьетнаме. Для выяснения сходства и различия социологической модернизации двух стран использованы сравнительный и метод хронологии. Также были использованы методы обобщения, синтеза, сравнительного анализа. Авторы исследуют документы партийных съездов Коммунистической партии Китая (КПК) и Коммунистической партии Вьетнама (КПВ) — отчет XX Всекитайского съезда КПК и отчет XIII Национального съезда КПВ. В статье изучены и обобщены конкретные мероприятия по модернизации социализма в Китае и Вьетнаме. Проведен сравнительный анализ политики модернизации социализма в двух странах.

Результаты

Модернизация социализма в Китайской Народной Республике

Модернизация — это не только исторический процесс трансформации традиционного общества в современное, но также результат развития промышленно развитых стран, завершивших процесс модернизации [13]. Кроме того, под модернизацией понимается процесс развития, в котором отсталые страны быстро догоняют уровень передовых индустриальных стран и адаптируются к современной мировой среде [7]. Рассматривая социалистическую модернизацию Китайской Народной Республики (КНР) в теоретико-концептуальном аспекте, следует уделить особое внимание ключевым теоретическим положениям и научным концепциям, разработанным в Китае. Важнейшую роль в формировании теоретической базы модернизации сыграл Дэн Сяопин, по праву считающийся патриархом китайских реформ. Его идеи легли в основу курса на социалистическую модернизацию с китайской спецификой. При этом значительное влияние на концептуализацию модернизационного процесса оказали традиционные китайские ценности, в частности конфуцианство, а также иные культурно-исторические особенности, что придает данному понятию особую глубину и многослойность. В целом процесс экономического развития стран мира, как правило, проходит через шесть этапов, предложенных в рамках модернизационной теории: традиционное общество, этап подготовки к взлету, этап экономического взлета, стадия зрелости, стадия массового потребления и стадия стремления к повышению качества жизни. Именно такую траекторию развития в той или иной форме прошли современные развитые страны [14]. При этом необходимо отметить, что концепция модернизации в Китае не является статичной; напротив, она представляет собой динамичное явление, находящееся в процессе постоянной эволюции, развития и теоретического переосмысления. Так, в последние десятилетия «теория социализма с китайской спецификой» Си Цзиньпина получила развитие и дополнение в виде концепции «трех представительств» Цзян Цзэминя, а также концепции научного развития, выдвинутой Ху Цзиньтао, которые стали важными этапами общей теоретической линии, заложенной Дэн Сяопином [4].

На протяжении всего периода существования Китая лидеры КПК рассматривали модернизацию в качестве ключевой цели национального развития и возрождения страны. Существенное внимание этой теме было уделено на XX съезде КПК, состоявшемся в октябре 2022 г., на котором было дано развернутое объяснение сущности, специфики и основных требований модернизации китайского типа.

Выступая с докладом ЦК КПК 19-го созыва на открытии съезда, Си Цзиньпин заявил, что модернизация по-китайски представляет собой социалистическую модернизацию под руководством Коммунистической партии Китая, имеющую общие черты с модернизацией во всех странах, но при этом обладающую особенностями, основанными на собственных национальных условиях. Китайские особенности модернизации проявляются в пяти аспектах, она:

- связана с огромным населением;
- предполагает общее процветание для всех людей;
- включает в себя гармонию между материальной и духовной цивилизацией;
- подразумевает гармоничное сосуществование человека и природы;
- направлена на мирное развитие.

В докладе четко указано, что основными требованиями модернизации по китайскому образцу являются: верность руководству КПК, верность социализму с китайскими особенностями, высококачественное развитие, развитие народной демократии во всех сферах, содействие обогащению духовного мира народа, достижение общего благосостояния, гармония между человеком и природой, создание сообщества общей судьбы человечества и формирование новой формы человеческой цивилизации. Эти основные требования подчеркивают китайскую специфику и особенности времени, а также социалистический характер китайской модернизации и руководящие принципы марксизма, указывая на существенное отличие от западной модернизации.

Генеральный секретарь КПК Си Цзиньпин подчеркнул, что фундаментальный характер модернизации китайского типа определяется руководством партии. Характер, цель, изначальная миссия,

убеждения и политика партии определяют, что модернизация китайского типа является социалистической модернизацией и ничем иным [11]. В теории социализма большое внимание отводилось осознанию главного противоречия в обществе [1]. Приверженность КПК марксизму в качестве основополагающей идеологической доктрины предопределяет тот факт, что ключевой характеристикой китайской модели модернизации выступает социалистическая модернизация, обладающая современными чертами и выраженной национальной спецификой. Как отмечают российские ученые, «в Китае создана особая модель человеческого развития, которая интересна всему миру» [2]. Успешный опыт модернизации по китайскому образцу разрушил долгосрочный миф о том, что модернизация равнозначна западной вестернизации, и породил волну теоретических дискуссий о модернизации, особенно о социалистической модернизации, как в самом Китае, так и за его пределами [12].

Модернизация социализма во Вьетнаме

В Социалистической Республике Вьетнам (СРВ), руководимой Коммунистической партией, марксизм-ленинизм и его локальный результат — «идеология Хо Ши Мина» — являются основной идеологией, определяющей основные направления национальной политики страны. Они также служат методологией для КПВ и ее теоретиков при понимании законов развития общества. Основываясь на марксистском диалектическом материализме, вьетнамские теоретики выдвигают тезис о том, что модернизация представляет собой процесс саморазвития, непрерывного движения и накопления, который приводит к качественным изменениям в обществе благодаря использованию передовых творческих достижений [6].

До Мыой, генеральный секретарь Компартии Вьетнама в 1991–1997 гг., отмечал, что «индустриализация и модернизация представляют собой фундаментальный и всеобъемлющий трансформационный процесс в экономической и социальной деятельности, который переходит от ремесленного труда к крупномасштабному производству и популяризации современных передовых технологий, к производственным инструментам и методам, тем самым повышая социальную производительность»¹. Тогда же произошло обновление ряда политических статей Конституции Вьетнама (1992 г.). Так, новый Основной закон рассматривал вьетнамское государство не как «диктатуру пролетариата», а как «государство народа» и «для народа» (ст. 2)². Индустриализация и модернизация выступают важнейшими механизмами и формами социально-экономических преобразований. Среди них особое место занимает социалистическая модернизация, основанная на теоретическом фундаменте марксизма-ленинизма, которая рассматривается как одна из наиболее прогрессивных и целенаправленных форм преобразования общества в интересах большинства [15].

Вьетнамский исследователь Ле Тхи Лан, анализируя соотношение теории и практики, отмечает, что социализм представляет собой как теоретическую концепцию, так и практическую систему. Соответственно, развитие социализма включает как реализацию марксистской теории, так и ее адаптацию к условиям модернизации. С этой точки зрения история построения социализма во Вьетнаме может рассматриваться как история модернизации вьетнамского варианта социализма. На XIII Национальном съезде Коммунистической партии Вьетнама было четко обозначено продолжение курса на индустриализацию и модернизацию, основанные на научно-техническом прогрессе и инновациях. В рамках доклада съезда был выдвинут так называемый «трехэтапный план» достижения стратегических целей в рамках концепции «двух столетий»: к 2025 г. — 50-летию освобождения Юга и национального воссоединения — Вьетнам должен достичь статуса развивающейся страны с современной промышленностью, преодолев ловушку среднего дохода; к 2030 г. — 100-летию основания КПВ — предполагается переход к уровню страны со средним доходом выше среднего; к 2045 г. — 100-летию основания Демократической Республики Вьетнам (ныне СРВ) — превращение Вьетнама в развитую страну с высо-

¹ Коммунистическая партия Вьетнама. Полные партийные документы. Т. 53 (1993–1994 гг.). Ханой: Национальное политическое издательство, 2007. С. 261, 413–414 (На вьетнамском яз.) = Đảng Cộng sản Việt Nam. văn kiện Đảng toàn tập. Tập 53(1993–1994). Hà Nội: Nhà xuất bản Chính trị Quốc gia, 2007, Trang. 261, 413–414.

² Цветов П. Ю. История Вьетнама эпохи обновления [Электронный ресурс]. URL: <https://web.archive.org/web/20150402131217/http://www.ipos-msk.ru/lib/pdf/cvetov.pdf> (дата обращения: 10.09.2025).

ким уровнем дохода. Таким образом, процесс вьетнамизации марксизма представляет собой одновременно и процесс теоретического обновления марксистской доктрины, и практику социалистической модернизации. Вьетнам начал движение к социализму с позиции отсталой аграрной страны, обладающей низким уровнем развития производительных сил и технической базы. Каждый шаг на пути индустриализации и модернизации рассматривается как вклад в укрепление материально-технического фундамента социализма, развитие производительных сил и совершенствование общественных производственных отношений [5]. Социализм во Вьетнаме доказал свою жизненность, возможность эволюционного пути развития [3]. Ряд вьетнамских ученых, опирающихся на марксистскую концепцию разнообразия путей развития человеческих обществ, отмечают, что не существует единого пути модернизации, и что наилучшим выбором является тот путь, который наиболее соответствует национальным условиям конкретной страны. Развивающиеся страны должны стремиться найти свой собственный путь модернизации, учитывая национальные особенности. Традиционная западная теория модернизации, ориентированная на капитализм и биполярность, не подходит для социалистических стран [8].

Успешный опыт модернизации социалистических стран подтверждает, что под руководством марксизма социалистическая модернизация представляет собой наилучший образец для стран всего мира, отличающийся от западной модернизации, основанной на неолиберализме. По мнению вьетнамского ученого Трана Тхыонга Фонга, социалистическая модернизация в разных странах является результатом творческого применения и развития марксизма-ленинизма. Например, Коммунистическая партия Китая смогла объединить марксизм-ленинизм с китайской реальностью, чтобы создать социалистическую систему рыночной экономики с китайскими особенностями и народно-демократическую политическую систему в целом [10].

Компартия Вьетнама успешно применяет марксизм-ленинизм в практике обновления страны, чтобы создать социалистически ориентированную систему рыночной экономики и социалистическое правовое государство во Вьетнаме, для чего была согласована национальная стратегия развития по модернизации промышленности с Национальным генеральным планом на 2021–2030 гг. и программой «Видение-2050» для осуществления цифровой трансформации страны и развития цифрового правительства, экономики и общества с целью обеспечения к 2030 г. доли цифровой экономики в ВВП около 30% [9].

Сходство в социалистической модернизации КНР и СРВ

Поскольку социалистическая модернизация принципиально отличается от западной модели, сходство в модернизационных процессах Китая и Вьетнама в значительной степени обусловлено общими идеологическими установками и системой ценностей, основанными на марксизме-ленинизме.

Во-первых, модернизация Китая и Вьетнама отражает атрибуты и ценности социализма. Важно отметить, что обе страны руководствуются марксистскими идеями, применяемыми с учетом их собственных национальных условий. Методология марксистской материалистической диалектики является ключевой при направлении процесса модернизации обеих стран. Процесс модернизации в Китае и Вьетнаме сопровождается развитием производительных сил, непрерывным улучшением производственных отношений и укреплением основ национальной экономики. Основная цель заключается в повышении уровня жизни всех граждан и обеспечении равного доступа к плодам модернизации. Социалистический характер и марксистские руководящие принципы модернизации в обеих странах являются яркими показателями отличий от западной модернизации.

Во-вторых, обе страны придерживаются общего руководства партии в осуществлении модернизации. Проекты модернизации в обеих странах разрабатываются на партийных съездах, а принципы и дух партийных документов отражаются в формулировании и реализации конкретной политики, связанной с модернизацией. Руководство КПК является ключевой чертой социализма с китайской спецификой и существенным аспектом китайской модернизации. Во Вьетнаме также подчеркивается роль КПВ в модернизационных процессах.

В Постановлении ЦК Компартии Вьетнама № 29-НО/ТВ от 2022 г. подчеркивается, что решительное содействие индустриализации и модернизации страны является задачей всего народа и политической

системы. КПВ занимает лидирующее положение в политической системе, определяющее осуществление индустриализации во Вьетнаме. Таким образом, общее партийное руководство играет ключевую роль в модернизации обеих стран, обеспечивая целенаправленное и координированное развитие национальной экономики и общества.

В-третьих, модернизация Китая и Вьетнама ориентирована на человека. Это свойство соответствует первым двум аспектам. Китайская и вьетнамские коммунистические партии руководствуются марксизмом и его теорией локализации, и они определили, что процесс модернизации, возглавляемый ими, должен быть ориентирован на интересы и потребности народа. Модернизация в китайском стиле характеризуется учетом большого числа населения и стремлением к достижению общего процветания, что полностью соответствует ориентации на человека. Во Вьетнаме социалистические реформы, индустриализация и модернизация всегда придавали первостепенное значение понятию «принадлежность к народу, от народа и для народа». Это подчеркивает сильный характер и приверженность народа, что также является отличительной чертой ориентированной на человека модернизации во Вьетнаме.

В-четвертых, процесс модернизации и процесс реформ и открытости (обновления и интеграции) Китая и Вьетнама усиливают друг друга. Этот взаимодействующий процесс способствует непрерывному продвижению социалистической модернизации в обеих странах. В рамках процесса реформ и открытости как в Китае, так и во Вьетнаме устанавливается важная взаимосвязь между национальным развитием и стабильностью, а также использованием иностранных инвестиций и доступом к внешним рынкам. Этот подход способствует эффективному использованию ресурсов и создает благоприятную среду для развития экономики. Вьетнам также активно осуществляет инновационные процессы, которые способствуют углублению интеграции в мировое сообщество. Это, в свою очередь, способствует обмену знаниями, опытом и технологиями между странами, что является важным элементом модернизации. Взаимодействие Китая и Вьетнама укрепляет основу для успешной реализации инноваций, индустриализации и модернизации в обеих странах, способствует их взаимному развитию и прогрессу.

Различия в социалистической модернизации КНР и СРВ

Из-за разных национальных масштабов и этапов развития Китая и Вьетнама существуют различия в некоторых аспектах модернизации между двумя странами, которые в основном отражаются в следующих моментах.

Во-первых, Китай предложил комплексный подход, направленный на создание новой траектории модернизации в китайском стиле, тогда как Вьетнам активно продвигает процесс индустриализации и модернизации. Это обусловлено различиями в стадиях развития двух стран. В настоящее время Вьетнам находится на ранней стадии индустриализации и должен продолжать содействовать скоординированному развитию сельского хозяйства, промышленности и услуг, повышая производительность и стимулируя урбанизацию. В свою очередь, Китай к 2020 г. завершил строительство среднего общества во всех отношениях, и индустриализация перешла на более высокий уровень.

Во-вторых, существуют различия в размерах стран. Одной из важных особенностей модернизации в китайском стиле является ее реализация в условиях огромного населения, что отражает статус Китая как самой густонаселенной страны в мире и подчеркивает его чувство ответственности как великой державы. Такой подход соответствует дипломатическим и стратегическим целям Китая, основанным на принципах мирного развития и строительства сообщества с общей судьбой человечества. Этот путь также соответствует уникальным особенностям Китая, ожиданиям мирового сообщества и требованиям современной эпохи. С другой стороны, Вьетнам с его населением около 100 млн чел. является средней по размерам страной с избытком молодых трудовых ресурсов. Поэтому индустриализация и модернизация Вьетнама акцентируют внимание на полном использовании преимуществ «золотого периода населения» для ускоренного экономического развития. Целью является достижение ведущих позиций в своем регионе, в первую очередь в Ассоциации наций Юго-Восточной Азии (АСЕАН), а затем становление в качестве развитой страны мира.

В-третьих, разница в акценте на развитии. В модернизации в китайском стиле особое внимание уделяется общему процветанию всех слоев общества. Она ориентирована на национальные условия и стремится к достижению цели всестороннего построения умеренно зажиточного общества. Поэтому сейчас в Китае больше внимания уделяется социальному развитию и удовлетворению потребностей населения в повышении уровня жизни. В то же время Вьетнам находится на более ранней стадии индустриализации, экономическое развитие здесь остается главным приоритетом. В этой стране основное внимание уделяется стимулированию индустриализации и модернизации с учетом потребностей человека. При этом акцент делается на том, чтобы предприятия стали движущей силой процесса и получили свободу действий, а интеллектуалы играли активную роль в инновационном развитии экономики. Это способствует устойчивому развитию различных секторов экономики и содействует экономическому росту.

Обсуждение

Воплощение социалистической модернизации в Китае и Вьетнаме

Сравнивая сходства и различия социалистической модернизации двух стран, можно сделать вывод, что социалистическая модернизация Китая и Вьетнама обладает общими характеристиками модернизации, а также присущими ей атрибутами социалистической модели. Это модель модернизации, ориентированной на человека. Такой подход представляет собой новую парадигму в исследовании путей развития человеческого общества, результатом которой стало формирование нового облика человеческой цивилизации.

Универсальность и специфика социалистической модернизации заключаются, во-первых, в том, что они должны не только соответствовать общим требованиям модернизации, обеспечивающим развитие передовых производительных сил, но и отражать особые требования социалистической формации, предполагающие наличие передовых производственных отношений. Приверженность принципам народно-демократической диктатуры, руководящая роль марксистской партии и исторически обусловленная ведущая позиция народа выступают фундаментальными отличиями социалистической модернизации от капиталистической. Социалистическая модернизация направлена не только на трансформацию отдельных элементов, показателей и структур модернизационного процесса, но и на реализацию базовых целей социалистической идеологии — достижение общего процветания и всестороннего развития личности. Во-вторых, социалистическая модернизация одновременно включает в себя как универсальные черты социалистической системы, так и уникальные особенности пути модернизации, избранного каждой страной в конкретных исторических и социально-экономических условиях. В связи с этим оценка процессов социалистической модернизации не может носить универсальный характер; она должна учитывать исторические традиции, этапы развития и основные противоречия, присущие каждой социалистической стране. Необходимость, своеобразие и возможности данного пути модернизации следует анализировать в контексте конкретно-исторической ситуации.

Несмотря на различия в концептуальном оформлении, приоритетах и этапах реализации социалистической модернизации в Китае и Вьетнаме, цели и сущностные характеристики этих процессов во многом совпадают. Модернизационные стратегии обеих стран отражают их уникальные национальные, культурные и исторические особенности, а также специфику конкретного исторического этапа, тем самым демонстрируя многообразие возможных путей социалистического развития в глобальном контексте. При этом ключевой стратегической целью модернизации в обоих случаях остается успешное осуществление социалистического строительства под руководством коммунистической партии. В этом отношении как Китай, так и Вьетнам следуют схожей логике развития.

Заключение

Достижение модернизации является общим стремлением людей во всем мире. Пути модернизации многообразны. Модернизация Китая и Вьетнама отличается от традиционной западной модели. Она

представляет собой социалистическую модернизацию, осуществляемую под руководством коммунистической партии. Успех социалистической модернизации в Китае и Вьетнаме развенчал миф о том, что «модернизация = западная модель».

Успех социалистической модернизации в Китае и Вьетнаме представляет собой новую парадигму в развитии человеческого общества. Он выступает в качестве отправной точки для модернизации других социалистических стран и предоставляет большинству развивающихся стран новые возможности для осуществления модернизации. Успешная практика социалистической модернизации в Китае и Вьетнаме подтверждает, что социалистический путь может быть более эффективным, чем капитализм, способствуя лучшему обеспечению социальной справедливости и содействуя развитию международного порядка в более справедливом и разумном направлении. Успех социалистической модернизации в этих странах подтверждает жизнеспособность марксизма и, без сомнения, укрепляет доверие к мировому социалистическому движению.

Список литературы

1. Бальчиндоржиева О. Б., Цырендоржиева Д. Ш. Теория социализма с китайской спецификой: сущность, тенденции развития, связь с модернизацией Китая // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 10 (101). С. 89–94. EDN: SDHGHD.
2. Меркулов К. К. О некоторых аспектах международного значения теории и практики современной китайской модернизации («модернизации китайского типа») // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2023. № 28. С. 210–224. EDN: UNOIEG. DOI: 10.48647/ISSA.2023.25.12.017.
3. Печерица В. Ф., Власов Е. Е. Социалистическая Республика Вьетнам: от авторитаризма к рыночному социализму (к 30-летию начала политики «Дой Мой») // Вестник Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 22, № 7. С. 91–90. EDN: WJCYD. DOI: 10.21209/2227-9245-2016-22-7-81-90.
4. Сизикова В. А. Модель модернизации китайского типа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2016. № 1. С. 50–58. EDN: VXKRZD.
5. Ха Чонг Тха. Модернизации и цифровизации для экономического роста во Вьетнаме сегодня // Умная цифровая экономика. 2022. Т. 2, № 3. С. 42–49. EDN: ZWYARW.
6. Ле Тхи Лан. Необходимость модернизации национальной системы ценностей в переходный период Вьетнама к социализму // X Международный Социалистический Форум Китая. 15.11.2023 (На вьетнамском яз.) = Lê Thị Lan. Sự cần thiết phải hiện đại hóa hệ thống giá trị dân tộc Việt Nam trong thời kỳ quá độ lên chủ nghĩa xã hội // Diễn đàn quốc tế Trung Quốc lần thứ 10 về chủ nghĩa xã hội. 15.11.2023.
7. Ло Жунцю. Новая теория модернизации: путь Китая к модернизации. Шанхай: Издательство Восточно-Китайского педагогического университета., 2013. (На китайском яз.) = 罗荣渠. 现代化新论—中国的现代化之路//上海: 华东师范大学出版社, 2013.
8. Нго Си Тху Ханг. Социальное развитие с точки зрения марксизма и теории модернизации // X Международный Социалистический Форум Китая (На вьетнамском яз.) = Ngô Sĩ Thu Hằng. Phát triển xã hội từ góc nhìn của chủ nghĩa Mác và lý thuyết hiện đại hóa // Diễn đàn quốc tế lần thứ 10 về chủ nghĩa xã hội tại Trung Quốc. (15.11.2023).
9. Пан Цзиньэ, Вэй Личунь. Отчет о развитии международного коммунистического движения (2021–2022). Пекин: Литературная пресса по общественным наукам, 2023. (На китайском яз.) = 潘金娥, 韦丽春. 国际共产主义运动发展报告 (2021–2022).北京: 社会科学文献出版社, 2023, 第167页.
10. Пан Цзиньэ. Политическая экономия Вьетнама и границы китайско-вьетнамских отношений. Пекин: Литературная пресса по общественным наукам, 2011. С. 228–231 (На китайском яз.) = 潘金娥. 越南政治经济与中越关系前沿.北京:社会科学文献出版社, 2011, 第228–231页.
11. Си Цзиньпин. Модернизация в китайском стиле — это социалистическая модернизация, возглавляемая Коммунистической партией Китая [Электронный ресурс] // В поисках истины [сайт]. 2023. № 11. URL: https://www.cas.cn/zt/jzt/kyzt/zgdxdhjy/200208/t20020821_2664730.shtml (На китайском яз.) = 习近平.中国式现代化是中国共产党领导的社会主义现代化 // 求是.2023. № 11. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2023-05/31/c_1129655710.htm (дата обращения: 07.06.2024).

12. Хань Цинсян. Теория и дискурсивная система модернизации в китайском стиле. Также о том, как успешно создается и конструируется модернизация в китайском стиле // *Философские исследования*. 2023. № 8. С. 15–127. (На китайском яз.) = 韩庆祥. 中国式现代化的理论和话语体系---兼论中国式现代化是如何成功创造和构建起来的// *哲学研究*. 2023, № 8. 15–127页.
13. Хе Чуаньци. Что такое модернизация [Электронный ресурс] // Китайская академия наук [сайт]. URL: https://www.cas.cn/zt/jzt/kyzt/zgdxdhjy/200208/t20020821_2664730.shtml (На китайском яз.) = 何传启. 什么是现代化// 中国科学院URL: https://www.cas.cn/zt/jzt/kyzt/zgdxdhjy/200208/t20020821_2664730.shtml (дата обращения: 07.06.2024).
14. Цзоу Юйчунь, Лан Юй. Модернизация в китайском стиле и построение ее системы показателей [Электронный ресурс] // *Журнал социальных наук Китая* [сайт]. 11.30.2022. URL: https://epaper.csstoday.net/epaper/read.do?m=i&iid=6440&eid=45420&sid=210308&idate=12_2022-11-30 (На китайском яз.) = 邹宇春, 兰雨. 中国式现代化及其指标体系构建. *中国社会科学报*. 2022.11.30. URL: https://epaper.csstoday.net/epaper/read.do?m=i&iid=6440&eid=45420&sid=210308&idate=12_2022-11-30 (дата обращения: 07.06.2024).
15. Чан Туан Фонг. Мировой социализм и процесс модернизации // X Международный Социалистический Форум Китая. 15.11.2023 (На вьетнамском яз.) = Trần Tuấn Phong. Chủ nghĩa xã hội thế giới và quá trình hiện đại hóa // *Diễn đàn quốc tế về chủ nghĩa xã hội Trung Quốc lần thứ 10*. 15.11.2023.

Об авторах:

Ван Минцзюнь, ассистент, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Высшая школа международных отношений, Гуманитарный институт (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: a1069910470@gmail.com

Погодин Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, член-корреспондент Международной академии наук высшей школы, директор Высшей школы международных отношений, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Гуманитарный институт (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: pogodin56@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4780-4949

References

1. Balchindorzhieva, O. B. Tsyrendorzhieva, D. S. Theory of Socialism with Chinese Peculiarity: Essence, Development Tendencies, Interrelation with Modernization of China // *Bulletin of the Transbaikal State University*. 2013. No. 10 (101). P. 89–94 (In Rus.). EDN: SDHGHD.
2. Merkulov, K. K. On Some Issues of International Significance of the Theory and Practice of the Contemporary Chinese Modernization (Modernization of the Chinese Type) // *China in World and Regional Politics. History and Modernity*. 2023. No. 28. P. 210–224 (In Rus.). EDN: UNOIEG. DOI: 10.48647/ICCA.2023.25.12.017.
3. Pecheritsa, V. F., Vlasov, E. E. Socialist Republic of Vietnam: From Authoritarianism to Market Socialism (Dedicated to the 30th Anniversary of the Beginning of the Policy “Doi Moi”) // *Bulletin of the Transbaikal State University*. 2016. Vol. 22, No. 7. P. 91–90 (In Rus.). EDN: WJCYYD. DOI: 10.21209/2227-9245-2016-22-7-81-90.
4. Sizikova, V. A. Modernization Model: Chinese Type // *RUDN Journal of World History*. 2016. No. 1. P. 50–58 (In Rus.). EDN: VXKRZD.
5. Ha, Trong Tha. Modernization and Digitalization for Economic Growth in Vietnam Today // *Smart Digital Economy*. 2022. Vol. 2. No. 3. P. 42–49 (In Rus.). EDN: ZWYARW.
6. Le, Thi Lan. The Need to Modernize the National Value System in Vietnam’s Transition Period to Socialism // X International Socialist Forum of China. 15.11.2023 (In Vietnamese) = Lê Thị Lan. Sự cần thiết phải hiện đại hóa hệ thống giá trị dân tộc Việt Nam trong thời kỳ quá độ lên chủ nghĩa xã hội // *Diễn đàn quốc tế Trung Quốc lần thứ 10 về chủ nghĩa xã hội*. 15.11.2023.

7. Luo, Rongqiu. *New Modernization Theory: China's Path to Modernization*. Shanghai: East China Normal University Publishing House, 2013. (In Chinese) = 罗荣渠. 现代化新论-中国的现代化之路//上海: 华东师范大学出版社, 2013. 176页.
8. Wo, Ti Chu Hang. *Social Development from the Point of View of Marxism and Modernization Theory* // International Socialist Forum of China. 15.11.2023 (In Vietnamese) = Ngô Sĩ Thu Hằng, Phát triển xã hội từ góc nhìn của chủ nghĩa Mác và lý thuyết hiện đại hóa // Diễn đàn quốc tế lần thứ 10 về chủ nghĩa xã hội tại Trung Quốc. 15.11.2023.
9. Pan, Jinhe, Wei, Lichun. *Report on the Development of the International Communist Movement (2021–2022)*. Beijing: Social Science Literary Press, 2023. (In Chinese) = (潘金娥, 韦丽春. 国际共产主义运动发展报告 (2021-2022).北京: 社会科学文献出版社, 2023, 第167页.
10. Pan, Jinhe. *Vietnam's Political Economy and the Limits of Sino-Vietnamese Relations*. Beijing: Social Science Literary Press, 2011. P. 228–231 (In Chinese) = 潘金娥. 越南政治经济与中越关系前沿.北京:社会科学文献出版社, 2011,第228–231页.
11. Xi, Jinping. *Chinese-Style Modernization Is Socialist Modernization Led by the Communist Party of China* // In Search of Truth. 2023. No. 11 [Electronic resource] // Seeking Truth [site]. URL: https://www.cas.cn/zt/jzt/kyzt/zgdxdhjy/200208/t20020821_2664730.shtml (In Chinese) = 习近平. 中国式现代化是中国共产党领导的社会主义现代化 // 求是. 2023. No. 11. URL: http://www.qstheory.cn/dukan/qs/2023-05/31/c_1129655710.htm (07.06.2024).
12. Han, Qingxiang. *Theory and Discursive System of Modernization in Chinese Style. Also on How Chinese-Style Modernization is Successfully Created and Constructed* // Philosophical Studies. 2023. No. 8. P. 15–127 (In Chinese). = 韩庆祥. 中国式现代化的理论和话语体系---兼论中国式现代化是如何成功创造和构建起来的//哲学研究.2023, No. 8. 15–127页.
13. He, Chuanqi. *What Is Modernization* [Electronic Resource] // Chinese Academy of Sciences [site]. URL: https://www.cas.cn/zt/jzt/kyzt/zgdxdhjy/200208/t20020821_2664730.shtml (In Chinese) = 何传启. 什么是现代化// 中国科学院. URL: https://www.cas.cn/zt/jzt/kyzt/zgdxdhjy/200208/t20020821_2664730.shtml (07.06.2024).
14. Zou, Yuchun, Lan, Yu. *Chinese-Style Modernization and the Construction of Its Indicator System* [Electronic resource] // Chinese Social Sciences Journal [site]. 11.30.2022. URL: https://epaper.csstoday.net/epaper/read.do?m=i&iid=6440&eid=45420&sid=210308&idate=12_2022-11-30 (In Chinese) = 邹宇春, 兰雨. 中国式现代化及其指标体系构建.中国社会科学报.2022.11.30. https://epaper.csstoday.net/epaper/read.do?m=i&iid=6440&eid=45420&sid=210308&idate=12_2022-11-30 (07.06.2024).
15. Chan, Tuan Fong. *World Socialism and the Process of Modernization* // X International Socialist Forum of China. 15.11.2023 (In Vietnamese) = Trần Tuấn Phong. Chủ nghĩa xã hội thế giới và quá trình hiện đại hóa // Diễn đàn quốc tế về chủ nghĩa xã hội Trung Quốc lần thứ 10. 15.11.2023.

About the authors:

Wang Mingjun, Assistant, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Graduate School of International Relations, Humanitarian Institute (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: a1069910470@gmail.com

Sergey N. Pogodin, Doctor of Historical Sciences; Professor; Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation; Corresponding Member of the International Academy of Higher School Sciences; Director of the Graduate School of International Relations, Humanitarian Institute, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University;
e-mail: pogodin56@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4780-4949

© Ван Минцзюнь, Погодин С. Н., 2025

DeepSeek (AI) в рамках концепта китайского технологического национализма XXI в.

Чжан Цзинкай, Лбова Л. В.*

Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия

* e-mail: lbova_lv@spbstu.ru

ORCID: 0000-0003-4103-7785

РЕФЕРАТ

В современном мире искусственный интеллект (AI) выступает в роли ключевого фактора технологических перемен. Китай активно стимулирует развитие национальной индустрии искусственного интеллекта, воспользовавшись возможностями новой волны технологического прогресса.

Цель. Исследование фокусируется на характеристике компании DeepSeek не только как технического события, но и как отражения более широкого социально-исторического контекста развития Китая, национальных стремлений к прогрессу и трансформаций, вызванных глобализацией.

Задачи: понимание технационализма как концепта; оценка государственной политики КНР, направленной на формирование национального суверенитета; роль разработки искусственного интеллекта DeepSeek как фактора роста технационализма в контексте исторической коллективной памяти.

Методология. Основные источники исследования — официальные документы, тематически релевантные научные публикации на английском, китайском и русском языках, проанализированные с помощью качественного контент-анализа.

Результаты. Выявлено, что наращивание технологического потенциала современного Китая и создание конкурентоспособной продукции на мировом рынке напрямую связаны с направлением значительных средства на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы правительством страны. Установлено, что широкомасштабное укрепление кибербезопасности КНР, поддержка национальных технологических решений и создание цифровой инфраструктуры являются ключевыми параметрами стратегии технологической независимости, включая развитие таких областей, как искусственный интеллект, квантовые вычисления и сети 5G. Появление DeepSeek, наряду с другими китайскими компаниями, свидетельствует о глубокой трансформации китайских разработок в сфере IT и является причиной укрепления позиций технационализма, понимание истоков которого указывает на то, что он является следствием исторического пути китайского народа. **Выводы.** Государственная поддержка помогает китайским компаниям успешно конкурировать на мировых рынках, вызывая конкуренцию с американскими технологическими гигантами и укрепляя позиции Китая в мировой технологической гонке. Ключевые факторы китайского технологического национализма включают общественное признание национальных компаний как движущей силы национального развития в XXI в., успешную национальную конкуренцию в условиях глобализации, и также феномен национальной обиды, связанной с технологической отсталостью страны в прошлом. Материалы исследования могут быть полезны специалистам в современном регионоведении, политологии, культурной антропологии.

Ключевые слова: технологический национализм, национальный суверенитет, искусственный интеллект, конкуренция, коллективная память, Китай

Для цитирования: Чжан Цзинкай, Лбова Л. В. DeepSeek (AI) в рамках концепта китайского технологического национализма XXI в. // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 3. С. 123–136. EDN: ARSXSA

DeepSeek (AI) within the Framework of Chinese Technological Nationalism

Zhang Jingkai, Liudmila V. Lbova*

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

* e-mail: lbova_lv@spbstu.ru

ORCID: 0000-0003-4103-7785

ABSTRACT

In today's world artificial intelligence (AI) stands at the forefront of this technological revolution. China, recognizing the opportunities presented by this new wave of progress, is vigorously promoting the growth of its AI sector. **Aim and tasks.** This study delves into DeepSeek, viewing it not just as a technological achievement but as a mirror reflecting China's broader socio-historical context, national ambitions for progress, and the transformations wrought by globalization. **Methods.** The primary sources of the study include: official documents and thematically relevant scholarly publications in English, Chinese and Russian, analyzed using qualitative content analysis. **Results.** It has been revealed that the growth of the technological potential of modern China and the creation of competitive products on the world market are directly related to the allocation of significant funds to research and development work by the country's government. It was established that the large-scale strengthening of China's cybersecurity, support for domestic technological solutions, and the development of digital infrastructure are key components of a strategy aimed at achieving technological independence, including advancements in fields such as artificial intelligence, quantum computing, and 5G networks. The emergence of DeepSeek's achievements alongside other Chinese initiatives reflects a profound transformation in China's IT sector and reinforces the foundations of technonationalism. Understanding the origins of Chinese technological nationalism indicates that it stems from the historical trajectory of the Chinese people, their aspirations for national prosperity and the transformations driven by globalization. **Conclusion.** State support enabled Chinese companies to actively penetrate global markets, creating competition for American tech giants and strengthening China's position in the international technology race. This case study reveals key factors of Chinese technological nationalism, including public recognition of domestic companies as drivers of national development in the 21st century, the success of national competition in the context of globalization and the phenomenon of national resentment stemming from the country's technological backwardness in the modern and contemporary eras. The research materials may be valuable to specialists in modern area studies, political science, and cultural anthropology.

Keywords: technological nationalism, national sovereignty, artificial intelligence, competition, collective memory, China

For citation: Zhang Jingkai, Lbova L. V. Deepseek (AI) within the Framework of Chinese Technological Nationalism // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 123–136 (In Rus.). EDN: ARSXSA

Введение

Международная конкуренция и борьба за лидерство охватывает все больше сфер, и процесс геополитизации технических разработок становится актуальной проблемой для мирового сообщества в ближайшем будущем. В историческом дискурсе состоятельность обществ средневековья, основанных на эксплуатации природных ресурсов, или индустриальных обществ нового и новейшего времени, базирующихся на развитии механизации и рынков, в современности трансформируется в общество цифрового характера, основой которого является контроль над техническими стандартами и информационными технологиями [1, p. 128–135]. В условиях усиления глобальной конкуренции, фокус которой все больше смещается на новые технологии, установление стандартов приобретает не только ключевое значение

в этой борьбе, но и превращается в ключевой аспект противостояния. В конце XX в. Китай, будучи новой развивающейся экономикой, интегрировался в международную систему с доминированием западных стран, приняв их технические стандарты вместо собственных. Эта стратегия привела к явлению, известному как «рынок в обмен на технологии» [26].

Вступив в XXI в., Китай попытался интернационализировать свои национальные стандарты в технологической области, что составило ценный опыт работы в рамках международных стандартов, который сформировал современный подход Китая к их установлению [12].

Китай понимает: чтобы стать значимым участником глобального цифрового рынка, отечественные компании должны соответствовать международным стандартам и иметь равный голос. Согласно Плану реализации нового пилотного проекта промышленной стандартизации (2023–2035 гг.), Китай стремится расширить свои независимые инновационные возможности за счет нового подхода и ускорить международное продвижение китайских стандартов. Первое направление предусматривает расширение участия Китая и интеграцию с существующими международными стандартными системами. Второе направление предусматривает распространение китайских стандартов на международном уровне для создания альтернатив существующим системам¹. В этом контексте интересны феномены китайских компаний, которые играют ведущую роль на международной арене, предлагая инновационные решения и высококачественные продукты на рынке высоких технологий.

Начиная с эпохи Просвещения национализм, несомненно, является одним из наиболее устойчивых и значимых политических идеологий в истории человечества. Технонационализм — как концепция — развивается на пересечении теорий национализма и технологического развития, отражая стремление использовать технологические достижения для укрепления положения на мировой арене, поскольку технология является фундаментальным условием национальной безопасности и развития. Базовые технологии должны быть освоены и представлены национальными предприятиями, не полагаясь на внешние рынки, обеспечивая интересы государства и национальной безопасности. Термин «технонационализм» впервые был введен Р. Б. Райхом, сторонником государственного регулирования экономики, занимавшим пост министра труда в администрации Б. Клинтона в 1990-х гг., в разгар экономического соперничества между Японией и США. Он утверждал, что «Соединенные Штаты должны принять “технонационалистические” меры, чтобы японцы не упустили возможности для технологических прорывов» [11, р. 26–29]. Соединенные Штаты ужесточили многие проекты сотрудничества и скорректировали способы обмена технологиями в целях гарантии собственного лидирующего положения в ключевых областях.

Технонационализм, таким образом, понимается как концепция, которая рассматривает технологические достижения как ключевые элементы национальной безопасности и экономического процветания. В отличие от общего национализма, который акцентирует внимание на культурных и этнических аспектах, технонационализм связывает технологические инновации с государственной политикой и стратегическими интересами конкретной страны.

Понимание технологического национализма Китая требует всестороннего учета его исторического фона, внутривнутриполитической ситуации и международной обстановки, начиная с XIX в. В течение двух столетий (XIX–XXI вв.) в китайском политическом мейнстриме сформировалась устойчивая позиция, согласно которой колониальная агрессия и несправедливое отношение со стороны западных стран стали следствием технологической отсталости. Утрата технологического превосходства воспринималась как прямая угроза государственному суверенитету и территориальной целостности. Современное национальное самосознание Китая трансформировало эту политическую концепцию в общенациональный консенсус, который, преодолевая классовые, этнические и гендерные различия, стал катализатором развития технологического национализма [14].

¹ 新产业标准化领航工程实施方案（2023—2035年）[План реализации пилотного проекта по стандартизации новых отраслей промышленности (2023–2035 годы)] [Электронный ресурс] // 中华人民共和国工业和信息化部[сайт Министерства промышленности и информационных технологий Китайской Народной Республики]. URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/202308/content_6899527.htm (дата обращения: 12.06.2025).

Вышеуказанные обстоятельства формируют актуальность и новизну исследования. В последние годы процесс цифровизации ускорился, и искусственный интеллект (AI) становится основной движущей силой технологических преобразований. Предлагаемое исследование направлено на характеристику разработок китайской компании DeepSeek не только как технического события, но и как отражения более широкого исторического контекста развития цифровых технологий в Китае, национальных стремлений к прогрессу и трансформаций, вызванных глобализацией, что определяет цель и задачи исследования. Наиболее важными исследовательскими вопросами определены: понимание технонационализма в широком международном историческом контексте и в контексте регионального технологического развития Китая; оценка государственной политики КНР, направленной на формирование национального суверенитета, и роль разработки искусственного интеллекта DeepSeek; оценка международной конкуренции как фактора роста технонационализма в контексте исторической коллективной памяти.

Степень изученности проблемы

В понимании концепции технологического национализма следует отметить отсутствие академического консенсуса. Во-первых, существуют значительные противоречия в академическом использовании термина «технологический национализм». Многие западные исследователи считают, что национализм является продуктом сочетания любви к своей родине и страха перед другими странами, а также инструментом укрепления внутреннего единства за счет использования образа «воображаемых врагов» [10, р. 1]. Концепту присваивается негативный смысл, и, таким образом, ряд стран-лидеров обладают необъяснимым моральным превосходством, обвиняя другие страны в продвижении технологического национализма.

В то время как некоторые ученые используют термин в уничижительном смысле, большое количество западных исследователей подчеркивают, что с точки зрения теории «догоняющего развития» [13, р. 65–69] технологический национализм является стратегическим выбором для исторически отстающих стран. Экспортно-ориентированная модель направляет создаваемые отрасли на внешний рынок, хотя и включает элементы импортозамещения, такие как высокие ввозные пошлины для отдельных отраслей. На примере ряда стран (Япония, Южная Корея, Китай, Сингапур, Гонконг) эта модель получила приоритетное развитие [31]. Для того чтобы избавиться от технологической зависимости, достичь высокого уровня национального развития, правительства ряда стран Азии участвуют в разработке независимых технологических стандартов, формируя таким образом новый формат технологического национализма, который не нарушает международных соглашений [27].

Исследования последних лет демонстрируют, что технонационализм приобретает особую актуальность в условиях глобальных перемен и геополитических напряжений. В современной науке эволюция этого феномена анализируется с геополитической точки зрения, с акцентом на важность исследований, изучающих влияние технологических интересов государств на международные отношения и формулирование национальных стратегий [5]. Технонационализм способствует деглобализации и, как следствие, создает новые угрозы для международного бизнеса, поскольку государственные меры повышают издержки для многонациональных корпораций, регулируя их технологические потоки различными способами. При этом исследования в области международного бизнеса в последнее время в основном фокусируются на текущей геополитической напряженности между США и Китаем [9], что, на наш взгляд, не отражает полноты картины.

Понимание китайскими учеными технологического национализма в основном делится на две школы. Одна школа соглашается с технологическим национализмом и поддерживает технологическую автономию, в то время как другая школа критикует технологический национализм и выступает за технологическую глобализацию [23; 25].

В контексте китайско-американской торговой войны ряд китайских авторов утверждают, что суть глобальной торговли технологиями заключается в стремлении США к технологической гегемонии. С одной стороны, США стремятся сохранить свою технологическую монополию, с другой — активно пре-

пятствуют независимым исследованиям и разработкам стран с «поздним развитием», преувеличивая независимое развитие Китая с помощью «китайской теории технологической угрозы» [16; 19].

Критики технологического национализма утверждают, что свободный рынок является наилучшей средой для технологического развития и укрепления международных обменов и сотрудничества, что может способствовать национальному технологическому прогрессу; технологический национализм, по сути, продиктован национальными интересами Китая и направлен на предотвращение технологической глобализации. Наилучшим действием правительства является открытие рынков и стандартов, позволяющих большему количеству предприятий участвовать в конкуренции. Свободная конкуренция — лучшая среда для инноваций [24]. Ряд исследователей полагают, что принятие стратегии технологического национализма может повысить технологическую конкурентоспособность страны, следовательно, выбор в пользу международного сотрудничества является наиболее подходящим механизмом разрешения конфликтов [28].

Несмотря на то, что в целом академический консенсус не достигнут, существует аксиома в отношении того, что технологический национализм оценивает технологические проблемы с точки зрения национальной безопасности и межгосударственной конкуренции. Страны должны принимать все меры для защиты своих возможностей технологического развития и технологических интересов [17]. Поэтому именно государственная система служит краеугольным камнем защиты национальных интересов, в то время как технологии обеспечивают материальную гарантию национального развития и государственной независимости.

Поэтому технационализм представляет собой важный аспект современных исследований, требующий дальнейшего анализа и понимания его влияния на международные отношения и внутреннюю политику стран. Подчеркивается необходимость адаптации теоретических подходов к новым вызовам глобальной экономики и безопасности.

Материалы и методы

Основным методом исследования стал метод качественного контент-анализа, который позволяет детально изучить содержание и контекст информации, а также перейти от множества текстов и мнений к обобщенной модели. В результате были определены ключевые понятия, например, «технологический национализм» в понимании китайских авторов, его особенности и разновидности; установлена связь технологически удачных решений, влияющих на экономический подъем и активизацию технациональной риторики в Китае.

В ходе исследования были проанализированы официальные документы: Military Technology and Conventional Weapons Export Controls: The Wassenaar Arrangement (2006); Концепция национального стратегического развития Китая (1995); Программа «Сделано в Китае 2025» (中国制造2015–2025); План реализации нового пилотного проекта промышленной стандартизации (2023–2035) (Китайский стандарт 2035), доклады правительства и Коммунистической партии Китая (КПК) и другие релевантные источники. Научные публикации (монографии и статьи в профильных журналах) на английском, китайском и русском языках предоставили не только исходные данные, но и гипотезы, концепции авторов в сфере бизнеса, геополитики, международного права и стандартов, этических проблем развития феномена технационализма. Особое внимание в предлагаемой статье уделено конкретным случаям проявления китайского технологического национализма, связанного с компанией DeepSeek.

Результаты исследования

Государственная поддержка инноваций

Китайское правительство активно поддерживает отечественные технологические компании через субсидии, налоговые льготы и государственные заказы (рис. 1), что стимулирует развитие национальных компаний и способствует экономическому росту.

Рис. 1. Статистические данные об инвестициях Китая в науку и технологии (2016–2023 гг.)

Fig. 1. Statistics on China's investment in science and technology (2016–2023)

Источник: 中国国家统计局 [сайт Национального статистического бюро КНР] [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stats.gov.cn/search/s?qt=全国科技经费投入统计公报&siteCode=bm36000002&tab=all&toolsStatus=1> (дата обращения: 12.06.2025).

Программа «Сделано в Китае 2025» (кит. 中国制造2025)¹ была инициирована в 2015 г. и представляла собой стратегический план, направленный на трансформацию страны из «мировой фабрики» в высокотехнологичного производителя. Этот план, разработанный под руководством премьер-министра Ли Кэцзяна, стал частью XIII и XIV пятилеток (2016–2020 гг. и 2021–2025 гг.). Программа является амбициозной разработкой и стремится изменить структуру китайской экономики, повысив ее конкурентоспособность на глобальном уровне. Несмотря на международные споры, она продолжает оставаться ключевым элементом китайской стратегии развития, направленной на технологическую независимость и лидерство в высоких технологиях, особенно в развитии десяти ключевых отраслей, включая информационные технологии, робототехнику, авиацию, новые энергетические автомобили и полупроводники². По состоянию на март 2024 г. более 86% целей, поставленных в плане «Сделано в Китае 2025», были первоначально достигнуты (рис. 2), что свидетельствует о том, что обрабатывающая промышленность Китая достигла замечательных результатов на пути трансформации и модернизации³.

Феномен DeepSeek

Искусственный интеллект охватывает все аспекты производственного процесса, повышает эффективность и обрабатывает данные для прогнозирования, производства и принятия решений. Это помогает предприятиям сокращать затраты и улучшать управление. По данным Минпромторга Китая, после интеллектуальной трансформации цикл НИОКР в обрабатывающей промышленности сократился на 20,7%, эффективность выросла на 34,8%, количество брака уменьшилось на 27,4%, выбросы CO₂ снизились на 21,2%⁴. Искусственный интеллект помогает китайским производственным компаниям

¹ 中国制造2025 [Сделано в Китае в 2025 году] [Электронный ресурс] // 中华人民共和国国务院 [сайт Государственного Совета КНР]. URL: https://whzhz.jhun.edu.cn/_upload/article/files/c3/b8/ed0acb7e4e91ac63e859407ae1e3/c94a4f72-ae62-4ce4-85c9-84a3a1c89bab.pdf (дата обращения: 12.06.2025).

² 中国制造2025 [Сделано в Китае в 2025 году] [Электронный ресурс] // 中华人民共和国国务院 [сайт Государственного совета КНР]. URL: https://whzhz.jhun.edu.cn/_upload/article/files/c3/b8/ed0acb7e4e91ac63e859407ae1e3/c94a4f72-ae62-4ce4-85c9-84a3a1c89bab.pdf (дата обращения: 12.06.2025).

³ Made in China 2025: China meets most targets in manufacturing plan, proving US tariffs and sanctions ineffective (2024-04-30) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.scmp.com/news/china/science/article/3260307/made-china-2025-china-meets-most-targets-manufacturing-plan-proving-us-tariffs-and-sanctions> (дата обращения: 12.06.2025).

⁴ “智”造有“数” 企业扩“路” —工业企业加力布局智能制造 [«Умное» производство располагает «цифровыми» предприятиями для расширения «дороги» — промышленными предприятиями с форсажной компоновкой интеллектуального производства] [Электронный ресурс] // 中国中央人民政府[сайт Центрального народного правительства КНР]. URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202307/content_6891229.htm (дата обращения: 12.06.2025).

постепенно завоевать право голоса в отраслях с высокой добавленной стоимостью (рис. 3), таких как технологические исследования, разработки и дизайн, и занять лидирующие позиции в производственной цепочке создания стоимости.

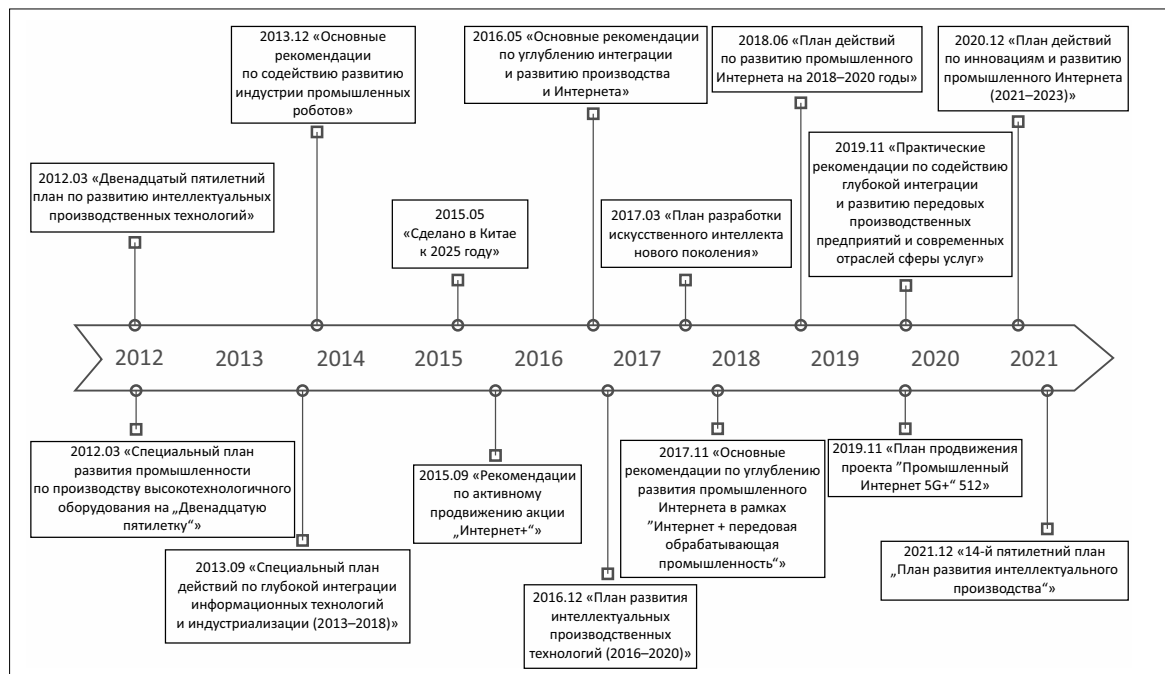

Рис. 2. Анализ политики Китая по содействию развитию искусственного интеллекта и производства в период с 2012 по 2021 гг.

Fig. 2. Analysis of China's policies to promote artificial intelligence and production in the period from 2012 to 2021

Источник: составлено авторами по: Отчет о промышленном развитии Китая, 2023 [Электронный ресурс] / Институт экономики промышленности Китайской Академии общественных наук. Издательство по экономике и управлению, 2023. 800 p. URL: <https://opac.zyuf.edu.cn/space/searchDetailLocal/mcb450c7de2592eef8ee22d0f8eada5d9> (На китайском яз.).

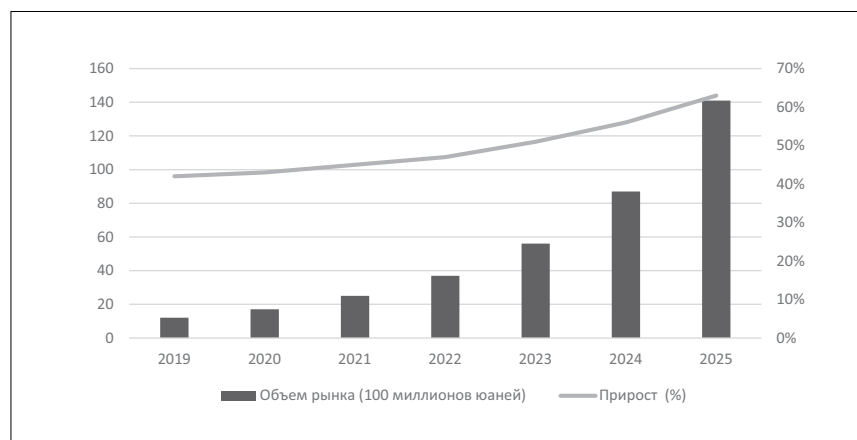

Рис. 3. Развитие рынка приложений для искусственного интеллекта в обрабатывающей промышленности Китая в период с 2019 по 2025 г.

Fig. 3. Development of the AI Application Market in China's Manufacturing Industry from 2019 to 2025

Источник: составлено авторами по: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ciia-iib.com/article/5492787360762539>; URL: https://k.sina.com.cn/article_7426890874_1baad5c7a00100xdke.html (дата обращения: 12.06.2025).

Китай воспользовался возможностью, предоставленной этой волной технологического развития, чтобы стимулировать рост индустрии искусственного интеллекта (рис. 4).

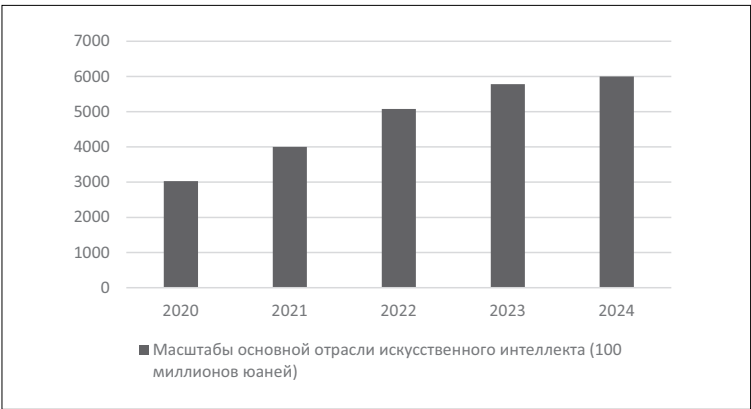

Рис. 4. Рост основной отрасли искусственного интеллекта в период с 2020 по 2024 г.

Fig. 4. Growth of the core artificial intelligence industry between 2020 and 2024

Источник: 数字中国发展报告（2024 年） [Отчет о развитии цифрового Китая (2024)] [Электронный ресурс] // 中国国家数据局 [сайт Национального управления данных КНР] (2025-05-30).

URL: <https://www.nda.gov.cn/sjj/ywpd/sjzg/0530/ff808081-96b465bf-0197-200a135e-0536.pdf> (дата обращения: 12.06.2025).

Появление китайской компании DeepSeek и ее продукции, предназначенной для общения, помощи в решении задач и поиска информации, основанной на технологиях глубокого обучения, обладающей высокой эффективностью и производительностью, вызвало шок на рынке AI. Особенно это было ощутимо в области программирования и математики, с низкой стоимостью обучения, небольшим размером команды и высокой производительностью модели (см. табл.).

Таблица

Технические сравнения между моделями DeepSeek P1 и ChatGPT

Table. Technical comparisons between DeepSeek P1 and ChatGPT models

Показатель	DeepSeek P1	ChatGPT
Математика	90% точности (превосходит ОПС-40)	83% точности на расширенные критерии
Кодировка	97% успеха в логических головоломках	Топ-уровень отладки (89-й процентиль на Codeforces)
Рассуждение	РЛ-привод, пошаговые пояснения	Superior многоступенчатые решения проблем
Смешанные Задачи	Текст — всего лишь фокус	Поддерживает текстовые и графические входы
Контекст Окна	128 тыс. маркеров	200 тыс. токенов

Источник: данные электронных ресурсов:

URL: <https://blog.csdn.net/q18346342939/article/details/146373879>; URL: <https://www.businesstoday.in/technology/news/story/deepseek-vs-vs-chatgpt-which-which-ai-ai-chatbot-should-should-you-us>; URL: 462152-2025-2025-01-27; https://blog.csdn.net/weixin_59191169/article/details/146369955 (дата обращения: 12.06.2025).

Успехи китайской компании стали триггером развития искусственного интеллекта во всем мире, оказав воздействие не меньшее, чем ChatGPT два года назад¹. Различные секторы бизнеса и технологий в США, обсуждая влияние DeepSeek, обозначили вопрос рациональности и перспективности крупных инвестиций в создание языковых моделей искусственного интеллекта, при этом некоторые инвесторы начали распродавать акции крупных технологических компаний.

«Ударная волна DeepSeek» продолжает распространяться по миру, находит новых пользователей и, в том числе, совершенствуется как технологический продукт. Китайские компании демонстрируют

¹ Day 6: One More Thing, DeepSeek-V3/R1 Inference System Overview (2025-03-01) [Электронный ресурс]. URL: https://github.com/deepseek-ai/open-infra-index/blob/main/202502OpenSourceWeek/day_6_one_more_thing_deepseekV3R1_inference_system_overview.md (дата обращения: 12.06.2025).

способность превзойти ведущие американские лаборатории искусственного интеллекта¹. Эта ситуация разрушила сложившееся в западном мире убеждение о том, что США лидируют в фундаментальных инновациях, в то время как Китай специализируется лишь на применении и внедрении разработок².

Интернационализация технических стандартов

Вступив в XXI в., Китай попытался интернационализировать свои национальные стандарты в технологической области, в первую очередь благодаря стандарту Wi-Fi WAPI и телекоммуникационному стандарту 3G TD-SCDMA. Эти усилия в значительной степени считались безуспешными и дорогостоящими, но они предоставили ценный опыт работы в рамках международных стандартов, в том числе и в области кибербезопасности, который сформировал современный подход Китая [7; 12].

За последние несколько лет китайские предприятия, опираясь на быстрое технологическое развитие и мощные производственные возможности, реализовали модель экспорта высококачественной продукции по конкурентным ценам в таких областях, как новые энергетические автомобили, силовые батареи и солнечные панели. В настоящее время эта модель технологической диффузии Китая проявляется и в сфере искусственного интеллекта. После того, как DeepSeek объявила об открытом исходном коде для технологий больших языковых моделей, искусственный интеллект китайского происхождения начал стремительно распространяться по всему миру через адаптацию и внедрение международными компаниями. Эти предприятия и разработчики получили возможность бесплатно использовать китайские ИИ-технологии с возможностью customization в соответствии с собственными потребностями³.

Особенности влияния «коллективной памяти»

Глобализация предоставила Китаю возможность развития с использованием мировых ресурсов и технологий. Китай продолжит развиваться вместе с другими странами в рамках принципов открытости, сотрудничества и взаимной выгоды. В ходе «инцидента DeepSeek» страна сфокусировалась на общем прогрессе, используя собственные технологические исследования и разработки, сотрудничество с компаниями по всему миру, уделяя особое внимание обеспечению равных возможностей как для стран Юго-Восточной Азии, так и мира в целом, что благоприятно сказалось на развитии искусственного интеллекта. Понимание истоков китайского технологического национализма указывает на то, что он является следствием исторического пути китайского народа, его стремлений к национальному процветанию и адаптацией к трансформациям, вызванных глобализацией. В условиях четвертой промышленной революции, где искусственный интеллект и 5G становятся ключевыми факторами, технационализм в Китае принимает и цифровую форму.

Обсуждение

В краткосрочной перспективе случай с DeepSeek не окажет существенного воздействия на окончательное внедрение технических стандартов. Однако в долгосрочной перспективе технологические преимущества DeepSeek неизбежно повлияют на влияние китайского технологического дискурса в области искусственного интеллекта, который стал ключевым моментом, вызывающим общественные настроения в Китае. Конечной целью любой национальной экономической политики будут национальные интересы и безопасность [6]. Конкуренция в сфере технологий выходит далеко за рамки научной дискуссии, затрагивая вопросы национального и этнического развития. В истории наблюдается тенденция, когда западные страны, возглавляемые США, ограничивали экспорт стратегических материалов и передовых

¹ Stop Worshipping the American Tech Giants (2025-02-04) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2025/02/04/opinion/deepseek-ai-big-tech.html> (дата обращения: 12.06.2025).

² American AI has reached its Sputnik moment (2024-12-06) [Электронный ресурс]. URL: <https://thehill.com/opinion/technology/5024271-ai-sputnik-moment-china-challenge/> (дата обращения: 12.06.2025).

³ Deep Seek Models & Pricing (2025-02-04) [Электронный ресурс]. URL: https://api-docs.deepseek.com/zh-cn/quick_start/pricing/ (дата обращения: 12.06.2025).

технологий в социалистические государства через Координационный комитет по контролю за экспортом (1949 г.). Например, Вассенарские соглашения 1994 г., 1996 г. о контроле экспорта обычных вооружений и высокотехнологичных разработок включали ограничения на экспорт и гражданских технологий, которые были разделены на девять ключевых категорий (электронные устройства, компьютеры, телекоммуникации, информационная безопасность и передовые материалы)¹.

Несмотря на то, что информационная индустрия Китая, включая такие компании, как SMIC² и Huawei, добилась значительных успехов в сфере информационных технологий в последние годы, Китай по-прежнему находится под эмбарго, что лишает его доступа к передовым международным технологиям, даже через рынок. DeepSeek, благодаря своим технологическим достижениям, внушил Китаю надежду на технологическое превосходство над Соединенными Штатами, что вызвало подъем общественных настроений [3].

Когда технология становится важным средством изменения мирового устройства, ее значение для национальной независимости и национального процветания становится все более важным, а желание людей самостоятельно осваивать технологии становится сильнее [21].

В стремлении к социалистической модернизации к 2035 г. Китай реализует 15-летний план, который ставит перед страной амбициозные задачи в сфере технологических инноваций и развития, спрос на которые в обществе непрерывно возрастает³. Вместе с тем продолжающиеся международные торговые конфликты, связанные с технологиями и интеллектуальной собственностью, провоцируют рост националистических настроений. DeepSeek как событие в данной ситуации находит отклик у сторонников технологического национализма, становясь темой общественных дискуссий. Важно подчеркнуть, что китайский технационализм не означает изоляционизма и учитывает меняющуюся международную обстановку как в Китае, так и во всем мире⁴.

Китайский технологический национализм имеет глубокие исторические корни в памяти народа. Страдания, вызванные ощущением технологической отсталости, остались в сознании китайского народа, став неотъемлемой частью его коллективной идентичности. Гражданская идентичность, сформированная современным самосознанием, сглаживает статусные, классовые и иерархические различия, объединяя всех в единое национальное сообщество [18; 22].

Коллективная память представляет собой групповое переосмысление прошлого, которое неизбежно коррелирует с господствующей идеологией того времени [15, р. 39–41]. В конце 1970-х гг. бывший глава Китая Дэн Сяопин акцентировал внимание на том, что научный, технологический и образовательный прогресс являются ключевыми факторами экономического развития и модернизации страны [30, р. 123–125]. В 1995 г. президент Цзян Цзэминь выделил научно-технический прогресс как ключевой фактор роста производительности. В том же году правительство Китая впервые выдвинуло концепцию национального стратегического развития, основанную на «омоложении страны через науки и образование»⁵. По данным доклада, представленного на XX Национальном Конгрессе КПК в 2022 г., стратегия «омоложения страны через науки и образование» по-прежнему остается приоритетной⁶.

¹ Military Technology and Conventional Weapons Export Controls: The Wassenaar Arrangement (2006-09-29) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.everycrsreport.com/reports/RS20517.html> (дата обращения: 12.06.2025).

² SMIC (Semiconductor Manufacturing International Corporation) является ведущей китайской компанией, специализирующейся на производстве микроэлектроники.

³ 中国标准化发展纲要 [Основные направления развития национальной стандартизации в Китае] [Электронный ресурс] // 中华人民共和国国务院 [сайт Государственного совета КНР]. URL: <https://catarc.org.cn/upload/202110/25/202110251427539900.pdf> (дата обращения: 12.06.2025).

⁴ 习近平：以高水平科技安全支撑和保障国家总体安全 [Си Цзиньпин: Поддерживайте и гарантируйте общую безопасность страны высоким уровнем научно-технической защищенности] (2021-04-15) [Электронный ресурс] // 求是网 [сайт: Сеть Qiushi]. URL: http://www.qstheory.cn/qshyjx/2021-04/15/c_1127333313.htm (дата обращения: 12.06.2025).

⁵ 中国共产党的一百年 (改革开放和社会主义现代化建设新时期). 中共党史出版社. 2022.(7):806-809 [One Hundred Years of the Communist Party of China (Reform and Opening Up and the New Era of Socialist Modernization). Chinese Communist Party History Press, 2022. No. 7. P. 806–809] (In Chinese).

⁶ 实施科教兴国战略强化人才支撑—论学习贯彻党的二十大精神 [Реализовывать стратегию обновления страны с помощью науки и образования, усиливать поддержку талантливых людей на основе изучения и внедрения принципов партии XX века] (2022-11-02) [Электронный ресурс] // 中华人民共和国教育部 [сайт Министерства образования КНР]. URL: http://www.moe.gov.cn/jyb_xwfb/s5148/202211/t20221102_697098.html?eqid=a0f4410c0021dfe60000003644624c4 (дата обращения: 12.06.2025).

Когда технология является ключом к повышению мощи страны, способствуя победе в международной конкуренции, овладение базовыми знаниями становится коллективным стремлением общенности, нации и государства в целом. Современные санкции против Китая неизбежно вызывают в памяти граждан исторические события. Под влиянием этих воспоминаний сильное и искреннее чувство национальной гордости за равноправие и стремление не допустить повторения унижений, связанных с отсталостью, прочно укоренилось в коллективной народной памяти, являясь ядром ее идентичности [29].

DeepSeek глубоко интегрирован с национальными компаниями¹. Чтобы преодолеть технологическую монополию США, китайские предприятия, включая тайваньские, объединились в поддержку DeepSeek, включая конкурентов в бизнесе (Alibaba, Huawei, Tencent и Baidu). Внедрение DeepSeek охватило все сферы: от правительственных учреждений до операторов связи, медицинских организаций, финансовых компаний.

Заключение

Технологический национализм, таким образом, представляет собой концепцию, связывающую технологические инновации с национальной идентичностью, безопасностью и экономическим развитием. Технонационализм противопоставляется техноглобализму, акцентируя внимание на защите национальных интересов через развитие собственных технологий и ограничение иностранных.

Технонационализм может привести к увеличению внутреннего производства, созданию рабочих мест и экономическому росту. Хотя это может привести к экономическим сбоям в цепочках поставок [2].

На примере DeepSeek продемонстрирована результативность государственной политики правительства Китая, направленная на увеличение доли собственного производства в ключевых отраслях, играющей важную роль в стратегии технологического суверенитета.

DeepSeek демонстрирует подход к открытым технологиям, что позволяет другим странам, включая Индонезию и Индию, строить свои AI-инфраструктуры на основе этой платформы², что способствует не только технологическому развитию, но и укреплению их национального суверенитета. С позиции интересов Китая в области развития искусственного интеллекта и развития и корпоративного имиджа DeepSeek представляет собой уникальный объект исследования с точки зрения анализа технологического развития, геополитики, бизнеса и социальной антропологии³.

Во-первых, китайско-американская торговая война — это антиглобалистская инициатива, вынуждающая Китай искать защиты или обороны. Чем сильнее внешнее давление со стороны США, тем больше оно стимулирует националистические эмоции китайского народа. Во-вторых, на социальном фоне модернизации и трансформации промышленной структуры Китая тревога всего общества по поводу трансформации и жажда технологий становятся все более очевидными, что разогревает технологический национализм [4, р. 11–15]. В-третьих, технология как продукт, который может защищать национальные интересы, способствовать национальному превосходству и приносить пользу будущему развитию страны, в определенной степени связана с национальными атрибутами. В настоящее время технологическая независимость связана с омоложением китайской нации, и любое поведение, соответствующее этой цели, получит поддержку китайского народа.

На фоне взаимосвязанной технологической революции и международной конкуренции развитие науки и техники напрямую изменило баланс политической и военной мощи между странами.

¹ 央企“AI+”行动提速 [Доступ к программе DeepSeek central enterprise «AI+» для ускорения] (2025-02-13) [Электронный ресурс] // 新华网 [сайт: Сеть Синьхуа]. URL: <http://www.news.cn/finance/20250213/1d369f19be5f42c29b150bc628f8ed05/c.html> (дата обращения: 12.06.2025).

² What Does the DeepSeek Disruption Mean for Southeast Asia? (By Jonathan Chin February 07, 2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://thediplomat.com/2025/02/what-does-the-deepseek-disruption-mean-for-southeast-asia/> (дата обращения: 12.06.2025).

³ China's DeepSeek Shows Why Trump's Trade War Will Be Hard to Win. (By Tyler Cowen. January 9, 2025 at 6:00 PM GMT+8) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2025-01-09/chinese-ai-deepseek-shows-why-trump-s-trade-war-will-be-hard-to-win> (дата обращения: 12.06.2025).

Современный китайский технологический национализм отличается от западной технологической гегемонии и технологического протекционизма. Углубленный академический анализ китайского технологического национализма, выявление исторического дискурса, сформировавшего сложный контекст, обобщение его разнообразных проявлений, диалектическая оценка его влияния составляют перспективу дальнейших направлений исследований.

Список литературы / References

1. Bell, D. *The Coming of Post-Industrial Society. A Ventura at Social forecasting*. New York, Basic Books, 1973. 507 p.
2. Cantwell, J. *The Globalisation of Technology: What Remains of the Product Cycle Model?* // *Cambridge Journal of Economics*. 1995. Vol. 19. No. 1. P. 155–174.
3. Chichilimov, S. V. To the question of the factors of growth of the Chinese economy at the present stage // *Society: Politics, Economics, Law*. 2021. No. 11. P. 51–56. DOI: 10.24158/pep.2021.11.6 = Чичилимов С. В. К вопросу о факторах роста китайской экономики на современном этапе // *Общество: политика, экономика, право*. 2021. № 11. С. 51–56 (In Rus.). DOI: 10.24158/pep.2021.11.6.
4. Gerth, K. 制造中: 消费文化与民族国家的创建. 黄振萍. 北京大学出版社. 2007;442 = Gerth K. *China Made: Consumer Culture and the Creation of the Nation* / transl. by Huang Zhenping. Peking University Press, 2007. 442 p. (In Chinese).
5. Godley, A., Buckley, T., Joseph, M. *Techno-Nationalism and Capability Development in the Global Pharmaceuticals Industry, 1918–1970* // *Journal of International Business Policy*, Palgrave Macmillan. 2025. Vol. 8, No. 2. P. 155–171. DOI: 10.1057/s42214-025-00210-0.
6. Gross, D. P., Sampat, B. N. *America, Jump-Started: World War II R&D and the Takeoff of the US Innovation System* // *American Economic Review*. 2023. Vol. 113, No. 12. P. 3323–3356. DOI: 10.1257/aer.20221365.
7. Jinkai, Zhang. China and Russia: International Law and Cybersecurity (Issues, Reflections and Countermeasures) // *Russia in the Global World*. 2025. Vol. 28, No. 2. P. 144–161. DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.11 = Чжан Цзинькай. Китай и Россия: международное право и кибербезопасность (проблемы, размышления и контрмеры) // *Россия в глобальном мире*. 2025. Т. 28, № 2. С. 144–161 (In Rus.). DOI: 10.48612/rg/RGW.28.2.11.
8. Kim, S., Hart, J. A. *The Global Political Economy of Wintelism: A New Mode of Power and Governance in the Global Computer Industry*. In book: *Information Technologies and Global Politics*, Chapter: 6 / ed. by J. N. Rosenau, J. P. Singh. SUNY Press, 2002. P. 141–144.
9. Lynn, L., Salzman, H. *Techno-Nationalism or Building a Global Science and Technology Commons? (But What about China?)* // *Global Policy*. 2023. No. 14. P. 832–846. DOI: 10.1111/1758-5899.13258.
10. Nakayama, S. *Techno-Nationalism Versus Techno-Globalism* // *East Asian Science, Technology and Society: An International Journal*. 2012. Vol. 6, No. 1. P. 9–15. DOI: 10.1215/18752160-1504708.
11. Reich, R. B. *The Work of Nations: Preparing Ourselves for 21st-Century*. New York : Knopf Publishing, 1991. 331 p.
12. Zúñiga, N., Burton, S. D., Blancato, F., Carr, M. *The Geopolitics of Technology Standards: Historical Context for US, EU and Chinese Approaches* // *International Affairs*. 2024. Vol. 100. No. 4. P. 1635–1652. DOI: 10.1093/ia/iaae124.
13. 埃里·凯杜里. 民族主义. 张明明译. 中央编译出版社. 2002;150 = Eli, Ke Dou Lie. *Nationalism* / transl. by Zhang Mingming. Central Compilation and Translation Press, 2002. 150 p. (In Chinese).
14. 蔡翠. 超竞争环境下的全球技术战略布局和角逐特点. 人民论坛. 2025;(02):15-20 = Cai, Cui. *Global Technology Strategic Layout and Competition Characteristics in a Hyper-Competitive Environment* // *People's Forum*. 2025. No. 2. P. 15–20. URL: <https://cas.fudan.edu.cn/info/1033/21463.htm> (accessed: 12.06.2025) (In Chinese).
15. 哈布瓦赫. 论集体记忆. 毕然, 郭金华. 上海人民出版社. 2002; 435 = A Buva, He. *On Collective Memory* / transl. by Bi Ran and Guo Jinhua. Shanghai People's Publishing House, 2002. 435 p. (In Chinese).

16. 姜奇平. “新技术民族主义” 将兴起 — 技术强国路线图分析之. 互联网周刊. 2004; (20):58-59 = Jiang, Qiping. “New Technological Nationalism” Will Rise — Analysis of the Roadmap for Becoming a Technologically Powerful Nation // Internet Weekly. 2004. No. 20. P. 58–59 (In Chinese).
17. 李峥. 全球新一轮技术民族主义及其影响. 现代国际关系. 2021;(3):31-39 = Li, Zheng. A New Round of Global Technological Nationalism and Its Impact // Modern International Relations. 2021. No. 3. P. 31–39. URL: <https://qikan.cqvip.com/Qikan/Article/Detail?id=7104489515> (In Chinese).
18. 梁启超. 国家思想变迁异同论-饮冰室合集文集之六. 中华书局. 1936; 92-93 = Liang, Qichao. On the Similarities and Differences in the Changes of National Thought. Yinbingshi Collection. Vol. 6. Zhonghua Book Company, 1936. P. 92–93 (In Chinese).
19. 刘国柱. 特朗普政府技术民族主义论析. 美国研究. 2020;(4):46-48 = Liu, Guozhu. Analysis of Trump Administration’s Techno-Nationalism // American Studies. 2020. No. 4. P. 46–48 (In Chinese).
20. 乔楠, 鲁义轩. TD-SCDMA3标准的诞生. 通信世界. 2006.10:40-42 = Qiao, Nan, Lu, Yixuan. The Birth of the TD-SCDMA3 Standard // Communications World. 2006. No. 10. P. 40–42 (In Chinese).
21. 萨克斯, 刘戈宏. 全球化:以技术划分的世界新格局. 国外社会科学文摘. 2000;(10):28-31 = Sachs, Liu Gehong. Globalization: A new world structure divided by technology // Foreign Social Science Abstracts. 2000. No. 10. P. 28–31 (In Chinese).
22. 沈成飞, 郭文亮. 对外和平与对内认同 - 当代中国民族主义发展流变与理性塑造. 教学与研究. 2015;(2):80-88 = Shen, Chengfei, Guo, Wenliang. External Peace and Internal Identity: The Development and Rational Shaping of Contemporary Chinese Nationalism // Teaching and Research. 2015. No. 2. P. 80–88 (In Chinese).
23. 宋新伟. 民族主义在中国的嬗变. 社会科学文献出版社. 2010;373 = Song, Xin Wei. The Evolution of Nationalism in China. Social Sciences Academic Press, 2010. 373 p. (In Chinese).
24. 孙黎. 技术民族主义的破产. IT经理世界. 2009; (13): 94-96 = Su, Li. The Bankruptcy of Technological Nationalism // IT Manager World. 2009. No. 13. P. 94–96 (In Chinese).
25. 陶文昭. 技术民族主义与中国的自主创新. 高校理论战线. 2006;(05):43-48 = Tao, Wenzhao. Technological Nationalism and China’s Independent Innovation // Journal of Higher Education Theory. 2006. No. 5. P. 43–48 (In Chinese).
26. 王家庭. “以市场换技术” 还能走多远? 国经贸导刊. 1998;(17):296-307 = Wang, Jiatong. How far can “trading market for technology” go? // National Economic and Trade Guide. 1998. No. 17. P. 296–307 (In Chinese).
27. 王稳, 仲鑫, 马光明. “新技术民族主义”还是“技术霸权主义”. 国际商务 (对外经济贸易大学学报). 2006;040:5-9 = Wang, Wen, Zhong, Xin, Ma, Guangming. “New Technological Nationalism” or “Technological Hegemonism” // International Business (Journal of University of International Business and Economics). 2006. No. 40. P. 5–9. URL: <https://qikan.cqvip.com/Qikan/Article/Detail?id=22369837> (accessed: 12.06.2025) (In Chinese).
28. 王玉柱. 发展阶段、技术民族主义与全球化格局调整 — 兼论大国政治驱动的新区域主义. 世界经济与政治. 2020;(11):136-155 = Wang, Yuzhu. Development Stage, Technological Nationalism and Adjustment of Globalization Pattern — On New Regionalism Driven by Great Power Politics // World Economy and Politics. 2020. No. 11. P. 136–155 (In Chinese).
29. 徐杰舜. “铸牢中华民族共同体意识” 理论的内涵与学术支撑. 湖北民族学院学报 (哲学社会科学版). 2020;(04):77-86 = Xu, Jieshun. The Connotation and Academic Support of the Theory of “Forging a Strong Sense of Community for the Chinese Nation” // Journal of Hubei University for Nationalities (Philosophy and Social Sciences). 2020. No. 4. P. 77–86 (In Chinese).
30. 杨莉, 吴宗铖. 马克思主义科技观在中国的承续研究. 九州出版社. 2022; 260. = Yang, Li, Wu, Zongcheng. A Study on the Continuation of Marxist Views on Science and Technology in China. Jiuzhou Publishing House, 2022. 260 p. (In Chinese).
31. 翟东升. 中国为什么有前途 (第3版). 机械工业出版社. 2019;335 = Zhai, Dongsheng. Why China Has a Future (3rd Edition). China Machinery Industry Press, 2019. 335 p. (In Chinese).

Об авторах:

Чжан Цзинкай, аспирант, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Высшая школа международных отношений Гуманитарного института, (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: 519030552@qq.com; ORCID: 0009-0003-7553-5800

Лбова Людмила Валентиновна, доктор исторических наук, профессор, Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого, Высшая школа международных отношений Гуманитарного института (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: lbova_lv@spbstu.ru; ORCID: 0000-0003-4103-7785

About the authors:

Zhang Jinkai, PhD student, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Higher School of International Relations, Institute of Humanities of (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: 519030552@qq.com; ORCID: 0009-0003-7553-5800

Liudmila V. Lbova, Doctor of Science (History), Professor, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Higher School of International Relations, Institute of Humanities (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: lbova_lv@spbstu.ru; ORCID: 0000-0003-4103-7785

© Чжан Цзинкай, Лбова Л. В., 2025

Турецкий фактор на пространстве ЕАЭС: конкурентное сотрудничество с позиции интересов России

Чмырева В. А.

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия

e-mail: vera1305@mail.ru

РЕФЕРАТ

В исследовании проанализирована роль турецкого фактора на пространстве Евразийского экономического союза с позиции интересов России в актуальных условиях политико-экономической турбулентности и геополитической эскалации. **Цель и задачи.** Определив взаимодействие между акторами как конкурентное сотрудничество, автор стремится осмыслить основные направления и механизмы его реализации; выявить приоритетные направления расширения влияния Турецкой Республики на евразийском пространстве, проанализировать актуальные тренды и факторы влияния, определить перспективы турецкого присутствия в регионе. **Методология.** Используется сочетание общенаучных теоретических и специальных методов; особое значение имеют метод сравнительного анализа и логический метод, позволяющие добиться структурного анализа исследуемого объекта и логической последовательности его рассмотрения. **Результаты.** Учитывая стремление стран Евразийского экономического союза к диверсификации внешнеполитического и экономического сотрудничества с внешними партнерами, не вызывает сомнений, что конкурентное сотрудничество в регионе и значимость турецкого фактора будут нарастать, меняя структуру межгосударственного сотрудничества на евразийском пространстве. **Выводы.** Россия заинтересована в повышении экономической эффективности и политической привлекательности евразийской интеграционной модели и выстраивании траектории прагматичного и взаимовыгодного взаимодействия с Турецкой Республикой. Без должного внимания со стороны России турецкое присутствие имеет шансы приобрести системный и долговременный характер в стратегически важных для России областях экономики и вопросах геополитики.

Ключевые слова: ЕАЭС, Россия, Турция, евразийская интеграция, Большое Евразийское партнерство

Для цитирования: Чмырева В. А. Турецкий фактор на пространстве ЕАЭС: конкурентное сотрудничество с позиции интересов России // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 3. С. 137–147. EDN: BAKVMB

The Turkish Factor within the EAEU Space: Competitive Cooperation through the Prism of Russia's Interests

Vera A. Chmyreva

Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: vera1305@mail.ru

ABSTRACT

The research analyzes the role of Turkish factor in the EAEU space through the prism of Russia's interests under current conditions of political and economic turbulence and geopolitical escalation.

Aim and tasks. Having defined the interaction between the actors as competitive cooperation, the

author aims to comprehend the main directions and mechanisms of its implementation; to identify priority directions for expanding Turkish influence in the Eurasian space, to analyze current trends and factors of influence, to present a long-term outlook of Turkish presence in the region. **Methods.** The author uses a combination of general scientific theoretical and special methods; the method of comparative analysis and the logical method are of particular importance. **Results.** Due to the EAEU countries' intention to diversify foreign policy and economic cooperation with external partners, there is no doubt that competitive cooperation in the region as well as the weight of the Turkish factor will increase, changing the structure of interstate cooperation in the Eurasian space. **Conclusion.** Russia is interested in increasing economic efficiency and political attractiveness of the Eurasian integration model as well as building a trajectory of pragmatic and mutually beneficial cooperation with Türkiye. Without Russia's due attention the Turkish presence can turn out to acquire a systemic and long-term character in the areas strategically important for Russian economy and geopolitics.

Keywords: EAEU, Russia, Türkiye (Turkey), Eurasian integration, Greater Eurasian Partnership

For citation: Chmyreva V. A. The Turkish Factor within the EAEU Space: Competitive Cooperation through the Prism of Russia's Interests // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 137–147 (In Rus.). EDN: BAKVMB

Введение

Не вызывает сомнений, что продолжающийся процесс трансформации мирового политико-экономического пространства определяет необходимость пересмотра действующих концептуальных подходов, механизмов и инструментов реализации внешнеполитического видения России (РФ). Блоковый подход доказал свою неэффективность и уступает место многополярному взаимодействию: на пространстве Евразийского экономического союза (ЕАЭС, или Союз) развивается динамичное конкурентное сотрудничество между заинтересованными акторами, основанное на сочетании соперничества и партнерства, что определяет необходимость развития конкурентных преимуществ РФ в мировой экономике в процессе выстраивания новой архитектуры взаимодействия с государствами-партнерами.

ЕАЭС, возникший десятилетие назад как международная организация региональной экономической интеграции, к 2025 г. обладает потенциалом становления в качестве одного из полюсов в глобальном геополитическом измерении. Во внешнеполитическом видении России Союз представляется одним из ключевых игроков в процессе формирования широкого интеграционного контура — Большого Евразийского партнерства (БЕП) — «посредством объединения потенциалов всех государств, региональных организаций и объединений Евразии»¹. Турецкая Республика (ТР) подключается к формированию евразийского интеграционного контура и предлагает собственное стратегическое видение развития региона, что напрямую или косвенно затрагивает интересы России.

На пространстве ЕАЭС Турция реализует стратегию взаимовыгодных отношений с партнерами и сохраняет условный нейтралитет в рамках действующих организаций и блоков; страна хеджирует риски и балансирует между интересами ключевых игроков. Уступая экономическому потенциалу доминантных акторов (России, Китаю, США), Турция занимает экономические ниши, где уже имеет опыт и потенциал для расширения влияния, и наращивает локальное влияние на евразийском пространстве, действуя ситуативно и с пониманием того, что «турецкий хаб (политический, торгово-экономический, энергетический, логистический) может отвечать интересам всех заинтересованных игроков региона» [5, с. 112]. Интенсификация торгово-экономических отношений с государствами ЕАЭС, сближение с Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС) и БРИКС, расширение интеграционных процессов в формате Организации тюркских государств (ОТГ), наращивание торгового оборота с Китаем (КНР) при сохранении

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс] // МИД РФ. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 31.07.2025).

роста торгово-экономических отношений и расширении повестки сотрудничества с США и ЕС, — все это отражает многомерное видение Анкары в «век Турции»¹.

Материалы и методы

Данное исследование опирается на широкую источниковую базу: статистические источники (официальные данные Евразийской экономической комиссии, Евразийского банка развития, Статистического комитета Республики Армения, Национального статистического комитета Кыргызской Республики и др.); нормативно-законодательные акты, корпус делопроизводственной документации (источники нормативно-отчетного и информационного характера, официальные заявления государственных должностных лиц), публицистические источники. Сравнительный анализ представленных данных и критический подход позволили переосмыслить роль Турции на пространстве ЕАЭС с позиции интересов России.

Турция в политико-экономическом пространстве ЕАЭС

По данным Евразийского банка развития (ЕАБР), Турция входит в тройку крупнейших стран-инвесторов в Евразийском регионе. Наибольший объем турецких инвестиций приходится на обрабатывающие и сырьевые отрасли, и наибольшая доля во входящих турецких прямых иностранных инвестициях (ПИИ) принадлежит России (43,1% от общего объема, или 5,3 млрд долл. США)². Рост турецких инвестиций в российскую экономику во многом обусловлен уходом западных игроков с российского рынка и формальным неприсоединением Турции к санкционным ограничениям в отношении РФ.

Значительную долю в общей структуре турецких ПИИ занимает Казахстан (РК) — 14,8%, или 1,82 млрд долл.: объем инвестиций увеличился в 3,4 раза с 2016 г. и на 46% с 2022 г.³ Из стран региона в РК реализуется максимальное количество проектов (46). Внимание турецких компаний привлекают также запасы природных ресурсов Казахстана. В ходе официального визита в Турцию в июле 2025 г. президент Республики Казахстан К.-Ж. Токаев заявил, что в республике работают около 4 тыс. турецких компаний, которые реализовали совместные проекты на сумму 6 млрд долл.⁴

Казахстан стал наиболее привлекательной страной для турецких инвесторов, что подчеркивает его стратегическую значимость. Турецкие эксперты отмечают, что расширение политических связей с Казахстаном «необходимо с точки зрения укрепления турецкого влияния в Центральной Азии... В свою очередь, Астана использует отношения с членом НАТО — Турцией в качестве инструмента своей внешней политики для выстраивания баланса между Россией, Китаем и Евросоюзом» [4, с. 46].

В последние годы активизировалось присутствие Турции в Кыргызстане (КР): по объему ПИИ Турция значится среди ключевых стран-инвесторов, уступая КНР и РФ⁵. В настоящее время в Кыргызстане работает около 300 компаний с турецким капиталом. Турецкие подрядчики инвестируют в сферу строительства, энергетики и туризма. Получив в управление международные аэропорты КР «Манас» и «Ош», турецкий инвестор (YDA Group) принял на себя обязательства по модернизации инфраструктуры и строительству новых терминалов, а также обязался «выплачивать государству ежегодно более 1 млрд сомов в течение 11 лет»⁶.

¹ National foreign policy in the “Century of Türkiye” [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.gov.tr/synopsis-of-the-turkish-foreign-policy.en.mfa> (дата обращения: 31.07.2025).

² Взаимные инвестиции на Евразийском континенте: новые и старые партнеры. Доклад 25/1 [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития. Алматы, 2025. URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/vzaimnye-investitsii-na-evraziyskom-kontinente-novye-i-starye-partnery/> (дата обращения: 31.07.2025).

³ Там же.

⁴ Президент Казахстана призвал Турцию к углублению партнерства в инвестициях, энергетике и АПК [Электронный ресурс]. URL: <https://www.inform.kz/ru/kazakhstan-predlagaet-osobie-igoti-turetskim-predprinimateliam-cb8d1d> (дата обращения: 31.07.2025).

⁵ Национальный статистический комитет Кыргызской Республики. Поступление прямых иностранных инвестиций по странам в 2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.gov.kg/ru/statistics/investicii/> (дата обращения: 31.07.2025).

⁶ Взаимные инвестиции на Евразийском континенте: новые и старые партнеры. Доклад 25/1 [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития. Алматы, 2025. URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/vzaimnye-investitsii-na-evraziyskom-kontinente-novye-i-starye-partnery/> (дата обращения: 31.07.2025).

Беларусь (РБ) имеет заметно меньшие доли в структуре ПИИ с Турцией: турецкие инвестиции в РБ составили 1,3 млрд долл. в 2022 г. Среди крупных проектов — покупка турецкой компанией Turkcell оператора мобильной связи «Белорусская сеть телекоммуникаций» («БеСТ»): турецкий оператор выкупил долю «БеСТ» «за символическую сумму ..., взамен обязавшись инвестировать не менее 100 млн долл. в телекоммуникационную инфраструктуру Беларуси до 2032 г.»¹. Также — строительство социально значимых объектов, включая отели в Минске. Однако с 2022 г. Республика Беларусь показала снижение инвестиционной привлекательности, что, по мнению аналитиков ЕАБР, может быть связано с экономическими и политическими рисками².

Анализ динамики внешней торговли между ЕАЭС и Турецкой Республикой (см. табл. 1) позволяет сделать вывод о планомерном росте торгово-экономических отношений между странами и их взаимозависимости с геополитическими факторами (политические отношения, изменения международной геополитической ситуации, экономические санкции, логистические барьеры и пр.).

Таблица 1

Внешняя торговля ЕАЭС с Турецкой Республикой, 2015–2021 гг., млрд долл. США

Table 1. Foreign trade of the EAEU with the Republic of Turkey, 2015–2021, billion US dollars

Год	Оборот	Экспорт	Импорт
2015	26,4	20,8	5,6
2016	18,5	14,6	3,9
2017	25,5	20,1	5,4
2018	29,0	22,8	6,2
2019	30,8	23,8	7,0
2020	25,3	18,3	7,0
2021	39,3	30,5	8,8

Источник: составлено автором по данным Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/tradestat/tables/extra/ (дата обращения: 31.07.2025).

Пострановый анализ (см. табл. 2) демонстрирует эффективность турецкой стратегии расширения влияния. Несмотря на то, что Турция не является приоритетным торгово-экономическим партнером для стран региона (РФ и КНР возглавляют рейтинг стран, имеющих наибольшую долю во внешней торговле государств ЕАЭС), рост сотрудничества между странами, а также рост локального присутствия Турции в отдельных отраслях экономик стран-партнеров свидетельствуют о том, что взаимодействие приобретает системный характер.

Россия и Казахстан — приоритетные инвестиционные и торгово-экономические партнеры Турции на пространстве ЕАЭС, и динамика торговли сохраняет стабильность: экспорт из России и Казахстана в Турцию существенно превышает турецкий импорт за счет спроса с турецкой стороны на топливно-энергетические товары (более 70% в структуре экспорта), металлы и изделия из них, продукты животного и растительного происхождения. В динамике торговли Беларуси, Казахстана и Армении (РА) с Турцией доминирует турецкий импорт, который к 2021 г. заметно вырос (см. табл. 2).

Россия остается ключевым торговым партнером Турции по импорту: в период 2015–2024 гг. на Россию пришлось основная доля евразийско-турецкого внешнеторгового оборота (более 80%). В 2023 г. объем российско-турецкого товарооборота составил 55,4 млрд долл.³ Основа роста — рос-

¹ Мониторинг взаимных инвестиций ЕАБР-2023. Доклады и рабочие документы 23/5 // Евразийский банк развития. Алматы, 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://eabr.org/upload/iblock/82b/EDB_2023_Report-5_Monitoring-of-Mutual-Investments_rus.pdf (дата обращения: 31.07.2025).

² Взаимные инвестиции на Евразийском континенте: новые и старые партнеры. Доклад 25/1 [Электронный ресурс] // Евразийский банк развития. Алматы, 2025. URL: <https://eabr.org/analytics/special-reports/vzaimnye-investitsii-na-evraziyskom-kontinente-novye-i-starye-partnery/> (дата обращения: 31.07.2025).

³ См.: Евразийская экономическая комиссия. Внешняя торговля с третьими странами [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/tradestat/tables/extra/; Путин отметил динамичное развитие торгового сотрудничества с Турцией [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20241023/putin-1979645981.html> (дата обращения: 31.07.2025).

сийские поставки топливно-энергетических товаров, продукции сельского хозяйства, химической промышленности и металлопродукции, а также транзит подсанкционных товаров из Европейского союза (ЕС) в Россию через Турцию¹. К 2024 г. из-за санкционных ограничений в отношении Российской Федерации и риска вторичных санкций, а также стремления Турецкой Республики к диверсификации импорта энергоресурсов произошло «некоторое снижение уровня товарооборота», при этом, по заявлению официальных лиц, «в 2024 году товарооборот двух стран приблизился к 60 млрд долларов»².

Таблица 2

Внешняя торговля государств — членов ЕАЭС с Турецкой Республикой, долл. США
Table 2. Foreign trade of the EAEU member states with the Republic of Turkey, US dollars

2015 г.	ЕАЭС	Россия	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Армения
Оборот	26,4 млрд	23,3 млрд	629,8 млн	2,0 млрд	251,5 млн	137,9 млн
Экспорт	20,8 млрд	19,2 млрд	141,9 млн	1,3 млрд	85,2 млн	1,5 млн
Импорт	5,6 млрд	4,0 млрд	487,9 млн	740 млн	166,3 млн	136,3 млн
2021 г.	ЕАЭС	Россия	Беларусь	Казахстан	Кыргызстан	Армения
Оборот	39,3 млрд	33,6 млрд	1,1 млрд	4,1 млрд	411,8 млн	73,1 млн
Экспорт	30,5 млрд	27,0 млрд	360 млн	3,0 млрд	90,6 млн	442 тыс.
Импорт	8,8 млрд	6,5 млрд	723 млн	1,1 млрд	321,1 млн	72,7 млн

Источник: составлено автором по данным ЕЭК [Электронный ресурс].
URL: https://eec.eaeunion.org/comision/departament/dep_stat/tradestat/tables/extra/2021.php (дата обращения: 31.07.2025).

Объем товарооборота между Турцией и Казахстаном в течение последнего десятилетия варьировался от 1,5 до 4 млрд долл. США; в 2022 г. был достигнут рекордный объем взаимной торговли — 6,3 млрд долл.³ В последние годы после незначительного падения рост возобновился, и в 2024 г. товарооборот между странами составил 5 млрд долл.⁴ По заявлению К.-Ж. Токаева, Турция входит в пятерку крупнейших торговых партнеров Казахстана, и стороны намерены довести двусторонний товарооборот до 15 млрд долл.⁵ В целом уровень двусторонних торгово-экономических отношений не соответствует заявленным ожиданиям и значительно уступает товарообороту Казахстана с Китаем и Россией.

На этом фоне продолжается развитие турецко-казахстанского военно-оборонного сотрудничества, и стороны согласовали новый план взаимодействия в сфере военного образования и науки, миротворческой деятельности, боевой и медицинской подготовки на 2025 г.⁶

В 2024 г. на уровень всеобъемлющего стратегического партнерства были подняты турецко-киргизские отношения. Президент Кыргызстана С. Жапаров отметил важность развития торговых отношений между странами и пригласил турецкие компании к участию в проектах строительства малых и средних ГЭС и фармацевтического завода, «который будет удовлетворять потребности как Кыргызстана,

¹ См. интервью А. Кострова, генерального директора компании «Российско-Турецкое торговое партнерство» (РТТП): «Бизнес-сотрудничество между Россией и Турцией: что на него влияет в 2023 году» [Электронный ресурс]. URL: <https://strategyjournal.ru/ekonomika-i-biznes/biznes-sotrudnichestvo-mezhdu-rossiej-i-turtsiej-cto-na-nego-vliyaet-v-2023-godu/> (дата обращения: 31.07.2025).
² Встреча с министром иностранных дел Турции Хаканом Фиданом [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74249>; Александр Новак: Двусторонний торговый оборот с Турцией увеличился более чем в два раза за пять лет [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/news/55468/> (дата обращения: 31.07.2025).
³ Министерство национальной экономики Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/economy/press/news/details/647148?lang=ru> (дата обращения: 31.07.2025).
⁴ Взаимная торговля Казахстана с Турцией за 2024 год [Электронный ресурс]. URL: https://eri.kz/ru/Novosti_instituta/id=7536 (дата обращения: 31.07.2025).
⁵ Kazakhstan, Türkiye to Boost Bilateral Trade to \$15 Billion [Электронный ресурс]. URL: <https://astanatimes.com/2024/11/kazakhstan-turkiye-to-boost-bilateral-trade-to-15-billion/> (дата обращения: 31.07.2025).
⁶ В Анкаре подписан план военного сотрудничества Казахстана и Турции на 2025 год [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mod/press/news/details/924689?lang=ru> (дата обращения: 31.07.2025).

так и других стран Центральной Азии и России»¹. Турция входит в число ключевых торговых партнеров Кыргызстана после Китая, России, Казахстана и Узбекистана. По данным Министерства экономики и коммерции республики, в период с 2018 по 2022 гг. товарооборот между странами увеличился в 1,6 раза; в 2023 г. составил 606,5 млн долл., или 3,8% в общем объеме товарооборота. (Для сравнения: КНР — 5,4 млрд, или 34,2%; РФ — 3,1 млрд, или 19,5%).²

Подписание турецко-киргизского соглашения о сотрудничестве в области оборонной промышленности в рамках государственного визита Р. Эрдогана в Кыргызстан в 2024 г. на фоне усиления турецко-казахстанского оборонного сотрудничества свидетельствует о росте в регионе турецкого военного присутствия и блока НАТО в лице Турции. В этой связи следует рассматривать и трансформацию партнерства НАТО с Арменией, и заявление Р. Эрдогана о том, что «Турция использует все дипломатические средства не только для достижения стабильности на Кавказе, но и во всем регионе...»³. Это отражает готовность Турции выступить в роли драйвера создания не только новой архитектуры политико-экономического пространства, но и зоны безопасности в регионе российского «пояса соседства», что напрямую затрагивает интересы России, а также многостороннее взаимодействие между странами в рамках ЕАЭС и Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ), которое без должного внимания со стороны Российской Федерации рискует дрейфовать в сторону торгово-экономической и военно-политической интеграции под эгидой ОТГ и по стандартам НАТО.

Нормализация турецко-армянских торгово-экономических отношений привела к росту товарооборота между странами с 73,0 млн долл. в 2021 г. до 335,9 млн долл. в 2024 г., при этом экспорт товаров Армении составил всего 0,4 млн долл.⁴, что свидетельствует об успешном освоении армянского рынка Турцией. Визит президента Республики Армения Н. Пашиняна в Стамбул в 2025 г. не только явился следствием активизации диалога между странами, но и вписан в контекст выстраивания новой архитектуры отношений Армении с НАТО, включая стремление к развитию транспортных коридоров в регионе без участия Российской Федерации.

Турция является одним из приоритетных партнеров Беларуси, а внешнеторговые отношения между странами в последние годы характеризуются устойчивой динамикой роста. Минск видит в Анкаре перспективного партнера и стремится к «еще более динамичному и плодотворному развитию двустороннего сотрудничества по всем направлениям»⁵. По итогам 2023 г. товарооборот Беларуси с Турцией составил более 1 млрд долл., при этом существенный дисбаланс по взаимной торговле сохраняется в пользу турецкого импорта.

В целом отмечена тенденция роста локального влияния Турции в отдельных отраслях. «Учитывают в Турции и общее изменение геополитической ситуации в Евразии в связи с конфликтом на Украине ...» [3, с. 61]. В этой связи наращивание военно-оборонного сотрудничества Турции с партнерами нацелено, среди прочего, на обеспечение безопасности альтернативных (вне территории Российской Федерации) трансевразийских маршрутов.

Турецкий фактор ЕАЭС: транспортная сфера и энергетика

Транспортная сфера представляет собой каркас экономики ЕАЭС и фигурирует в качестве приоритета БЕП. Россия совместно с партнерами продолжает системную работу по развитию транспортной

¹ Садыр Жапаров: Отношения между Кыргызстаном и Турцией поднимаются на новый уровень всеобъемлющего стратегического партнерства [Электронный ресурс]. URL: <https://eltr.kg/ru/sadyr-zhaporov-otnosheniya-mezhdu-kyrgyzstanom-i-turcziej-podnimayutsya-na-novyy-uroven-vseobemlyushhego-strategicheskogo-partnerstva/> (дата обращения: 31.07.2025).

² См.: Министр Д. Амангельдиев: О повышении потенциала двустороннего торгово-экономического сотрудничества между Кыргызстаном и Турцией [Электронный ресурс]. URL: <https://mineconom.gov.kg/ru/post/10101>; Внешняя и взаимная торговля товарами Кыргызской Республики в 2023 году [Электронный ресурс]. URL: <https://stat.gov.kg/ru/publications/sbornik-vneshnyaya-torgovlya-kyrgyzskoj-respubliki/> (дата обращения: 31.07.2025).

³ Statement regarding President Erdoğan's meeting with PM Pashinyan of Armenia [Электронный ресурс]. URL: <https://www.iletisim.gov.tr/english/haberler/detay/president-erdogan-meets-with-armenian-pm-pashinyan-20-6-2025> (дата обращения: 31.07.2025).

⁴ Статистический комитет Республики Армения. База данных внешней торговли [Электронный ресурс]. URL: <https://www.armstat.am/ru/?nid=717&thid%5B%5D=792&years%5B%5D=2024&year%5B%5D=2024&submit=%D0%9F%D0%BE%D0%B8%D1%81%D0%BA> (дата обращения: 31.07.2025).

⁵ Поздравление Президенту Турции Реджепу Тайипу Эрдогану [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/events/pozdravlenie-prezidentu-turcii-redzhepu-tayipu-erdoganu-1698416662> (дата обращения: 31.07.2025).

инфраструктуры и наращиванию внешнеторговых потоков в направлении «Восток — Запад» и «Север — Юг», предлагая конкурентоспособные авиа-, автомобильные, железнодорожные и морские маршруты всеми видами транспорта. Стремление обеспечить связанность пространства путем создания устойчивых коммуникаций и цепочек поставок отражает потенциал становления Российской Федерации в роли центра, способного активизировать «экономическую и политическую деятельность в плане “собираения” и консолидации вокруг себя экономически и цивилизационно близких ... стран» [1, с. 4]. В современных политико-экономических реалиях Россия сталкивается со стремлением ряда стран ограничить ее роль в консолидации региональных инициатив по строительству международных транспортных коридоров (МТК) в Евразии и исключить из трансевразийских логистических цепочек путем создания обходных транспортных коридоров.

Турция является активным участником и выгодополучателем развития региональных транспортных проектов и претендует на роль хаба (транспортного, энергетического, дипломатического) в выстраивании новой архитектуры сотрудничества на пространстве ЕАЭС. Турция активизирует усилия в развитии древнего Шелкового пути — «Среднего коридора» (СК) — турецкого компонента китайской инициативы «Один пояс — один путь», в котором республика участвует с 2015 г. Турция обосновывает экономическую привлекательность СК и предлагает центральноазиатским партнерам «важные экономические возможности» (логистические центры и зоны свободной торговли) для получения выгоды от торговли между Китаем и Европой¹. Декларируя амбициозные цели развития Транскаспийского международного транспортного маршрута (ТМТМ)², Турция наращивает двусторонние отношения с постоянными членами Ассоциации ТМТМ и государствами — членами ЕАЭС и ОТГ (РК, КР и др.). Анкара демонстрирует готовность выступить альтернативным звеном на маршруте из КНР в ЕС и наполнить проект транспортной связанности не только экономическим, но и политико-культурным содержанием.

Примечательно, в ходе саммита ОТГ в Венгрии (2025 г.) президент Казахстана К.-Ж. Токаев подчеркнул важность реализации стратегических целей стран тюркского мира и превращения ТМТМ в транспортный мост между Востоком и Западом³. При этом наиболее значимым экспортным маршрутом казахстанской нефти за рубеж с пропускной способностью 1,45 млн баррелей в сутки остается трубопровод Каспийского трубопроводного консорциума (КТК), а примерно половина мощностей маршрута Казахстанско-Китайского трубопровода (ККТ) с пропускной способностью 400 тыс. баррелей в сутки резервирована для транзита российской нефти⁴.

Активизация развития транскаспийского маршрута затрагивает интересы России, и речь идет не только о необходимости сохранения конкурентоспособности российской транспортно-логистической системы и повышения эффективности сотрудничества с партнерами, учитывая многовекторность и разнонаправленность проводимой ими политики, но и обеспечения интересов в сфере национальной безопасности. Развивая миротворческую риторику, Турция одновременно стремится «добиться статуса над-региональной военной силы и крупнейшего экспортера вооружений национального производства» [2, с. 43–44]. Так, Казахстан стал первой зарубежной страной на пространстве ЕАЭС, в которой будет налажено производство турецких ударных беспилотных летательных аппаратов⁵.

Динамика происходящих процессов требует особого внимания РФ, учитывая также рост в регионе китайского влияния и турецко-китайских торгово-экономических отношений на фоне развития совместных транспортно-логистических проектов. Значительный дисбаланс в торговле между Турцией и Китаем свидетельствует о растущей турецкой зависимости от китайского импорта: в 2023 г. турецкий экспорт

¹ Türkiye's Multilateral Transportation Policy [Электронный ресурс]. URL: https://www.mfa.gov.tr/turkiye_s-multilateral-transportation-policy.en.mfa (дата обращения: 31.07.2025).

² Транскаспийский международный транспортный маршрут [Электронный ресурс]. URL: <https://middlecorridor.com/ru/> (дата обращения: 31.07.2025).

³ О чем Токаев говорил на саммите Организации тюркских государств [Электронный ресурс]. URL: <https://www.zakon.kz/politika/6478197-o-chem-tokaev-govoril-na-sammite-organizatsii-tyurkskikh-gosudarstv.html> (дата обращения: 31.07.2025).

⁴ Kazakhstan Energy Outlook 2024 [Электронный ресурс]. URL: https://www.kazenergy.com/upload/document/center/241204_Kazakhstan_Energy_Outlook_2024_RU.pdf (дата обращения: 31.07.2025).

⁵ Производство турецких БПЛА “ANKA” будет организовано в Казахстане [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mps/press/news/details/369527?lang=ru> (дата обращения: 31.07.2025).

составил 3,3 млрд долл. США, в то время как импорт из Китая — 45 млрд долл., и дисбаланс продолжает усиливаться¹. В этой связи Россия представляется привлекательным партнером для Турции, который обладает не только богатой ресурсной базой, но и политической волей и реальными возможностями обеспечения безопасности транспортно-логистических маршрутов.

По многим направлениям отношения между Россией и Турцией имеют стратегический характер, и республика остается «самым надежным»² энергетическим российским партнером. Одновременно «мы никогда не квалифицировали Турцию как нашего стратегического союзника, это партнер, очень тесный», — заявил министр иностранных дел РФ С. Лавров³, и одна из причин — турецкая евроатлантическая повестка.

Евроатлантическая повестка Турции на пространстве ЕАЭС

Несмотря на заявленный интерес Турции к сближению с евразийскими интеграционными структурами и формирование собственной интеграционной повестки, членство Турции в НАТО по-прежнему определяет вектор политико-экономического движения республики. Заявляя об одинаковом уровне доверия к РФ и Западу⁴, руководство Турции балансирует между интересами ключевых игроков. Официально не присоединяясь к антироссийским санкциям, Турция выступает против обхода ограничений и ведет успешные переговоры с США по вопросу о гармонизации рестрикций и минимизации рисков для турецкого бизнеса. Импортируя рекордные объемы российских энергоресурсов и увеличивая экспорт в ЕС, турецкие компании активизируют долгосрочные контакты с западными партнерами с целью диверсификации поставок.

В последние годы запущены новые институты и механизмы реализации двустороннего американо-турецкого партнерства. В результате серии переговоров на высшем уровне в рамках платформы «Стратегический механизм США — Турция» (с 2022 г.) стороны усилили координацию по вопросам региональной безопасности в части укрепления военного потенциала и технологических возможностей стран-партнеров; подтвердили совместные усилия в рамках миротворческих процессов и в политике открытых дверей НАТО; признали растущее значение ядерной энергетики и достигли договоренности о развитии сотрудничества в этой области [5, с. 106–107].

Во многих отношениях амбиции Турции на пространстве ЕАЭС совпадают с геополитическими интересами США, особенно в части сдерживания влияния РФ и КНР. Стратегии Вашингтона в регионе соответствует лоббируемый Анкарой проект экономической интеграции по линии ОТГ. Создание Совета банковских ассоциаций тюркских государств и Тюркского инвестиционного фонда с уставным капиталом в долларах США способствуют усилению экономической связанности стран-участниц. Турция нуждается в поддержке Запада в проекции собственного влияния в регионе, США нуждаются в союзной Турции и намерены усилить американо-турецкое партнерство, допуская увеличение стратегической автономии республики и расширение турецкой повестки на евразийском пространстве.

Анкара разделяет интерес Запада в продвижении связей Восток — Запад посредством трубопроводов, железных дорог и торговых коридоров, способствует интеграции стран региона в западные инфраструктурные и инвестиционные проекты, и в последние годы этот процесс заметно активизировался. Партнерство по обеспечению безопасности полезных ископаемых, которое действует с 2022 г. при участии коалиции из стран — партнеров США, на фоне роста напряжения американо-китайских отношений

¹ Türkiye's China trade deficit woes [Электронный ресурс]. URL: <https://www.turkiyetoday.com/business/turkiyes-china-trade-deficit-woes-122606/#:~:text=T%20he%20latest%20foreign%20trade%20data%20released%20by,a%20significant%20trade%20imbalance%20between%20T%C3%BCrkiye%20and%20China>. (дата обращения: 31.07.2025).

² Встреча с президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/74460> (дата обращения: 31.07.2025).

³ Лавров назвал Турцию партнером, а не союзником России [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4530677> (дата обращения: 31.07.2025).

⁴ Эрдоган заявил, что доверяет России не меньше, чем Западу [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20230919/erdogan-1897115667.html> (дата обращения: 31.07.2025).

в 2024 г. было расширено за счет присоединения новых членов, среди которых Казахстан, Узбекистан, Украина и Турция.

Анкара, подтвердив роль важного звена в цепочках поставок важнейшего сырья на Запад, одновременно подписала меморандум о взаимопонимании с КНР по двустороннему сотрудничеству в области горнодобывающей промышленности и природных ресурсов, и министр энергетики и природных ресурсов Турецкой Республики А. Байрактар пригласил «китайские компании из всех отраслей горнодобывающей промышленности» совместно разведывать, добывать и внедрять ресурсы страны¹. Таким образом Турция стремится нивелировать лимиты своего влияния в регионе, которые связаны не только с его культурно-историческим наследием и сохраняющейся ориентацией на РФ и КНР, но и со стремлением партнеров выстраивать отношения с Западом без посредников в лице Турции.

Турецко-китайское энергетическое сотрудничество активизируется параллельно с развитием турецко-американского партнерства и сближения Турции с ЕС: в стремлении адаптировать отношения к меняющимся геополитическим реалиям и вывести их на уровень комплексного взаимодействия стороны усилили диалог в сфере инфраструктуры и инвестиций, по энергетике и климату; усилили взаимодействие в области обороны и ядерной энергетики.

Совпадают интересы Турции с Западом и в части развития ТМТМ: в последние годы внимание к повышению пропускной способности маршрута и развитию его инфраструктуры заметно возросло. США демонстрируют готовность инвестировать в энергетическую инфраструктуру и расширение транспортных сетей евразийского пространства, усиливая связанность региона с глобальными цепочками поставок. На повестке — идея Транскаспийского газопровода: президент Турции уже заявил о готовности поставлять туркменский газ на западные рынки, а американские компании готовы представить проект строительства соединительного газопровода по дну Каспия².

Для Казахстана также важен вопрос повышения эффективности транскаспийского маршрута, но с обязательным его сопряжением с другими транспортными коридорами (ЕАЭС). Для Турции Казахстан играет ключевую роль в части политики построения тюркского мира, который сегодня, по словам президента РК, становится «новой геополитической реальностью», а ОТГ «превращается в известного и авторитетного игрока на международной арене»³.

Результаты и обсуждение

В целом с точки зрения торгово-экономических отношений на пространстве ЕАЭС турецкий фактор не играет определяющей роли. К тому же, не имея общих границ с одним из своих ключевых центральноазиатских партнеров — Казахстаном, Турция вынуждена использовать транзитный потенциал соседних государств, которые, получая дивиденды от роста экономического сотрудничества с Турцией, одновременно заинтересованы в снижении конкурентоспособности турецкой экономики в регионе. Следует также учитывать, что первое место по объему двусторонней торговли со странами региона (РФ, РК, КР) занимает Китай, и при сохранении текущей динамики именно китайский фактор может оказаться определяющим в построении будущей архитектуры Большого Евразийского партнерства.

Подключение Турции к евразийской интеграционной системе и выстраивание траектории прагматичного и взаимовыгодного взаимодействия, сочетающего элементы конкуренции и сотрудничества по ключевым направлениям отраслевой структуры БЕП (система торгово-экономических и инвестиционных отношений, формирование сети общего транспортного и энергетического пространства и пр.) отвечают задачам укрепления региональной подсистемы под эгидой Москвы и имеют потенциал реализации с учетом многомерной и разнонаправленной политики Анкары. В противном случае «непростой

¹ Türkiye, China sign MoU on natural resources and mining [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aa.com.tr/en/energy/general/turkiye-china-sign-mou-on-natural-resources-and-mining/43972> (дата обращения: 31.07.2025).

² Florida Startup Offers Solution to Decades-Old Pipeline Puzzle [Электронный ресурс]. URL: <https://oilprice.com/Energy/Energy-General/Florida-Startup-Offers-Solution-To-Decades-Old-Pipeline-Puzzle.html> (дата обращения: 31.07.2025).

³ Казахстан и Азербайджан вступают в новую эру сотрудничества — интервью Касым-Жомарта Токаева [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/sci/press/news/details/722906?lang=ru&ysclid=mcyxk2gfn641782653> (дата обращения: 31.07.2025).

партнер»¹ рискует выйти из близкого окружения Российской Федерации, учитывая, что двойственный подход Анкары по многим вопросам международной повестки (турецко-украинское военно-техническое сотрудничество при одновременном предоставлении посреднических услуг Анкарой, поддержка стремления США ограничить возможности сотрудничества иностранных партнеров с РФ и др.) продолжает «вызывать недоумение»² российского руководства. К тому же Анкара транслирует идейно-ценностные ориентиры тюркского мира, делая особый акцент на инфраструктурное и оборонное сотрудничество, подкрепленное поддержкой евроатлантических партнеров, что создает дополнительные геополитические риски для РФ.

Заключение

Несмотря на то, что Турция пока не входит в число приоритетных торговых партнеров стран региона, при сохранении нынешних темпов роста локального влияния Турции и с учетом готовности США инвестировать в рост турецкого влияния ситуация может меняться в ближайшие годы. Значение турецкого фактора может возрасти, а Турция — выступить «конкурентоспособной альтернативой Китая» для стран, «нуждающихся в высококачественной инфраструктуре без сопутствующего долгового бремени»³. С позиции интересов России прогнозируемая динамика может оказаться благоприятной, а турецкий фактор может выступить своеобразным региональным балансиrom: не являясь приоритетным партнером для стран региона, присутствие Турции будет частично размывать влияние Китая и ускорит формирование новой многополярности.

Анализ деловой активности турецких компаний на пространстве ЕАЭС свидетельствует о важности евразийского рынка для турецкого бизнеса в части продвижения собственных экономических интересов. Структура экспортно-импортных отношений Турции со странами ЕАЭС показывает готовность Анкары участвовать в первую очередь в проектах, где турецкий бизнес традиционно имеет значительный опыт и технологическую эффективность: в инфраструктурных и логистических проектах, в сельском хозяйстве, строительной сфере и машиностроении; в рамках военно-оборонного сотрудничества.

Таким образом, партнерство Турции со странами ЕАЭС определяется не столько геополитическими целями в регионе, сколько потребностями развития бизнеса и способностью обеспечить контроль над собственными активами. Учитывая стремление стран ЕАЭС к диверсификации внешнеполитического и экономического сотрудничества с партнерами, не вызывает сомнений, что конкурентное сотрудничество в регионе будет нарастать, меняя структуру сотрудничества стран по линии ЕАЭС. Это в очередной раз подчеркивает необходимость движения России по пути модернизации, экономической и технологической суверенизации — «единственному пути, способному обеспечить конкурентоспособность и привлекательность российской экономики для стран “пояса соседства”» [5, с. 112].

Список литературы

1. Вардомский Л. Б., Бороденко М. М., Дадабаева З. А. [и др.]. Постсоветские страны в процессах международной регионализации в 2010–2020 гг.: ожидания, итоги, новые тенденции : коллективный научный доклад / под ред. Л. Б. Вардомского. М. : ИЭ РАН. 2021. 70 с. ISBN: 978-5-9940-0708-2. EDN: MLNLLK.
2. Идеи и ценности во внешней политике России, государств Ближнего и Постсоветского Востока : коллективная монография / ИНИОН РАН; отд. Ближнего и Постсоветского Востока; отв. ред. В. А. Аватков. Москва, 2025. ISBN: 978-5-248-01118-6. 132 с. EDN: VCUVEY.

¹ Путин назвал Эрдогана сильным лидером и непростым партнером [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/16176801> (дата обращения: 31.07.2025).

² Интервью министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова турецкой газете «Хюрриет», 1 ноября 2024 года [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/1978685/ (дата обращения: 31.07.2025).

³ Opinion: A strong relationship with Türkiye is in America's best interest [Электронный ресурс]. URL: <https://www.deseret.com/opinion/2024/2/13/24072311/turkey-us-nato-ally-aircraft-gaza/> (дата обращения: 31.07.2025).

3. *Малышева Д. Б.* Центральноазиатское направление политики Турции // Россия и новые государства Евразии. 2024. № 2 (63). С. 60–72. EDN: WZHHWT. DOI: 10.20542/2073-4786-2024-2-60-72.
4. *Свистунова И. А.* Турецко-казахстанские отношения на современном этапе // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 3 (60). С. 45–54. EDN: SLVUEN. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-3-45-54.
5. *Чмырева В. А.* Российский «пояс соседства» в фокусе американо-турецкого партнерства: новые реалии и интересы России // Мир перемен. 2025. № 1. С. 99–114. EDN: HIFWOU. DOI: 10.51905/2073-30382025199.

Об авторе:

Чмырева Вера Александровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук, Центр постсоветских исследований (Москва, Россия);
e-mail: vera1305@mail.ru

References

1. Vardomsky, L. B., Borodenko, M. M., Dadabaeva, Z. A. [et al.] Post-Soviet Countries in the Processes of International Regionalization in 2010–2020: Expectations, Results, New Trends : collective scientific report / ed. by L. B. Vardomsky. Moscow : Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2021. 70 p. ISBN: 978-5-9940-0708-2 (In Rus.). EDN: MLNLLK.
2. Ideas and Values in the Foreign Policy of Russia, the States of the Middle and Post-Soviet East : Collective monograph / ed. by V. A. Avatkov. Moscow : Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, 2025. 132 p. ISBN: 978-5-248-01118-6 (In Rus.). EDN: VCUVEY.
3. Malysheva, D. B. Central Asian Direction of Turkish Policy // Russia and New States of Eurasia. No. 2 (63). P. 60–72 (In Rus.). EDN: WZHHWT. DOI: 10.20542/2073-4786-2024-2-60-72.
4. Svistunova, I. A. Turkish-Kazakh Relations at the Present Stage // Russia and New States of Eurasia. 2023. No. 3 (60). P. 45–54 (In Rus.). EDN: SLVUEN. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-3-45-54.
5. Chmyreva, V. A. Russia's "Neighbourhood Belt" in the Focus of US-Turkey Strategic Partnership: New Realities and the Interests of Russia // The World of Transformations. 2025. No. 1. P. 99–114 (In Rus.).

About the author:

Vera A. Chmyreva, PhD in History, Senior Research Scientist, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, Center for Post-Soviet Studies (Moscow, Russia);
e-mail: vera1305@mail.ru

© Чмырева В. А., 2025

Международный рынок сырьевых товаров как операционная среда геополитического противоборства: классификация целей и исторические иллюстрации

Бушуев Е. С.

Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Россия

e-mail: bushuevevg88@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Цель. В данной статье международный сырьевой рынок рассматривается как операционная среда геополитического противоборства, исследуются и классифицируются цели, преследуемые государствами в этой сфере, а также приводятся релевантные примеры из новой и новейшей истории. **Методология.** В исследовании применяются междисциплинарный подход, метод сравнительного анализа, статистический и эмпирический методы, используются экспертные оценки. **Результаты.** Рынок базовых товаров представлен как специфическая область сотрудничества и конкурентного противодействия субъектов международных отношений. На базе широкого исторического материала в публикации предложен комплексный подход к анализу политики государств в рассматриваемой сфере, выделены четыре ключевых критерия для установления мотивации игроков, предложена предварительная классификация их целей. **Выводы.** Ресурсный суверенитет представляет собой критическое условие проведения самодостаточной внутренней и внешней политики каждого государства, поскольку является ключом к обеспечению национального бюджета, энергетической и продовольственной безопасности, устойчивости промышленности и важным фактором боеспособности вооруженных сил. Государства, имеющие сильные позиции на международном рынке сырьевых товаров, используют широкий спектр неэкономических методов для наращивания и сохранения собственных возможностей по управлению глобальными потоками базовых товаров и, таким образом, увеличивают и поддерживают национальный сырьевой суверенитет. Те же страны широко применяют имеющиеся у них преимущества в данной области как политический инструмент для мотивации или давления на собственных союзников, нейтральные стороны и оппонентов в различных вопросах международного взаимодействия, призывая последних к поиску переговорного компромисса или проводя намеренную политику расшатывания неустойчивых режимов. Страны со слабой позицией на сырьевых рынках вынуждены выбирать между двумя «плохими альтернативами», где первая предполагает движение навстречу политическим компромиссам ради поддержания ресурсной устойчивости государства, в то время как вторая альтернатива ведет к проблемам с поддержанием целевых бюджетных показателей, продовольственной и энергетической безопасности, устойчивости промышленности и боеспособности вооруженных сил.

Ключевые слова: сырьевые ресурсы, базовые товары, стратегия, внешняя политика, геополитика, торговые войны, санкции, эмбарго, СВО

Для цитирования: Бушуев Е. С. Международный рынок сырьевых товаров как операционная среда геополитического противоборства: классификация целей и исторические иллюстрации // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2025. Т. 19, № 3. С. 148–157. EDN: BAQMDR

International Commodities Market as an Operational Environment for Geopolitical Rivalry: Classification of Goals and Historical Illustrations

Evgeny S. Bushuev

Independent researcher, Saint Petersburg, Russia

e-mail: bushuevevg88@yandex.ru

ABSTRACT

Aim. In this article the international commodities market is considered as an operational environment for geopolitical rivalry, the goals pursued by governments in this field are studied and classified, as well as some relevant examples from modern and contemporary history are offered for consideration.

Methods. This study adopts interdisciplinary approach, uses the method of comparative analysis, statistical and empirical methods and attracts some expert assessments. **Results.** The market of basic commodities has been presented as a specific sphere of cooperation and competitive rivalry of actors in international affairs. On the basis of vast historical material the publication has offered a complex approach to analyze states policies in the sphere under consideration, four key criteria for identification of actors motivations, and preliminary classification of their goals. **Conclusions.** Resource sovereignty represents a critical condition for carrying out self-sufficient internal and external policy of every state, as it is a key to bring a national budget, energy and food security, industrial sustainability, as well as it is an important factor for combat capability of the armed forces. Those governments which have strong positions in the international market of commodities use a wide spectrum of non-economic tools for build-up and preservation of their own capabilities to manage global flows of commodities and thus increase and support their own national resource sovereignty. The same countries widely use their advantages in this sphere as a political instrument to motivate and push on their allies, neutral states, and opponents in various questions of international interactions. Doing so, they urge them to look for a compromise in negotiations or carry out a deliberate policy to shake undesired regimes. Those countries which have weak positions in the international market of commodities have to choose among two 'bad alternatives'. The first one implies moving towards political compromises for the sake of resource sustainability of these states. The second one leads to problems with maintaining their target budget indicators, energy and food security, industrial sustainability and combat capacity of the armed forces.

Keywords: commodities, raw resources, raw materials, strategy, foreign policy, geopolitics, trade wars, sanctions, embargo, special military operation

For citation: Bushuev E. S. International Commodities Market as an Operational Environment for Geopolitical Rivalry: Classification of Goals and Historical Illustrations // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics. 2025. Vol. 19, No. 3. P. 148–157 (In Rus.). EDN: BAQMDR

Введение

Современные международные отношения характеризуются тремя примечательными тенденциями — постепенной интеграцией стран в наднациональные техноэкономические блоки, утратой целым рядом игроков субъектности на международной арене и возрастающим числом сфер или измерений противоборства между государствами и зарождающимися альянсами. Как показывают события последних десятилетий, конвенциональные методы ведения военных действий на суше, море и воздухе по-прежнему остаются ключевым способом решения международных противоречий. Вместе с тем ведущие державы продолжают работать над видоизменением глобального баланса сил в свою пользу таким образом, чтобы достигаемое перед оппонентом преимущество лишало возможное сражение на поле

боя малейшего стратегического смысла. Именно поэтому в последние десятилетия все большее внимание уделяется милитаризации космоса, противоборству в киберпространстве, экономике, спорте, культуре и информационном пространстве. Поскольку подобные формы конкуренции, противодействия, а подчас и ведения гибридной войны предполагают меньшие материальные затраты и носят скрытый, менее явный и зачастую действенный характер, многие игроки на международной политической арене предпочитают руководствоваться именно такими методами [5, с. 28]. Данный подход предполагает длительную «осаду крепостей», но в итоге наносит существенный ресурсный урон государствам-оппонентам, создавая благоприятную среду для смены элит, внешнеполитического курса и в самых радикальных сценариях — политического режима.

Таким образом, экономика, высокие технологии и культура давно перестали быть «тихими гаванями», стоящими в стороне от международных политических противоречий и, напротив, представляют собой отдельные измерения геополитического противоборства современных военных альянсов и великих держав XXI в. Каждое такое измерение — своего рода отдельная операционная среда международных конфликтов, неоднородная по своей природе, содержащая подчас несколько отдельных «театров военных действий» и обладающая собственными внутренними законами, логикой и правилами игры. Одной из значимых областей соперничества государств несомненно является конкуренция за обретение экономического превосходства, где к отдельным — пусть и тесно взаимосвязанным друг с другом — аренам борьбы можно отнести инвестиционную деятельность, денежно-кредитную политику и международную торговлю.

Материалы и методы

В исследовании применяются междисциплинарный подход, метод сравнительного анализа, статистический и эмпирический методы, используются экспертные оценки. И использованные материалы указаны в примечаниях и списке литературы.

Обсуждение

1. Международный сырьевой рынок как операционная среда геополитического противоборства

Международную торговлю принято подразделять на торговлю товарами и услугами. Рынок сервисов и услуг, бесспорно, имеет большой потенциал, демонстрирует стремительный рост¹, но все же занимает только 26% в общем глобальном объеме². Решающую роль в международной торговле продолжают играть товарные рынки, где особенно выделяется категория, емко именуемая в английском языке словом *commodities* — сырьевые или базовые товары. Это крупнейшая группа, на которую приходится по разным оценкам от 6 до 10 трлн долл. США в год, т. е. от 25% до 41%³ в общем объеме международной торговли товарами, или от 5,5% до 9% всей глобальной экономики [8, с. 16–17].

Сырьевые товары часто называются базовыми, поскольку они являются фундаментом всех секторов реальной производственной экономики, служат основой энергетической и продовольственной безопасности целых континентов, оказываются одной из важнейших статей доходов и расходов всех государств в мире. Строительство современных городов требует существенных объемов стали, цемента и меди, производство самолетов, машин и бытовой техники в значительной степени завязано на доступе

¹ Global Trade Outlook and Statistics [Электронный ресурс] // World Trade Organization, 2025. April. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/trade_outlook25_e.pdf (дата обращения: 26.07.2025); с. 3 (далее — WTO, 2025).

² WTO, 2025, с. 3.

³ В исследовании Дж. Бласа и Дж. Фарчи глобальный рынок сырьевых товаров оценивается в 25% от общемирового объема торговли товарами, т. е. приблизительно в 6,1 трлн долл. при общем объеме товарного рынка в размере 24,43 трлн долл. в 2024 г. [WTO, 2025, с. 3]. Trafigura, один из лидеров мирового трейдинга реальными сырьевыми товарами, в 2019 г. оценивала глобальный рынок сырьевых товаров в 10 трлн долл. См.: *Commodities Demystified. A Guide to Trading and the Global Supply Chain*. Second Edition. Singapore: Trafigura Group, 2019, с. 4. URL: <https://www.trafigura.com/news-and-insights/publications/white-papers/2018/commodities-demystified-a-guide-to-trading-and-the-global-supply-chain-second-edition/> (дата обращения: 09.09.2025). (Далее — *Commodities Demystified*, 2019).

к алюминию [8, с. 27, 75, 140], обеспечение населения продовольствием трудно себе представить без необходимых запасов зерновых, а современную инфраструктуру электро- и теплоснабжения — без достаточных ресурсов газа, урана и угля.

Базовые товары имеют минеральное или сельскохозяйственное происхождение, являются сырьем или продукцией первичных переделов. Три крупнейшими группами сырьевых товаров являются энергоресурсы, металлы и продукция сельского хозяйства. Их ключевые продуктовые свойства универсальны, что позволяет закрывать потребность покупателей практически идентичными товарами из разных географических источников. Все это создает надежную основу для формирования глобального рынка сырьевых товаров, где их доступность оказывается ключевым фактором ценообразования¹. К этой товарной группе практически неприменимо брендирование продукции, а вариативность качественных характеристик одного и того же товара в зависимости от региона производства имеет пусть и устойчивое, но скорее вторичное значение при формировании рыночных цен.

Таким образом, своевременный доступ к базовым товарам в необходимом объеме по оптимальной цене является одним из условий экономического благополучия и безопасности каждого государства — без этих товаров невозможно обеспечение населения и вооруженных сил продовольствием, топливом, продукцией гражданской и военной промышленности. Наличие или отсутствие доступа к сырьевым товарам определяет значимые параметры государственного бюджета, возможности развития целых отраслей национальной экономики (энергоресурсы и сырьевая база для нужд производственных предприятий) и обороноспособности (горюче-смазочные материалы и сырьевая база для национального военно-промышленного комплекса), а также возможности контроля за социальной стабильностью государства (продовольственная и энергетическая безопасность). Данные обстоятельства делают управление доступом к базовым товарам важным слагаемым стратегии устойчивости и жизнеспособности каждого без исключения государства и превращают международный сырьевой рынок в один из важнейших видов операционной среды, на котором разыгрывается новая партия международного противоборства ведущих мировых держав.

2. Классификация целей внешней политики государств на международном сырьевом рынке

Для простоты систематизации всего фактологического материала представляется логичным исходить из достаточно очевидной предпосылки. Каждый субъект международных отношений, предпринимая определенные осмысленные действия на международном сырьевом рынке: а) имеет ясно осознаваемую цель; б) принимает во внимание собственные сильные стороны и зоны уязвимости, равно как и преимущества и недостатки собственных союзников и оппонентов; в) выстраивает определенную стратегию действий; г) с опорой на собственную стратегию проводит определенную политику и точечные операции (своего рода политические и экономические интервенции на международном сырьевом рынке) и, наконец, д) пожинает плоды собственных действий или бездействия, что отнюдь не всегда приводит к желаемому эффекту. Предложенный подход позволяет комплексно анализировать каждую ситуацию на международном сырьевом рынке в контексте текущей геополитической обстановки и с учетом интересов всех государств, вовлеченных в рассматриваемый контекст. При этом всестороннему анализу каждой конкретной проблемы должен предшествовать тщательный разбор всего предлагаемого аналитического инструментария. Настоящая публикация предлагает вниманию читателей рассмотрение первого блока этого инструментария — основных целей, которыми руководствуются государства в реализации собственной политики на международных рынках базовых товаров. Их классификация носит сугубо предварительный характер, не претендует на полноту и сопровождается фрагментарными иллюстрациями из эпизодов новой и новейшей истории.

Скруплезный анализ любой государственной политики в сфере международной сырьевой торговли предполагает нахождение ответов на четыре ключевых вопроса.

¹ Commodities Demystified, 2019, с. 8–9.

1. Сырьевые ресурсы как цель или средство. Действует ли государство в целях усиления своей текущей позиции на международном сырьевом рынке (сырьевые ресурсы как цель) или использует уже имеющиеся сильные позиции в данной сфере как инструмент достижения иных политических целей (сырьевые ресурсы как средство)?
2. Воздействие на собственное государство или на государство союзника/оппонента. Кто именно будет объектом воздействия политики государства в указанной сфере — оно само или иной субъект международных отношений — страна-союзник или оппонент?
3. Укрепление или ослабление государства-адресата. Направлена ли рассматриваемая политика на укрепление или ослабление (разрушение) государства-адресата?
4. Направление воздействия. В какой из четырех сфер ожидаются изменения как результат внешней политики государства на сырьевых рынках: а) военные действия, б) государственный бюджет, в) стабильность общественного строя в контексте продовольственного и энергетического обеспечения населения, г) промышленный комплекс?

2.1. Сырьевые ресурсы как цель и средство внешней политики

Каждое намеренное действие, осуществляемое государствами в рамках реализации политики на международном рынке сырьевых товаров, следует по одному из двух сценариев: «сырьевые ресурсы как цель» и «сырьевые ресурсы как средство».

Сырьевые ресурсы как цель. В первом случае усиление позиций на рынке является самодостаточной целью, преследуемой странами в их внешней политике. Здесь государства стремятся получить реальный контроль над доступом к месторождениям сырья, взять под контроль цепочки поставок необходимых товаров и обеспечить гарантированный доступ к критически важной продукции в нужном объеме по оптимальной цене. Каждое крупное государство, в определенный момент испытывавшее критическую потребность в том или ином базовом товаре, реализует именно этот сценарий (например, поиск британцами новых источников нефти после 1918 г. [3, с. 201]).

Сырьевые ресурсы как средство. Во втором случае государства не испытывают нехватки тех или иных критически значимых базовых товаров и даже, напротив, имеют сильные позиции на рынке. Часто такие страны имеют контроль над крупными месторождениями, мощностями по переработке сырья и системой цепочек поставок. Все данные преимущества позволяют этим странам задействовать собственные сильные позиции на сырьевых рынках для достижения иных внешнеполитических целей — подчинять своей воле союзников и нейтральные страны, ослаблять геополитических оппонентов, подкупать льготными коммерческими условиями дрейфующих игроков. В этом случае одной из наиболее простых, но в то же время действующих тактик оказывается ограничение или закрытие доступа для других государств к собственным рынкам сбыта (например, торговые войны США и КНР 2018–2019 гг. [3, с. 274]; тарифная политика США в 2025 г. [7, с. 15]).

2.2. Воздействие на собственное государство или на государство союзника/оппонента

Любое действие государств в отношении международного сырьевого рынка может быть классифицировано по принципу адресата воздействия, которым может оказаться как собственное государство (например, американская политика в Персидском заливе в интересах энергобезопасности США), так и государство союзника или оппонента (например, удвоение американских импортных пошлин на турецкие металлы как сигнал неодобрения политики Анкары по курдам и закупке российских ЗРК С-400¹). В отдельных случаях государства вводят импортные пошлины не с целью наказания своих оппонентов на мировой арене, но сугубо для защиты собственных рынков сбыта. В частности, еще до полномасштабной торговой войны 2018–2019 гг., в 2017 г., США вводили антидемпинговые и компенсационные пошлины на китайскую фанеру в размере 183,6% и 194,9% соответственно, обвиняя Китай в организованном субсидировании собственных производственных компаний на государственном уровне и в намеренном

¹ Смирнов А. Турция идет ва-банк // Эксперт, 27.06 — 03.07.2022. № 26 (1258). С. 62–64.

демпинге на американском рынке. Данный шаг был, вне всякого сомнения, направлен на поддержку американских производителей, чьи производства были загружены менее чем на 50% из-за агрессивного роста доли китайской фанеры на рынке США¹.

2.3. Укрепление или ослабление государства-адресата

Каждый шаг того или иного субъекта международных отношений следует рассматривать в контексте намерения укрепить или ослабить конкретного адресата. В частности, поставки топлива через британскую компанию Vitol в 2011 г. выступали одновременно инструментом Великобритании по усилению ливийских боевиков и ослаблению режима Каддафи [8, с. 2–7].

2.4. Направление воздействия

Целью государств на международном сырьевом рынке является изменение баланса сил, что — непосредственно или опосредованно — должно привести к изменению геополитической или экономической обстановки в пользу стороны, иницирующей эти действия. Представленный перечень из четырех возможных целей не претендует на полноту и может дополняться по мере обновления фактологической базы.

2.4.1. Победа в войне представляет собой наиболее весомую по своему воздействию на геополитическую обстановку цель, которую государства могут преследовать, проводя операции на международном сырьевом рынке (значимость топлива была высоко оценена всеми участниками обеих мировых войн [2, с. 20; 3, с. 201]). При этом самому государству, иницирующему такие операции, совсем необязательно быть непосредственным участником военного конфликта (например, вклад Лондона в свержение М. Каддафи в виде поставок топлива повстанцам²).

2.4.2. Наполнение бюджета является одной из ключевых целей поддерживаемого государствами экспорта базовых товаров на мировые рынки. Конкретные действия на международном сырьевом рынке могут позволить увеличить поступления в бюджет государства от экспортной выручки или, напротив, подорвать финансовый поток поступлений в бюджет противника. Наиболее заметными примерами ослабления государств путем ограничения их экспортной выручки через закрытие для них внешних нефтяных рынков являются санкции США в отношении Ирака [8, с. 200–203], международные санкции против Ирана [9, с. 120–140], введенные в 2011–2012 гг., а также санкции США, Великобритании и ЕС в отношении России после начала СВО в 2022 г. В других случаях государства намеренно создают для третьих стран благоприятные возможности наполнения национальных бюджетов экспортными доходами. В частности, Турция предоставляет иракским курдам единственную возможность для экспорта нефти в обход иракского правительства, чем получает не только дополнительный доход, но и важные рычаги влияния [3, с. 229].

2.4.3. Обеспечение социальной стабильности или, напротив, дестабилизации в обществе государства-противника. Наиболее репрезентативными здесь оказываются примеры из отраслей сельского хозяйства (например, скрытая массовая закупка зерна СССР в США в 1970-х гг. [8, с. 39–40] и продовольственный кризис в Египте, приведший к краху режима Х. Мубарака [8, с. 247–248]) и энергетики (антиправительственные митинги в Молдавии в 2022 г. как результат сокращения поставок и повышения Москвой цен на газ³).

2.4.4. Поддержка или подрыв стратегически значимых секторов национальной промышленности. В период гонки вооружений периода холодной войны СССР и США стремились контролировать критически необходимые для нужд военно-промышленного комплекса (ВПК) поставки алюминия [8, с. 140].

¹ ITC recommends duties on Chinese hardwood plywood imports [Электронный ресурс] // FreightWaves. 2017. URL: <https://www.freightwaves.com/news/itc-recommends-duties-on-chinese-hardwood-plywood-imports> (дата обращения: 26.07.2025).

² Это все же не помешало Великобритании принять участие в операции «Одиссея. Рассвет».

³ Безпалько Б. Протесты в Молдавии: никаких пророссийских сил нет и Санду никуда не уйдет // Regnum. 19.10.2022. URL: www.regnum.ru/amp/3727810 (дата обращения: 26.07.2025); Гасымов Н. Первой в Европе зима ударит по Молдавии // Эксперт. 07–13.11.2022. № 45 (1274). С. 58–60; Tanas A., Balmforth T., Heritage T. Moldova 'reverse' imports gas from Slovakia for first time, official says // Reuters. 03.11.2022. URL: <https://www.reuters.com/business/energy/moldova-reverse-imports-gas-slovakia-first-time-official-says-2022-11-03/> (дата обращения: 26.07.2025).

Дефицит этого базового товара для обоих государств мог привести не только к экономическим проблемам, но и к военно-стратегическому поражению. Сопоставимое значение имели поставки стали для нужд строительного сектора после Второй мировой войны, когда существовала острая потребность в восстановлении целых городов Европы и Японии. Без наличия достаточного объема этого строительного материала восстановление критически важной городской инфраструктуры было бы попросту невозможным [8, с. 180–181].

Заключение и результаты

В условиях нарастающей геополитической напряженности XXI в. 2022 г. едва ли можно считать переломным моментом мировой истории. Как и прежде, ведущие державы нашего времени продолжают использовать широкий арсенал невоенных решений для изменения баланса сил на мировой шахматной доске. Как может показаться на первый взгляд, многие из них имеют низкую результативность. Торговое эмбарго, введенное Д. Эйзенхауэром в 1960 г., так и не привело к смене политического режима на Кубе [1, с. 20–22], а санкции против КНДР не остановили испытания Пхеньяна по работе над созданием ядерного оружия. Уникальный статус газовой сверхдержавы в конечном итоге не помог удержать Киев в стане союзников Москвы, а Берлин — в рядах ее надежных экономических партнеров. Аналогичным образом беспрецедентные по своему масштабу санкции, введенные США, Европой и их союзниками против России, не остановили специальную военную операцию на территории Украины [6, с. 63]. Эти примеры не стоит интерпретировать в качестве иллюстрации неэффективности экономических инструментов в решении задач внешней политики. История не терпит сослагательного наклонения, и потому никто с уверенностью не скажет, какой угрозой была бы Куба для США без американского эмбарго или какими бы темпами шла Северная Корея к созданию собственного ядерного оружия при полном отсутствии санкций.

Вместе с тем 2022 г. знаменует собою начало периода, когда прежние методы реализации внешней политики стали применяться в качественно ином масштабе. Специальная военная операция переросла в крупнейший военный конфликт в Европе со времен Второй мировой войны, а экономические санкции еще никогда ранее не вводились в таком массовом количестве против такой крупной экономики, как Российская Федерация. Поскольку экономика нашей страны по-прежнему сохраняет свою экспортно ориентированную направленность, а ключевыми торговыми номенклатурами в стоимостном выражении до сих пор остаются именно базовые товары, не вызывает удивления, что сырьевой рынок стал критически важной операционной средой геополитического соперничества России и стран Запада. Данное обстоятельство делает исследование международного рынка сырьевых товаров как среды геополитического противоборства в высшей степени актуальным.

Ведение самостоятельной внешней политики невозможно без достижения и поддержания высокого уровня самодостаточности государства в целом комплексе сфер, одна из которых — ресурсный или сырьевой суверенитет. В связи с этим существует как минимум четыре причины, почему реальные позиции отдельных государств на международном сырьевом рынке определяют возможности стран выступать в качестве самодостаточных игроков на мировой политической арене.

1. Наличие достаточных запасов зерновых и энергоносителей является условием стратегической стабильности всех государств, нуждающихся в обеспечении продовольственной и энергетической безопасности. Без возможности самостоятельно обеспечивать собственное население базовым продовольствием, электричеством и отоплением путем добычи или закупки необходимых базовых товаров в нужном объеме государства едва ли в состоянии удерживать общество от социальных волнений, имеющих революционный потенциал, и позиционировать себя в качестве самостоятельных субъектов международных отношений.
2. Наполнение и эффективное управление бюджетами всех государств напрямую зависит от конъюнктуры на международных сырьевых рынках: страны-поставщики нуждаются в высоком спросе на собственную продукцию и в доступе к зарубежным рынкам сбыта, в то время как страны-покупа-

тели стремятся к оптимизации затрат на приобретение критически необходимых базовых товаров и проводят активную политику по защите и диверсификации каналов закупки сырья. В конечном итоге конъюнктура мировых цен на эти товары оказывает непосредственное влияние на величину доступных государствам финансовых ресурсов для проведения действенной внутренней и внешней политики. Немаловажное значение на этом рынке также имеет качество и уровень отношений между государствами-поставщиками и странами-покупателями. Именно это зачастую оказывается решающим фактором в согласовании итоговых коммерческих условий, в конечном счете определяющих финальный объем понесенных каждой стороной финансовых затрат и полученных денежных поступлений. Многое зависит от благосклонности той стороны, которая обладает наиболее сильной позицией на рассматриваемом сырьевом рынке. Эта лояльность, выражающаяся в мягкой ценовой политике, открытии собственных рынков, гибких контрактных условиях и предоставлении собственной транспортной инфраструктуры, никогда не обходится бесплатно и предполагает встречные шаги и компромиссы в других нишах международного взаимодействия.

3. Бесперебойное функционирование международного сырьевого рынка является приоритетным условием поддержания и развития производственных секторов экономики. Производители базовых товаров критически нуждаются в рынках сбыта для обеспечения загрузки собственных мощностей, в то время как покупатели не могут поддерживать работу собственных отраслей промышленности без лежащих в ее основе материалов предшествующих переделов. Таким образом, любые значимые перебои в цепочках поставок базовых товаров способны подорвать устойчивость целых секторов национальной экономики и, как следствие, вызвать целую череду негативных последствий, из которых наиболее очевидные — это сокращение рабочих мест в регионах концентрации основных производств и сопутствующий ему рост социальной напряженности, а также падение продаж, прибыли и, как результат, налогооблагаемой базы производственных компаний, что в конечном счете приводит к снижению доступных государству бюджетных средств.
4. Поскольку наличие самодостаточных и модернизированных вооруженных сил является одним из ключевых инструментов обеспечения суверенитета и проецирования силы, еще одной важной причиной необходимости своевременного обеспечения государства базовыми товарами является потребность бесперебойных поставок горюче-смазочных материалов для армии, а также других видов сырья (например, металлов) на предприятия национального ВПК.

В основе любого анализа внешней политики в области сырьевых товаров лежит вопрос о том, воспринимается ли государством его текущее положение на международном сырьевом рынке как сфера, нуждающаяся в срочных преобразованиях («цель»), или как средство. В зависимости от позиции каждого конкретного государства на глобальном сырьевом рынке контроль за международным потоком базовых товаров и обслуживающей этот поток логистической и финансовой инфраструктурой может оказываться и целью, и средством внешней политики.

В первом случае действующая сторона стремится усилить свое положение или положение собственных союзников в целях обеспечения продовольственной и энергетической безопасности, максимизации бюджетных средств, поддержания промышленной базы и обороноспособности, в крайних случаях — для обеспечения победы в войне.

В свою очередь, уже укрепившиеся на рынке государства используют свои сильные позиции для изменения баланса сил в мировой политике посредством воздействия на других игроков на международной арене. В таком случае государство пользуется своими текущими позициями на рынке как средством — путем конвертации собственных преимуществ в инструмент политического воздействия, склоняя таким образом нейтральных игроков занять свою сторону в том или ином спорном вопросе либо подрывая позиции оппонента, вынуждая его выбирать между двумя заведомо неудачными ходами. Если первой «плохой» альтернативой незадачливого оппонента является вынужденное следование воле ресурсного игрока в том или ином вопросе внешней политики, то второй «плохой» опцией для него будет ослабление позиций на рынке, лишение бюджетных средств, подрыв стабильности политического режима (за счет социальных волнений как следствия нехватки государственных средств, продуктов

питания и энергоресурсов, сокращения рабочих мест), истощение военных запасов горюче-смазочных материалов и подрыв ВПК.

Представленная выше модель может использоваться в качестве отправной точки для анализа поведения государств на международном сырьевом рынке. Вместе с тем любая модель всегда представляет собой в некотором роде абстракцию и потому упрощение реальных событий. Методики сбора, анализа и донесения критически важной информации могут содержать целый ряд несовершенств. Принятие внешнеполитических решений в институтах государственного аппарата и в неформальных элитных группах не всегда основывается на качественно собранных и беспристрастно проанализированных данных, порой не предполагает продуманной системы сдержек и противовесов, подвержено влиянию эмоций, устаревших идеологических клише и стереотипов, также оно не всегда базируется на приоритетах государственной безопасности и порой уходит в сторону от следования очевидной экономической логике и здравому смыслу (часто самоубийственная политика является следствием внешнего контроля над государствами [4, с. 259]). Исследователи подчас склонны излишне рационализировать механизмы принятия решений в сложных государственных системах, а также ожидать, что в основе принятия решений всегда находятся ясно осознаваемые и качественно взвешенные цели и стратегии, которых по разным причинам может попросту не быть. Подчас сильные и слабые стороны игроков могут подвергаться постоянным изменениям, нередко им приходится сталкиваться с все новыми внешними угрозами и использовать неожиданно возникающие благоприятные возможности. В конечном счете ожидания от конкретных действий могут совершенно не соответствовать результатам. Кроме того, подчас такой подход не учитывает обстоятельства на других «театрах военных действий», в других сферах или измерениях международного противоборства, а также не берет во внимание фактор наличия игроков иного калибра (например, трейдинговые компании), чья значимость в обеспечении бесперебойного передвижения сырьевых товаров по всему миру может оказаться незаменимой и чьи интересы могут совпадать с государственными лишь ситуативно. Немаловажное значение также имеет региональная специфика каждой конкретной анализируемой ситуации, поскольку национальная идентичность, культурный контекст и политическая обстановка каждого географического ареала накладывают на события свою уникальность, подчас радикально видоизменяя значение отдельных факторов. С учетом вышесказанного любые закономерности всегда будут иметь риск оказаться работающими лишь временно, а их устойчивость неизменно будет нуждаться в проверке временем.

Список литературы

1. *Демаре А.* Обратный эффект санкций. Как санкции меняют мир не в интересах США. М. : Азбука-Бизнес, 2024. ISBN: 978-5-389-24303-3.
2. *Ергин Д.* Добыча: Всемирная история борьбы за нефть, деньги и власть. М. : Альпина-Паблишер, 2011. 944 с. ISBN: 978-5-9614-1252-9.
3. *Ергин Д.* Новая карта мира. Энергетические ресурсы, меняющие климат, и столкновение наций. М. : Альпина-Паблишер, 2021. 944 с. ISBN: 978-5-907394-27-8.
4. *Колотов В. Н.* Большая игра и евразийская система дуг нестабильности на современном этапе // Доклады международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки. XXXI конгресс по ИИСАА. Россия и Восток. К 100-летию политических и культурных связей новейшего времени. Т. 2, ч. 2. СПб. : ИПК «НП-Принт», 2022. С. 257–72. URL: https://pureportal.spbu.ru/files/100805097/2022_part2_final.pdf.
5. *Конрад Н. И.* Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. Перевод и исследование // Избранные труды. Синология. М. : Наука, 1977.
6. *Майорова Е. Е.* Будущее международной торговли и Всемирная торговая организация: модернизация или ломка // Проблемы национальной стратегии. 2025. № 3 (90). С. 60–89. DOI: 10.52311/2079-3359_2025_3_60.
7. *Тихонов А. Е., Акинфиева А. Э., Попов Д. С., Тасиц К. И.* Трансформация международной торговли и ее влияние на транспортно-логистические маршруты Евразии // Проблемы национальной стратегии. 2025. № 3 (90). С. 12–53. DOI: 10.52311/2079-3359_2025_3_12.

8. Blas J., Farchy J. *The World for Sale. Money, Power, and the Traders who Barter the Earth's Resources.* Oxford : Oxford University Press, 2021.
9. Kozhanov N. A. Iran's Economy under Sanctions: Two Levels of Impact // *Russia in Global Affairs.* 2022. No. 20 (4). P. 120–140. DOI: 10.31278/1810-6374-2022-20-4-120-140.

Об авторе:

Бушуев Евгений Сергеевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: bushuevevg88@yandex.ru

References

1. Demarais, A. *Backfire: How Sanctions Reshape the World Against U.S. Interests.* Moscow : Azbuka-Biznes, 2024. 320 p. ISBN: 978-5-389-24303-3 (In Rus.).
2. Yergin, D. *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power.* Moscow : Alpina-Publisher, 2011. 944 p. ISBN: 978-5-9614-1252-9 (In Rus.).
3. Yergin, D. *The New Map: Energy, Climate, and the Clash of Nations.* Moscow : Alpina-Publisher, 2021. 944 p. ISBN: 978-5-907394-27-8 (In Rus.).
4. Kolotov, V. N. The Great Game and the Eurasian System of Arcs of Instability at the present stage // *Proceedings of the XXXI International Congress on Historiography and Source Studies of Asia and Africa. Russia and the East. Commemorating centennial of political and cultural ties in modern times. Vol. 2. Part 2* / ed. by N. N. Dyakov, P. I. Rysakova. St. Petersburg : NP-Print Publishers, 2022. P. 257–272. URL: https://pureportal.spbu.ru/files/100805097/2022_part2_final.pdf (In Rus.).
5. Konrad, N. I. *Sun Tzu. A Treatise on the Art of War. Translation and Research // Selected works.* Sinology. Moscow : Nauka, 1977 (In Rus.).
6. Mayorova, E. E. The Future of International Trade and the World Trade Organization: Modernization or Breakup? // *National Strategy Issues.* 2025. No. 3 (90). P. 60–89 (In Rus.). DOI: 10.52311/2079-3359_2025_3_60.
7. Tikhonov, A. E., Akinfieva, A. E., Popov, D. S., Tasits, K. I. International Trade's Transformation and Its Impact on Transport and Logistics Routes across Eurasia // *National Strategy Issues.* 2025. No. 3 (90). P. 12–53 (In Rus.). DOI: 10.52311/2079-3359_2025_3_12.
8. Blas, J., Farchy, J. *The World for Sale. Money, Power, and the Traders who Barter the Earth's Resources.* Oxford : Oxford University Press, 2021.
9. Kozhanov, N. A. Iran's Economy under Sanctions: Two Levels of Impact // *Russia in Global Affairs* 2022. No. 20 (4). P. 120–140. DOI: 10.31278/1810-6374-2022-20-4-120-140.

About the author:

Evgeny S. Bushuev, PhD in History, Independent researcher (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: bushuevevg88@yandex.ru

© Бушуев Е. С., 2025

IX Международный Невский форум: итоги работы

26–27 июня 2025 г. в Санкт-Петербурге прошел очередной IX Международный Невский форум «Россия в многополярном мире: политика, экономика, образование», организатором которого выступила Президентская академия в Санкт-Петербурге. Форум собрал на своей площадке более 1700 человек — представителей органов государственной власти, местного самоуправления, академического и экспертного сообществ, государственных, коммерческих и общественных организаций, представлявших 55 субъектов Российской Федерации и 18 иностранных государств. Научная программа мероприятия включала в себя научно-практические конференции, секции, круглые столы, экспертные сессии и пленарное заседание.

В данном материале итоги работы форума будут рассмотрены с акцентом на его международную повестку. Выбранный ракурс обусловлен как миссией ежегодно проводимого форума, так и стратегической целью развития Северо-Западного института управления РАНХиГС, которые связаны с задачей создания признанной дискуссионной площадки международного уровня для проведения научных, образовательных и экспертных мероприятий с участием ученых и экспертов из дружественных стран, широкого обсуждения актуальных проблем устойчивого развития России в новых условиях многополярного мира (в том числе проблем государственного управления, публичной политики и развития территорий).

Чтобы представить масштабы научных направлений работы форума, в рамках которых рассматривались вопросы международной повестки, начнем обзор с проходивших в рамках научной программы конференций, их тематик и кратких итогов.

Всероссийская научная конференция с международным участием «Россия в условиях становления полицентричного мира: вызовы, возможности, перспективы» (организатор — факультет международных отношений и политических исследований РАНХиГС Санкт-Петербург). Программа секционных заседаний была построена в соответствии с основными целями конференции: выявление особенностей российской государственности в условиях геополитической неопределенности; обсуждение способности России эффективно решать внутри- и внешнеполитические проблемы, сохранять суверенитет, формировать национальную идентичность. Открытый и конструктивный диалог развернулся на секции для студентов, аспирантов и молодых специалистов вокруг таких тем, как концептуальные проблемы меняющегося миропорядка, приоритеты политических акторов в современных международных отношениях, проблемы сотрудничества государств Азиатско-Тихоокеанского региона и евразийского пространства (многосторонность как залог многополярности). Важным итогом научной дискуссии на конференции стал тезис о том, что сложившаяся в политологии терминология недостаточна для описания современных процессов и необходима разработка новой актуальной и конкретной терминологии для эффективного формирования внешне- и внутривнутриполитического курса страны, лишенного расплывчатых и неконкретных трактовок актуальных явлений и процессов.

III Международная конференция «Трансформация высшего образования через интернационализацию: от привлечения иностранных студентов к глобальной конкурентоспособности университета» (организатор — Управление международного сотрудничества РАНХиГС Санкт-Петербург). В формате расширенного заседания участники обсуждали не только глобальные тренды развития высшего образования (в том числе специфику интернационализации высшего образования в странах Латинской Америки, Юго-Восточной Азии, Азиатско-Тихоокеанского региона), но и ключевые векторы и особенности интернационализации высшего образования в Санкт-Петербурге (модераторы — заместитель директора РАНХиГС Санкт-Петербург О. В. Нестерова; начальник управления международного сотрудничества РАНХиГС Санкт-Петербург, кандидат экономических наук, доцент К. Ю. Королев). Эксперты выразили общее мнение, что российское образование следует рассматривать как один из инструментов «мягкой

силы» во внешнеполитическом курсе страны, а интернационализацию — как значимый фактор повышения конкурентоспособности университетов и национальной системы высшего образования в целом. Особое внимание было уделено обсуждению стратегий международного продвижения российских образовательных программ и подходов к рекрутингу, обеспечивающих наращивание контингента иностранных граждан. Итогом работы конференции стали предложения по формированию межгосударственных программ финансирования межвузовского взаимодействия на пространстве стран СНГ и БРИКС, предусматривающих механизмы поддержки международных академических обменов, сотрудничества и исследований; а также по включению в программы межвузовского сотрудничества совместных научно-исследовательских проектов и научных групп.

В программу IX Международного Невского форума также была включена экспертная дискуссия «Международные отношения и тренды мирового развития в условиях меняющейся реальности», инициатором которой выступил факультет международных отношений и политических исследований РАНХиГС Санкт-Петербург (модераторы — член Президиума Международной палаты адвокатов «Санкт-Петербург», кандидат филологических наук, адвокат М. А. Морозов; декан факультета международных отношений и политических исследований РАНХиГС Санкт-Петербург, член Совета по внешней и оборонной политике, кандидат социологических наук Н. В. Муйзиник). В качестве приглашенных участников в обсуждении приняли участие эксперты из МГУ им. М. В. Ломоносова, Южно-Уральского государственного университета, Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова, Центра политических исследований Института Латинской Америки РАН, Института США и Канады им. ак. Г. А. Арбатова РАН, Белградского университета. Формат дискуссии был выбран для обсуждения актуальных вопросов, связанных с развитием государств в условиях многополярности, новыми контурами стратегической стабильности и выстраиванием нового баланса сил с учетом региональных интересов. Эксперты особо отметили важность и практическую значимость обсуждения особенностей влияния языковой политики, общественной и культурной дипломатии на формирование международных отношений.

Вопросы международной повестки форума были представлены и на секции «Арктическая политика России в многополярном мире: выбор между Западом и Востоком», организованной в рамках реализации гранта РНФ по теме «Моделирование арктического сотрудничества в рамках БРИКС: возможности и вызовы для России в эпоху глобальной турбулентности», который реализуется на базе Президентской академии в Санкт-Петербурге (модератор — заведующий кафедрой сравнительных политических исследований РАНХиГС Санкт-Петербург, доктор политических наук В. Н. Конышев). На секции обсуждался комплекс проблем, связанных с дальнейшим развитием арктической политики с участием России. Задачей приглашенных экспертов было ответить на вопрос, каков потенциал сотрудничества и соперничества в Арктике в современных условиях. С докладами выступили ведущие специалисты в области арктических исследований из Санкт-Петербургского государственного университета, национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Южно-Уральского государственного университета, Института Китая и стран современной Азии РАН, Института США и Канады им. ак. Г. А. Арбатова РАН, Международного фонда Вивекананды (Индия) и Арктического института (США). Эксперты отметили тренд на милитаризацию Арктики, который сохранится в обозримой перспективе; объективный интерес к сотрудничеству с Россией в Арктике со стороны неарктических государств, включая членов БРИКС; и перспективы использования концепции «трех полюсов холода», связывающей изучение климатических изменений Арктики, Антарктики и Гималаев, в качестве одного из направлений международного сотрудничества, в том числе в рамках БРИКС. Важно отметить, что итогом обсуждения стали не только аналитические обобщения, но и практические предложения. Так, участники секции считают, что России необходимо более активно использовать инструмент «научной дипломатии» для привлечения к сотрудничеству неарктические государства (в том числе организовывать научные конференции по полевым исследованиям в Арктике, проводимым по линии Арктического и Антарктического научно-исследовательского института, Российского государственного гидрометеорологического университета, Кольского научного центра РАН; вовлекать иностранных партнеров

в экспедиционную и научную деятельность на полярных станциях, плавучих университетах, научно-исследовательских судах).

Впервые в отдельное мероприятие программы форума была выделена презентация издаваемых РАНХиГС Санкт-Петербург журналов, в том числе международного научно-аналитического журнала «Евразийская интеграция: экономика, право, политика» (главный редактор — академик РАН, госсекретарь Союзного государства России и Белоруссии Сергей Юрьевич Глазьев).

В заключение отметим, что в повестке IX Международного Невского форума важное место заняли вопросы международного сотрудничества. Так, в рамках программы основного дня форума в Мариинском дворце состоялась торжественная церемония, в ходе которой было объявлено о подписании соглашений о сотрудничестве с рядом зарубежных партнеров: Республиканским университетом Уругвая, Президентским университетом Индии и Наманганским государственным университетом Узбекистана. Также соглашение, скрепленное подписью проректора по международной деятельности Президентской академии, было передано для дальнейшего подписания руководителю делегации Сианьского технологического университета (КНР).

С полной программой IX Международного Невского форума
можно ознакомиться на сайте: <https://nevskyf.ru/>

*И. Ф. Кефели,
Р. А. Березовская*

Рецензия на научный доклад «Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: социально-демографические аспекты. К 10-летию ЕАЭС»

Глазьев С. Ю.

Постоянный Комитет Союзного государства, Москва, Россия

e-mail: serg1784@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4616-0758

Review of the Scientific Report “Integration Processes in the Eurasian Economic Union: Socio-Demographic Aspects. On the 10th Anniversary of the EAEU”

Sergey Yu. Glazyev

Standing Committee of the Union State, Moscow, Russia

e-mail: serg1784@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4616-0758

Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: социально-демографические аспекты. К 10-летию ЕАЭС : [научный доклад] / Г. И. Осадчая, О. А. Волкова, М. Л. Вартанова [и др.]; под общ. ред. Г. И. Осадчей. – М. : ФНИСЦ РАН, 2025. – 383 с.

Евразийский экономический союз отметил десятилетие с момента подписания Договора о его создании [1]. Это событие стало важным рубежом, требующим глубокого осмысления достижений, вызовов и перспектив интеграционного проекта. Представленный научный доклад, подготовленный коллективом авторов под общим руководством Г. И. Осадчей [2], является своевременным и фундаментальным исследованием, посвященным социально-демографическим аспектам функционирования ЕАЭС. Издание, выпущенное Федеральным научно-исследовательским социологическим центром Российской академии наук, объединяет усилия ведущих экспертов из всех государств — членов Союза, что придает работе особую ценность и комплексность.

Доклад открывается введением, где обосновывается актуальность темы, задается историко-культурный контекст евразийской интеграции, освещаются социально-политические и социально-экономические вызовы, с которыми столкнулся Союз за прошедшее десятилетие. Авторы справедливо отмечают, что, несмотря на сложные внешнеполитические и экономические условия, ЕАЭС не только доказал свою жизнеспособность, но и продемонстрировал устойчивый рост ключевых макроэкономических показателей. Особое внимание уделяется культурологическим основам евразийства, что позволяет понять ценностные и цивилизационные предпосылки развития современных международных интеграционных процессов.

Первая глава работы посвящена анализу результатов интеграции для каждого государства-члена. Авторы из Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана и России детально рассматривают структурные и функциональные изменения, с которыми столкнулись их страны. Подчеркивается, что, несмотря на общую положительную динамику взаимной торговли, инвестиций и ВВП, существуют значительные различия в темпах и глубине интеграции. Важным аспектом анализа экспертов из разных стран становится оценка общественного мнения, которое, как показывают данные социологических исследований,

демонстрирует неоднозначное отношение к ЕАЭС, варьирующееся от оптимизма до скепсиса, обусловленного завышенными первоначальными ожиданиями.

Центральное место в докладе занимает вторая глава, предлагающая детальный анализ демографической ситуации в ЕАЭС и государствах-участниках. Авторы не ограничиваются констатацией текущих показателей, а проводят глубокий сравнительный анализ динамики численности населения, возрастной структуры, рождаемости, смертности, ожидаемой продолжительности жизни, образования и здоровья. Выявляется ярко выраженная дифференциация: Казахстан и Кыргызстан характеризуются молодым населением и расширенным воспроизводством, в то время как в Армении, Беларуси и России сохраняются тенденции демографического старения. Особую научную ценность представляет разработка системы объективных и субъективных показателей для мониторинга демографической безопасности Союза, включая предложенные пороговые значения. Это создает методологическую основу для совершенствования скоординированной наднациональной политики.

Последующие главы логически развивают социально-демографическую проблематику, углубляясь в вопросы институционально-правовых основ интеграции, международной миграции, продовольственной безопасности, деятельности общественных организаций. Третья глава, посвященная демографической политике, представляет собой историко-социологический экскурс, прослеживающий эволюцию подходов к регулированию демографических процессов в постсоветских государствах от общих советских корней к современным национальным моделям. Анализ миграционных процессов в четвертой и пятой главах акцентирует внимание на их двойственной роли в современных общественных процессах: с одной стороны, как ресурса развития и компенсации демографических потерь, а с другой — как источника вызовов и возможностей для социальной и экономической стабильности. Практический аспект подчеркивается в главах, анализирующих роль некоммерческих организаций и эмпирические кейсы интеграции мигрантов.

Заключительная часть доклада синтезирует выводы и предлагает конкретные рекомендации, среди которых ключевой является разработка Концепции демографической безопасности ЕАЭС. Предложение о введении «пятой свободы» — свободы знаний — представляется эвристичным и соответствующим вызовам цифровой эпохи, направленным на формирование общего образовательного, научного и культурного пространства.

Безусловным достоинством рецензируемой работы является ее междисциплинарный характер, сочетающий методы демографии, экономики, социологии, политологии и культурологии. Использование обширного статистического материала, данных национальных и наднациональных органов, а также результатов оригинальных социологических исследований обеспечивает высокую степень достоверности и обоснованности выводов. Структура доклада отличается продуманностью и логичностью, каждая глава вносит свой вклад в достижение общей цели.

С научной точки зрения, данная публикация вносит значительный вклад в развитие теории евразийской интеграции, смещая фокус с сугубо экономических и политических аспектов на социально-демографические, которые зачастую остаются на периферии научного дискурса, хотя именно они во многом определяют долгосрочную устойчивость любого интеграционного объединения и каждого государства.

С практической точки зрения, выводы и рекомендации доклада представляют собой значительный интерес для органов управления ЕАЭС, национальных правительств, экспертного и научного сообщества. Предложенные меры могут быть использованы при формировании согласованной социальной и демографической политики, направленной на сглаживание дисбалансов и усиление человеческого потенциала Союза, а также при реализации мер по развитию цифровизации и ее позитивному влиянию на демографические и миграционные процессы.

В заключение следует отметить, что научный доклад «Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: социально-демографические аспекты. К 10-летию ЕАЭС» является своевременным, фундаментальным и практически значимым исследованием. Он не только подводит итоги первого десятилетия работы ЕАЭС, но и задает вектор для дальнейших научных изысканий и практической работы по укреплению евразийской интеграции. Данная работа, без сомнения, занимает достойное место в библиографии всех специалистов, занимающихся проблематикой евразийского интеграционного проекта.

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (Подписан в г. Астане 29.05.2014) [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 31.07.2025).
2. Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: социально-демографические аспекты. К 10-летию ЕАЭС : [научный доклад] / Г. И. Осадчая, О. А. Волкова, М. Л. Вартанова [и др.] ; под общ. ред. Г. И. Осадчей. М. : ФНИСЦ РАН, 2025. 383 с. EDN: AXDMON. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024.

Об авторе:

Глазьев Сергей Юрьевич, академик РАН, доктор экономических наук, профессор, Государственный секретарь Союзного государства России и Беларуси, Постоянный Комитет Союзного государства (Москва, Россия);
e-mail: serg1784@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4616-0758

References

1. Treaty on the Eurasian Economic Union (Signed in Astana on May 29, 2014) [Electronic resource]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (accessed on July 31, 2025)
2. Integration Processes in the Eurasian Economic Union: Socio-Demographic Aspects. On the 10th Anniversary of the EAEU : [scientific report] / G. I. Osadchaya, O. A. Volkova, M. L. Vartanova [et al.] ; ed. by G. I. Osadchaya. Moscow : Federal Research Center for the Humanities of the Russian Academy of Sciences, 2025. 383 p. (In Russ.). EDN: AXDMON. DOI: 10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024.

About the author:

Sergey Yu. Glazьев, Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, State Secretary of the Union State of Russia and Belarus, Standing Committee of the Union State (Moscow, Russia);
e-mail: serg1784@mail.ru; ORCID: 0000-0003-4616-0758

Рецензия на монографию «Россия и евразийская интеграция в многополярном мире»

Выходец Р. С.^{1,*}, Межевич Н. М.²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

* e-mail: marketing812@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5910-9815

² Институт Европы Российской академии наук, Москва, Россия

Review of the Monograph “Russia and Eurasian Integration in a Multipolar World”

Roman S. Vykhodets^{a,*}, Nikolay M. Mezhevich^b

^a St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

* e-mail: marketing812@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5910-9815

^b Institute of Europe, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Россия и евразийская интеграция в многополярном мире : монография / Л. Э. Слуцкий , М. И. Кротов, В. И. Мунтян — М. : Издательство Московского университета, 2025. — 294 с.

1 января 2025 года исполнилось десять лет с момента вступления в силу Договора о Евразийском экономическом союзе [1]. За это время ЕАЭС продемонстрировал способность и стремление постсоветских стран эффективно объединять свой экономический, социальный и политический потенциал для успешной конкуренции на международной арене, укрепления технологического суверенитета и повышения благосостояния своих граждан.

Представленная коллективная монография [2] является комплексным научным исследованием, в котором подытожены основные результаты, достигнутые на сегодняшний день в процессе евразийской интеграции, в которых наряду с другими интеграционными проектами Евразийский экономический союз играет одну из ключевых ролей.

В целом работа представляет собой фундаментальное научное исследование исторических, экономических, политических и правовых особенностей евразийской интеграции на постсоветском пространстве и их значение для развития всесторонних связей в масштабах «Большой Евразии». Авторы, анализируя становление и эволюцию евразийских организаций (СНГ, ШОС, ЕАЭС, ОДКБ, Союзное государство России и Беларуси), раскрывают особую роль России в этом процессе.

В монографии проведен глубокий научный анализ двух конкурирующих интеграционных проектов: евразийского и евроатлантического, в результате которого авторы приходят к выводу о необходимости переориентации системы стратегического управления в России в сторону повышения уровня экономической безопасности и способности страны к выживанию.

Первая глава монографии посвящена рассмотрению онтологических оснований современного этапа глобализации, который авторы называют «многополярной глобализацией», фокусируя внимание на исследовании роли в ней ЕАЭС. Один из главных выводов авторов состоит в том, что в современном мире экономическая глобализация из формы тоталитаризма однополярного мира трансформируется в многополярную глобализацию, в которой доминирующей тенденцией выступают процессы регионализации.

Авторы указывают, что разрешение противоречий и снижение конфликтного потенциала в процессе перехода от однополярной глобализации к многополярной связано с глубинными изменениями в управ-

лении современным международным порядком, заключающимися в равноправном участии трех геополитических сил: Запада, БРИКС и развивающихся стран. При этом вектор мирового развития, по утверждению авторов монографии, будет определяться отношениями между лидером уходящей в прошлое однополярной глобализации — США и новыми лидерами — Россией, Китаем, Индией на фоне успехов или же просчетов евразийских интеграционных проектов.

В условиях глобального мегатренда по формированию справедливого многополярного мироустройства, охватывающему все страны и основные сферы общественной жизни, в монографии обосновывается особая роль ЕАЭС, который имеет особые экономические отношения с другими сторонниками многополярной глобализации в Азии, Африке и Латинской Америке, что наделяет его потенциалом по инициированию формирования новых международных регуляторов и развития регионального сотрудничества.

Во второй главе авторы скрупулезно анализируют экономические, социально-политические, идеологические и международные причины распада СССР и влияние, которое оказало Беловежское соглашение на интеграционные процессы на постсоветском пространстве. Как справедливо указывается в работе, последнее носило как разрушительный, так и объединительный характер, поскольку напрямую увязывало обретение независимости и государственного суверенитета Беларуссией, Россией и Украиной с созданием СНГ как межгосударственного объединения с общим социальным, экономическим, военно-стратегическим пространством. В этом контексте один из ключевых выводов этой части монографии недвусмысленно трактует саботаж Украиной Беловежского соглашения и неподписание ею Устава СНГ в качестве серьезного аргумента, ставящего под сомнение признание территориальной целостности этой страны.

В последующих трех частях работы авторы сосредотачивают свое внимание на детальном анализе становления и развития ключевых интеграционных проектов на постсоветском пространстве — СНГ, ЕАЭС, Союзное государство, подчеркивая их особое значение для всесторонней интеграции в формате «Большой Евразии».

Центральное место в монографии занимает восьмая глава, в которой авторы ставят и решают вопрос о способности к выживанию и сотрудничеству стран-лидеров «Большой Евразии»: России, Китая и Индии. Выводы к данной части работы одновременно подытоживают центральные сюжеты всего исследования. Основная мысль авторов обращает внимание читателей на глобальное противостояние евроатлантического и евразийского проектов, в котором на первый план среди показателей устойчивого развития страны выходит такая категория, как способность к выживанию, а обеспечение экономической безопасности является ее важнейшим компонентом.

На основе расчета и анализа системы интегральных показателей и индексов авторы приводят собственную оценку способности к выживанию четырех мировых держав — России, США, Китая и Индии. По мнению авторов, среди этой четверки Россия и США обладают наиболее высокими и примерно равными показателями, около 70 из 100%, далее следует Китай — 59,8% и Индия — 41,7%. Особого внимания заслуживают результаты авторского анализа наиболее сильных и слабых сторон в развитии этих стран, которые оказывают существенное влияния на их способность к выживанию (см. таблицу).

Таблица

Наиболее сильные и слабые стороны России, США, Китая и Индии

Table. The greatest strengths and weaknesses of Russia, the United States, China and India

Страна	Сильные стороны	Слабые стороны
Россия	Ядерный потенциал, географические условия, природные ресурсы	Недостаточность населения, экономический потенциал
США	Ядерный потенциал, глобальная конкурентоспособность, население	Национальная мораль, природные ресурсы
Китай	Глобальная конкурентоспособность, рейтинг безопасности страны	Природные ресурсы, ядерный потенциал
Индия	Национальная мораль, глобальная конкурентоспособность	Природные ресурсы, географические условия

Источник: составлено авторами на основе данных, приведенных в рецензируемой монографии [2].

Авторы подчеркивают, что будущее мирового порядка определяет характер взаимодействия именно США, России, Индии и Китая, в то время как Европейский союз и другие страны коллективно Западу практически полностью утратили ведущие позиции в мировой политике.

Пристальное внимание в данной главе монографии уделено анализу, содержанию и направленности двустороннего и многостороннего сотрудничества в треугольнике Россия — Индия — Китай. При этом авторами делается вывод о том, что, несмотря на имеющиеся высокие результаты, достигнутые Россией в области развития стратегического партнерства с Китаем и Индией, для укрепления национальных позиций в многополярной глобализации имеющийся двусторонний формат сотрудничества должен дополняться такими международными форматами, как ЕАЭС — Китай и ЕАЭС — Индия, а также ОДКБ — Китай и ОДКБ — Индия.

Заключительная глава логически подводит итоги исследования в отношении России, делая акцент на стратегии пространственного развития страны, имеющей, по мнению авторов, существенное значение для повышения способности к выживанию и потенциала России в современном мире.

Для совершенствования территориального управления авторы предлагают использовать матрицу выравнивания структурных диспропорций в социально-экономическом положении регионов России, которая фиксирует проблемы, причины их возникновения, цели и пути решения, применяемые для этого метода, а также потенциальный эффект от их применения. В целях практической реализации данной идеи авторы предлагают в качестве экспертно-консультативной структуры создать Центр системного анализа, координации и принятия решений.

В декабре 2024 года в России утверждена Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года [3]. В связи с этим авторы предлагают дополнить план мероприятий по ее реализации приоритетами более высокого уровня — национальной и экономической безопасности, а также включить в него комплекс действий, направленных на обеспечение трех ключевых направлений: живучести, устойчивости и мобильности национальной экономики.

В качестве основного вывода авторы указывают на необходимость дополнения Стратегии пространственного развития России международной стратегией пространственного развития Евразийского экономического союза, а в перспективе и соответствующими стратегиями в рамках СНГ и ШОС.

В целом представленная монография является актуальным и своевременным, глубоким научным исследованием, в котором, с одной стороны, представлен оригинальный взгляд на тектонические мировые процессы, а с другой — проведен детальный анализ частных аспектов национального и регионального развития, а также дан целый ряд рекомендаций и предложений в сфере государственного управления, экономической и политической практики.

С теоретико-методологической точки зрения работа привлекает к себе внимание ярко выраженным междисциплинарным характером, в котором методы статистики, экономики, политической науки органично сочетаются с мировоззренческими и социально-философскими подходами. Широкий исторический и географический контекст исследования, опора на обширный эмпирический материал, глубина анализа, а также масштаб затрагиваемых проблем и предложенных авторами выводов автоматически относят монографию к большому научному формату.

Результаты проведенного исследования вносят большой вклад в научные исследования широкого спектра проблем современной мировой политики и международных отношений, а также представляют значительный научный и практический интерес как в сфере государственного управления, так и на высоком международном уровне, где в настоящее время вырабатываются стратегические решения о будущем мирового порядка.

Вне всяких сомнений, монография «Россия и евразийская интеграция в многополярном мире» займет достойное место не только в библиотеках всех специалистов, чьи научные интересы связаны с евразийской интеграцией, но и на столах мировых политиков, от решений которых зависит ее будущее.

Список литературы

1. Договор о Евразийском экономическом союзе (вступил в силу 01.01.2025) [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/236/8429/> (дата обращения: 26.09.2025).
2. Россия и евразийская интеграция в многополярном мире : монография / Л. Э. Слуцкий, М. И. Кротов, В. И. Мунтиян. М. : Издательство Московского университета, 2025. 294 с.
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/all/157308/> (дата обращения: 26.09.2025).

Об авторах:

Выходец Роман Сергеевич, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия);
e-mail: marketing812@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5910-9815

Межевич Николай Маратович, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт Европы РАН; исполнительный директор, Ассоциация внешнеполитических исследований имени А. А. Громыко; президент Российской ассоциации прибалтийских исследований (Москва, Россия);
e-mail: mez13@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3513-2962

References

1. The Treaty on the Eurasian Economic Union (entered into force on 01.01.2025) [Electronic resource]. URL: <https://docs.eaeunion.org/documents/236/8429/> (accessed: 26.09.2025).
2. Russia and Eurasian Integration in a Multipolar World : monograph / L. E. Slutsky, M. I. Krotov, V. I. Muntian. Moscow : Moscow University Press, 2025. 294 p. (In Rus.).
3. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 28, 2024 No. 4146-r [Electronic resource]. URL: <http://government.ru/docs/all/157308/> (accessed: 26.09.2025).

About the authors:

Roman S. Vykhodets, Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia);
e-mail: marketing812@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5910-9815

Nikolay M. Mezhevich, Doctor of Science (Economy), Professor, Chief Researcher, Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences; Executive Director, A. A. Gromyko Association of Foreign Policy Studies; President of the Russian Association of Baltic Studies (Moscow, Russia);
e-mail: mez13@mail.ru; ORCID: 0000-0003-3513-2962

2025. Том 19, № 3

**ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, ПОЛИТИКА**

Международный научно-аналитический журнал

Выходит 4 раза в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Выпускающий редактор
Е. А. ЛЫСУНЕЦ
lysunets-ea@ranepa.ru

Корректоры
Е. В. АНТОНОВА,
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ

Верстка
А. Л. СЕРГЕЕНОК

Дата выхода в свет 30.09.2025.

Подписано к печати: 15.09.2025

Формат 84×108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 10,5. Тираж 50 экз.

Заказ № 3/2025.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-72803 от 25 мая 2018 г.

Распространяется бесплатно.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации
199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72